

Валентин Богданов

Пятигорский
голова
Найтаки

Москва

ОНТО ПРинТ
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Б73

Богданов В. А.

Б73 Пятигорский голова Найтаки / В.А. Богданов. – М. :
Издательство «ОнтоПринт», 2020. – 332 с.

ISBN 978-5-00121-327-7

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00121-327-7

© Богданов В.А., 2020

Пролог

Таганрогский купец 3-й гильдии грек Петр Афанасьевич Найтаки переехал на Кавказ в начале 19-го века. Наиболее интересные годы деятельности Петра и его сыновей Егора и Алексея пришлись на четверть века с 1835 по 1860 год.

Кавказская война была в разгаре. На относительно спокойном центральном участке Азово-Моздокской кордонной линии в прекрасной местности Кавказских минеральных вод располагалась медицинская база Кавказского корпуса.

Раненые и больные помещались в госпиталях, в гостиницах и в домах жителей. Целебные свойства этих мест привлекали на лечение также состоятельных людей из России.

В воскресенье 10 мая 1835 года Петр Найтаки взял в аренду сразу три крупные гостиницы с ресторациями: новую в Ставрополе у купца 1-й гильдии Ганиловского и две старые в Пятигорске и Кисловодске у казенной Строительной комиссии (в них действовали Дома дворянского собрания).

Трое Найтаки были так похожи, что современники их путали и называли всех Петром. Естественно, что у историков возникла легенда об одиноком рестораторе Найтаки. Но их было трое! Отец и два взрослых сына. Иначе, как они могли управлять гостиницами сразу в трех удаленных городах?

В 1857 году Пётр умер. Руководить делом стал Алексей Петрович. Его выбрали головой города Пятигорска. В 1860 году управление на водах отдали контрагенту. Тогда Алексей взял в аренду частную гостиницу без ресторации в Пятигорске и открыл собственную гостиницу в Кисловодске.

В годы легендарной аренды «у Найтаки» бывали М.Ю. Лермонтов, М.И. Глинка, Н.П. Огарев, В.Г. Белинский, Л.Н. Толстой, Н.И. Пирогов и многие другие знаменитости. В отличие от великих людей жизнь скромных Найтаки была *terra incognita et oblitus* – землёй неизвестной и забытой.

Исправляет эту забывчивость представленный ниже роман. Стало понятно, почему после победы в Кавказской войне Правительствующий Сенат присвоил пятигорским купцам 2-й гильдии Найтаки потомственное почетное гражданство Российской империи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Хырсыз значит разбойник.
Г.И. Филипсон, 1883 г.

Посетители и работники

Шел 1836 год. Утро в тот памятный день было обычным для середины лета – спокойным и ясным. В кисловодской котловине, окружённой безлесными горами, пропели петухи и разбудили слободу, крепость и казачью станицу.

Небо эффектно светлело, как бывает только в горах. Свет и тени переменялись по горам, живя своей космической жизнью. Из-за горы Кабан на Джинальском хребте появились солнечные лучи и окрасили в ярко-розовое крутые откосы Боргустанского хребта, что нависли над дальним берегом речки Подкумок.

Вблизи в тени горы Святого духа, называемой в наше время Крестовой, стали видны деревянные ванные сарай, прогулочная площадка, две галерейки и неглубокий колодец с крышкой вровень с землёй.

Под крышкой неровно бурлил ключ нарзана. Звуки нарзанного бурления соединялись с монотонным шумом речки Ольховой, текущей рядом по парку.

Сквозь путанные водные звуки слышался быстрый шорох хряща¹. Это повариха Прасковья, легко ступая изящными чувяками с вышитыми ноговицами, бежала в ресторацию через площадку у нарзанного колодца. Невольно ощущая красоту волшебного утра, она с душевной радостью торопилась на работу.

Вдруг она испугалась и остановилась, когда увидела двух вооруженных всадников. Каждый вел в поводу навьюченную лошадь.

По убитому² хрящу первым подъехал рослый горец с

¹

горный гравий

² *утрамбованному*

длинными усами и окладистой бородой каштанового цвета.

– Крашенные хной – подумала она. Его статное тело облегла чох со скромной вышивкой. Папаха вроде колпака из тёмно-рыжей блестящей смушки была сдвинута слегка на затылок и открывала лоб. С загорелого лица внимательно смотрели карие глаза из-под смоляных бровей.

Задний всадник в черкеске и откинута башлыке был моложе, ниже и крепче фигурой. Длинные пряди шерсти, свисающие с белой мохнатой шапки, закрывали голубые глаза, горбатый нос и короткие рыжие усы.

Всадники хотели выглядеть, как люди, уверенные в себе, но ей показалось, что приезжие не знают, куда двигаться дальше. Бородатый всадник заговорил с грузинским акцентом:

– Здравствуй! Скажи, уважаемая, как правильно ехать на базар?

Она подумала: «Я права – прибыли новые купцы. Из Грузии. Но не ко времени! На слободской площади собирается не воскресный базар, а скорее домашний базарчик. В будний день там привозным товаром не торгуют».

Прасковья ошибалась. В Кисловодск заехали не купцы, а черкесы. Не робкие и наглые абреки, которые во множестве бродили по ближним окрестностям города, ища случайной добычи. Заехали дальние черкесские разведчики. Старший из них был особенный человек.

Я отнес бы его к тем природным затравкам, которые, будучи помещенными в возбужденную среду черкесов на Западном Кавказе, могли бы вызвать бурную кристаллизацию, вроде той, что произвел имам Шамиль на Востоке Кавказа. Сообщество горцев стало бы прочнее цельной глыбы гранита.

Из воспоминаний участников кавказской войны можно понять, что царские военачальники видели эту опасность. Их продуманная тактика остановила начинающийся процесс объединения сил сопротивления. Один из эпизодов этой борьбы произошел в Кисловодске.

– Что вы продаёте? – решительно спросила повариха.

– Оружие красивое: шашки и кинжалы. Имеем отличные ножи для хозяйства и для охоты. Может, купишь, любезная? Недорого станет. Век будешь благодарить!

Ещё имеем палки, трости и другие вещи из хорошего дерева. Украшены – глаз не оторвут! Тебе, молодой, палку не надо. Я понимаю. Но ты, все равно, заходи – найдём для тебя лучший товар!

– Спасибо за приглашение. Знайте, ваш лучший товар можно продавать у нас всякий день без базара. Поезжайте-ка, гости уважаемые, к балаганам за речкой. Вон туда! Видите их? Там каждый день торгуют всякой всячиной и оружием тоже. Не найдете никого, подождите, – продавцы придут скоро, разложат товар и откроют торговлю.

Бородатый, похоже, умел продавать, и тут же принялся любезничать с красивой женщиной, будто истинный грузин:

– Скажи, как здесь идёт торговля? Вижу, тебе всё знакомо. Для тебя, милая, нужна сильная защита. Так я думаю. Вай! Такой красавице, как ты, самого лучшего оружия не пожалею. Верь мне!

– Упаси, боже, от вашей защиты! От неё никакое оружие не спасёт! – кокетливо засмеялась Прасковья. И сказала:

– Торговля у нас похуже, чем в Пятигорске, но наши курсовые платят лучше. Коли останетесь до воскресенья, расторгнетесь с прибытком. На базар в слободку приедут горцы. Они оружию всегда рады. Думаю, что вам в обмен предложат овец. У нас баранина превосходная! Можете потом хорошо перепродать в Пятигорске.

– С выгодой! Так говорят, – прибавила она.

Обменная торговля купца, похоже, не интересовала. Он прекратил любезничать и стал по-восточному вычурно и многословно объяснять, что весьма благодарен ей и ждёт, что она придёт и украсит собой торговлю. Ничего необычного в торговцах не было. Всякий народ здесь бывал. Но позднее открылось кое-что важное, о чём я расскажу в своё время.

Прасковья, однако, была совершенно уверена, что она права, принимая всадников за торговцев. Ей было ясно, почему они оказались тут так рано. Затемно поспешали от станицы Эссентукской. Настоящие торгаши! Понимают, если не успеешь к началу базара – хорошо не продашь. Она-то знает! Самой приходилось приторговывать по хозяйству.

Рассуждая так, повариха поднялась по тропинке на

пригорок к ресторации. Под деревьями, окружающими ресторацию, она замедлила шаги, задумалась и вдруг остановилась. Торговцы были забыты.

Её снова тревожила одна привязчивая мысль. Ей чудилось, что на кухне исчез некий продукт. И, совсем уж плохо, она не могла вспомнить, что пропало или чего не хватает!

Когда такое случалось дома, тогда она обращалась за продуктом к соседке. Взаимопомощь действовала в деревнях безупречно спокон веку.

В ресторации это было невозможно. На хозяйственном дворе существовали добрые отношения, но получить поддержку соседей было нельзя – соседей не было! Рассчитывать приходилось на себя. Именно это было постоянной головной болью поварихи.

Её беспокоили не основные продукты. Птица, рыба, баранина и всякое мясо, а также хлеб, мука, крупы, яйца, масло, молоко, фрукты, овощи и другое – все поступало от жителей бесперебойно. Они рады были продавать недорого, и нередко доставляли всё прямо на кухню.

Прасковью волновало иное. Она знала, что ежели во время готовки не окажется под рукой нужной специи, случится беда! Её озабоченность замечали. Некоторые даже считали, что у поварихи плохо с головой.

Сегодня Прасковья составила список покупок, которые привезут из Пятигорска. Она полагала, что запас не помешает. Но ей все равно казалось, что чего-то нехватает.

К несчастью, случилась другая неожиданная неприятность – повозка поломалась! Хозяин Петр Афанасьевич и кучер Тохтар допоздна починяли её. Слышала – вроде бы исправили! Поездка состоится, и она пополнит свои запасы. Тогда она проверит привезенное по списку и разберется, не померещилась ли ей пропажа.

Всадники смотрели Прасковье вслед. Затем бородатый торговец негромко засмеялся и, довольный собой, сказал своему спутнику:

– Вот и первая встреча в городе. Похоже, что эта хитрая, как лиса, женщина нас не заподозрила. Теперь можно быть

уверенными, что в Кисловодске никто не догадается, кто мы такие.

Первую проверку мы прошли успешно! Однако расслабляться нельзя. Впереди много дел. Переночуем поблизости и отправимся дальше.

Не будем привлекать внимание к себе, и уберемся из этого людного места. Давай, Аслан, трогай вперед к броду! Переправимся и будем ждать торговцев за речкой на торжище.

Надеюсь, что нас там не узнают. К неприятностям лучше подготовиться заранее. Лошадей не будем расседлывать. Если не заподозрят, то останемся и расседлаем, а иначе уедем сразу, пока народ не собрался.

Привычная тропинка привела Прасковью на широкий двор ресторации. Ей было знакомо здесь все, до последней мелочи. Впереди на другой стороне двора поднимался склон горы, в который были врыты ледник и каменная кухня, покрытые камышом.

Слева в невысокой каменной ограде были въездные ворота. Они открывались в короткий проулок. За проулком среди густых деревьев различались дом, флигели и другие постройки усадьбы помещика Алексея Фёдоровича Реброва.

Справа виднелись парковые деревья. Под них спускалась крутая дорожка.

Двор только что закончил мести старый солдат Нефёдыч, сторож и дворник в одной персоне. По императорскому указу солдат находился в бессрочном отпуске после более чем двадцатилетней службы. На родину не вернулся – там его никто не ждал.

Одинокий старик привык к Кавказу и остался у приказчика Митрича, позволившему сослуживцу жить в саманном домике в углу двора.

Прасковья знала, что Нефёдыч, придя домой, зайдёт разбудить Митрича на работу. Она попросила передать, что куропаток не хватит и кофий кончается.

Старый ветеран галантно поклонился, шаркая ногой и размахивая драной шляпой. Закончив поклон, аккуратно убрал дворницкое снаряжение, фартук и нарукавники, щёлкнул

пальцами и отправился домой. Впереди бежала, оборачиваясь и виляя хвостом, его собачонка.

Повариха знала, что стариковские чудачества не помешают добряку всё исполнить.

Тихо открыв хорошо смазанную дверь, она вошла в кухню. Покрестилась на икону Лаврентия Римского, едва различимую в углу в свете лампы. На столе от ночника зажгла свечи в шандале.

Быстро сменила обувь. Сняла кацавейку. Перед зеркальцем поправила белый передник с розовой оборкой и перевязала розовый головной платок с цветочками, голубыми, как её глаза.

На русской печи спали её помощники девушка и мальчик, круглые сироты, дети покойной кумы с Подолья. Она позвала девушку тихонько – девичий сон чуток:

– Аннушка, милая, вставай!

Мальчика не стала будить. Помощница прошептала молитву, умылась, оделась, переплела косу, покрылась платком и повязала передник, похожий на поварихин. Выгрела зольники, стараясь не пылить. Сок с золой вынесла за ворота. После принесла ведра с водой, заготовленной с вечера, и наполнила котёл, вмазанный над очагом.

Прасковья Семёновна проверила, открыта ли задвижка дымохода, сняла заслонку, открыла дверцы и выложила в горниле печи сухую щепу и дрова.

Лучиной взяла огонь от шандала и сама разожгла печь и очаг, а то вчера помощница сплеховала и они остались без огня. Святой огонь из лампы брать нельзя. Другого огня в доме не было. А заграничные спички хозяин не покупает, – дороги! Долго высекали искру из кремня и раздували трут.

Готово! Огонь весело пляшет, дрова потрескивают, дымоход гудит. Помощница сбегала и принесла из ледника всё, что надо. Сняла слой сливок и поставила молоко согреться. Просеяла муку. Пока на очаге грелась вода, повариха замесила дрожжевое тесто на яйцах и молоке и выставила к печке – скорее поднимется. Вытерла руки и заняласьстряпнёй.

Помощница ласково разбудила мальчика, разоспавшегося на тёплой печке. Мальчик поварёнок, позёвывая, с молитвой

сходил во двор, принёс дрова и бросил у печки.

Прасковья Семёновна велела сложить в подпечек, как она учила, чтобы дрова сушились, и напомнила, чтобы не шумел на дворе. Когда закончит, будет молоть пожаренный вчера кофий. Надобно проследить, чтобы не забыл умыться.

Уже подавала звуки жизни слобода. Возле домов двигались люди, животные, конные повозки и всадники.

Хозяйки топили печи и готовили еду для семей. Торопились, чтобы не задерживать мужчин. Выпустили подоенную скотину за ворота. Она присоединилась к стаду, которое гнали пастухи на выпас.

В отличие от слободы в части города, где лечились, было заметно тише. За этим следила гауптвахта. В пять часов из домика гауптвахты вышел особый сторож и ударил в колокол, висящий на столбе перед крыльцом ресторации.

Звон колокола присоединился к далёкой барабанной дробу побудки в крепости. Первые курсовые поспешили к питью нарзана и к нарзанным ваннам, чтобы начать лечение.

На звон колокола проснулся Алексей Петрович хозяйский сын и уверенно открыл ресторацию. Он не сомневался, что к этому моменту кухня уже подготовила блюда для завтрака.

Приказчик Илья Дмитриевич и горничная Ксения доставили на конной повозке постиранное и поглаженное постельное бельё, салфетки, скатерти и купленный провиант из слободы и станицы.

Поздоровались. Выложили продукты. Приказчик достал точильный камень и принялся востривать ножи.

Пока на кухне занимались делами и в номерах спали, горничная Ксения дочка овдовевшей сестры станичного атамана сказывала очередную байку. Откуда она брала свои байки, никому не было ведомо.

Друзья Ксении не верили, что это импровизации ума, как объяснял Алексей Петрович. Ведь она не стихи творила, как древний поэт Гомер, с которым хозяин её сравнивал.

Помощница кухарки Анна утверждала, что это не байки, а сказки. Ксения сочиняет их по ночам как Шехерезада, о которой говорил Пётр Афанасьевич. Анна тогда ехидно

спрашивала сказительницу, где её Шахрияр.

Все давно догадывались о причине, из-за которой ревнивая Анна задирала Ксению. Дело было в молодом рекруте Саше из крепости.

Новую байку горничная Ксения начала так:

– То не притча и не сказка, а всамделишная история. Вчера вечером сменяли казаков на бекете, что на горке. Спрашивает урядник: «Любо? Ну что, волжцы, по коням?»

Один ворчит: «Всё «по коням», да «по коням», а я «по бабам»!»

Примчался до дому, слётает с коня и орёт: «Жинка, отчинай ворота!»

По секрету скажу, что казаки, сменившись, с устатку опрокинули по стопке полугарного¹.

А ему паразиту было мало, и он добавил по дороге. Стучит в ворота. Никого!

Вы знаете, у них на дворе стоят два куреня. Он влетает с нагайкой в курень. А на постели, глазам не верит, лежат сосед полюбовник и жена в балахоне. Он в нагайку. Те вскакивают.

Глядь, а баба-то – чужая! Жена у него, напротив, была хорошая женщина, не хабалка²! Казак рот раззявил и остолбенел. Доселе с тем соседом рты не закрывают – пьют и гуторят, пьют и гуторят.

Рассвело, а они на дворе пляшут лезгинку, крутят нагайками и чечекают. Посля спивают: «На горе стоял Шамиль. Он богу молился. За свободу, за народ низко поклонился». Обнимаются и голосят: «Ойся да ойся, ты меня не бойся. Я тебя не трону, ты не беспокойся!». Дать бы им тулумбасы, так они станицу поставили бы на уши!

Все рассмеялись. Отсмеявшись, приказчик Митрич погладил усы и сказал рассудительно:

– Знаем, кто он! Ему не впервой колобродить. Зенки залил и залез в чужую хату. Вот архаровец!

Все согласились с Митричем, хотя сочувствовали буйной

¹ после выгорания спирта оставалась половина исходного раствора; таким был государственный стандарт доброты хлебного вина

² бесстыжая женщина (жарг.)

казацкой головушке.

Анна с усмешкой спросила:

– Чем история закончилась?

– Чем, чем? – ответила Ксения. – Сама знаешь, слухи у нас разлетаются быстро. Узнала Галина, его жена. Она ночевала у матери, пока казак сторожил в наряде.

Казачий перепляс (И.Л.Машков)

Пришла злая и устроила благоверному жуткий разнос. Не передать, какими словами она своего забулдыгу лаяла, что срамит её перед соседями! Довертелся, гуляка!

С глаз долой отправила, не покормив, в горы к батьке. Велела отвезти хлеб и другую еду, а обратно доставить сыры на выдержку. Она знала, куда голодного мужа отправляет!

Ксения вздохнула и сказала:

– Их старый батя, казак суровый – вы его знаете – пасёт под Джиналом овец. Сам их сдаивает и варит сыры у кошары.

А вот, что вы не знаете, – это как жалостливый батя воспитывает своё непутевое дитё. Поначалу спрашивает мирно: «Малой, кандёр будешь?» Посадит его исть, а сам идёт резать хворостины с таволги.

Не доводит же загул до того, чтобы сын страмно получал воспитание на казачьем сборе, и просил прощение перед всей станицей. После чего все на него указывали бы пальцами.

Старухи на лавочках у ворот трепали бы языками их фамилию, лузгая семечки и сплёвывая не в кулак, а наземь! А Старики припечатывали бы осуждение навсегда. Никто не пощадит. Да, вам известно! Но хватит об этом! Я все сказала.

И Ксения, расстроенная неурядицами бедового казака, перестала сказывать свою байку. Митрич солидно заметил:

– Слава богу, всё обошлось по-родственному, а не хуже!

Поварёнка любят все: он получает кружку парного молока и горбушку тёплого хлеба, намазанную маслом и мёдом. К подолу казачки ластится кошка, – мурлыке наливают молока в чистую миску.

На кухне известно, что эта кошка замурлыкивает болезни людей по своей воле. Однако не говорят об этом вслух – не полагается! Все продолжают заниматься делами.

Парнишка и кошка завтракают, сидя рядышком в углу на земляном полу. Они друзья, играют вместе и оба любят спать на теплой печи.

Пока Ксения рассказывала, пришли подавальщики и буфетчик. Помощница поставила на стол подогретую вчерашнюю еду. Слуги поели на ходу и поспешили в зал ресторации. Их время пришло – явились завтракать ранние курсовые.

Приказчик и повариха успели закусить и взялись судачить про меню, составленное сыном хозяина.

Они знают, что блюдо консоме с фрикаделями готовить намного сложнее, чем фрикасе из куропаток! Надобно долго рубить мясо да лепить болюсы. И кому это делать? Быстрее сварить ушицу!

Хозяин расстроился, что из Астрахани белужью икру и визигу от Сапожниковых не привезли. От расстройства опять забыл купить в Ставрополе мясную мельницу.

Когда он вспомнит? В пятигорской ресторации есть, а у нас до сих пор нет! Потом повариха посетовала, что хозяин не нанимает вторую помощницу. Выходит, напрасно она сговорилась со сватьей.

На её огорчения Митрич сказал, что не всё потеряно: хозяин Афанасич – человек строгий, но, кажется, более справедливый, чем предыдущий арендатор Минай Подкуйченко из Георгиевска.

Например, когда начинал, Афанасич не прогнал никого! И даже не расстался с теми, кем не доволен. Надеется, что они исправятся. Повариха подумала: «Кого он имеет в виду? Не меня ли из-за мельницы?»

– А уж, какой он строгий! – продолжил Митрич, – даже с постояльцев требует плату за испорченную мебель, испачканные стены или рваное постельное. Зато, какой теперь везде порядок и чистота!

И не потому, что мы ждём императора и без конца чистим, красим и убираем, – просто у Афанасича натура такая. Одно слово, чистюля! Я помню прежних арендаторов. Те были не такими!

Повариха подумала: «Митрич увлёкся! Хвалит через край. Видать, натворил дел, и Пётр опять будет его ругать».

Она не догадывалась, что всё было не так просто. Митрич скрывал, что Афанасич будет вручать ей подарок – набор кухонных ножей. Они оба считали, что старые ножи на кухне пора сменить.

Между тем, приказчик продолжал нахваливать хозяина:

– А ещё он расчётливый и не переплачивает, как иные, за продукты. В винах разбирается, – посетители довольны. Сыновья у него хозяйственные. Особенно Алексей, а про Егора, близнеца, что живёт в Ставрополе, ничего не скажу! Хотя говорят, что он не хуже, чем Алексей, но я его не видел ещё.

– Всё верно! – признала повариха.

– Завтра предстоит напряженный день, – продолжил приказчик. – Хозяину ехать сегодня за продуктами и, главное,

закупать вино в Пятигорске. Ведь скоро нам праздновать день рождения государыни. С выездом мы задержались, так как пришлось чинить поломавшуюся повозку. Грузёную повозку погонит назад Тохтар.

А мы очень постараемся с готовкой обеда, пока хозяина не будет. Не правда ли, Параша? – он пытался шутить.

Ему не нравилось напряжение поварихи. Он подумал: «Ксеню бы сюда с новой историей – поболтала, и повариха бы расслабились. Но Ксения ушла в номерах прибираться!»

Прасковья с готовностью высказалась:

– Правильно говоришь! Государь император считает этот праздник важным. Очень он уважает свою красавицу государыню Александру Фёдоровну.

Говорят, что государь ужас какой строгий! И сердится, когда что-то плохо делают. Он всё знает, часто ездит всюду и смотрит, как люди живут. Вдруг он к нам заедет?

Точно, – согласился Илья Дмитрич, – поэтому нашему хозяину надо на другой день самому следить за праздничным обедом в пятигорской ресторации и присутствовать в церкви на обедне с начальством, а вечером делать бал.

Ничего, мы здесь управимся сами! Алёша у нас тоже неплохо командует. И мы не вчера родились! С божьей помощью сможем.

Жаль, в храм никому из наших не попасть! Но батюшка у нас добрый. Перед обедом зайдёт на кухню, чтобы благословить нас и еду.

Ты слышала последнюю новость? В крепости майор решил отличиться. С нашим Афанасьевичем передал в Пятигорск записку коменданту Петру Петровичу.

Предлагает вечером устроить в крепости фейерверк и сделать пушечный салют.

Спрашивает, достаточно ли будет трёх залпов? Это на одну пушку! Не палить же все 38 по возрасту государыни?

Сколько это будет на пушку? Думаю, Пётр Петрович разрешит три выстрела, как всегда. На другой день быть салюту!

Ладно, когда-то ещё праздник будет, – заключил Митрич, – а сейчас надобно заняться сегодняшними делами.

И взялся за гусиное перо. Поправил покупки в списке на те, что подешевле, как требовал хозяин. Он знал, что всё затребованное поварихой имелось на кухне пятигорской ресторации. Если не купят на базаре, возьмут из кладовой тамашней ресторации.

Помощница и поварёнок уже трудились. Мальчишка смолл кофей и стал подносить Прасковье и Анне всё, что просят. Мух гонять некогда!

Подавальщики, закончив в зале, превратились в подсобных рабочих. Они снуют по двору, несут воду, обрабатывают овощи, готовят дрова. В отведенном месте бьют живность, рубят туши, ощипывают птицу и чистят рыбу.

Повариха доверила им измельчить мясо для французских фрикаделек. И пошутила, что наши бьют, колют и рубят по-суворовски так, что всем чертям наполеонам не сдобровать!

Когда пицца печётся, жарится, кипит и томится, охлаждается и насыщается, слуги отдыхают на лавочке в тени и беседуют. Немного расслабляются.

Их не беспокоят. Услышав призыв приказчика, поднимаются, оправляют себя и спешат к посетителям. Обед начинается вовремя.

Встреча с ресторатором

Гостиницей и ресторацией управляет арендатор грек Петр Афанасьевич Найтаки, пожилой человек лет около шестидесяти.

Полагаю, что его редкая фамилия произошла от греческого прозвища ναυτάκης, что переводится как маленький мореход, матросик. Греки всегда любили уменьшительные суффиксы. Русский язык более нейтрален. Он убирает звук «с» в конце греческого слова, и оно читается, как наутаки или нафтаки.

Очевидцы свидетельствуют, что Петр Найтаки был небольшого роста и имел удивительно большие бакенбарды.

К счастью, сохранились фотографии Петра Алексеевича внука и тезки Петра Афанасьевича. Эти фотографии бережно пронесла через невзгоды жизни моя мама Мария Петровна Найтаки.

Когда я смотрю на сохранные столетние фото, мне кажется, что облик внука частично повторяет облик деда.

Дед Петр Афанасьевич, кисловодский ресторатор, невысок. У него плотное тело и крупная голова. На смуглом округлом лице тёмные глаза, чёрные брови, открытый лоб и прямой нос. Уши крупные. Черные усы и чрезвычайно большие бакенбарды аккуратно причёсаны. Прямые волосы на голове приглажены. На висках легкая седина. В уголках рта кроется слабая улыбка, говорящая о живом характере.

Пётр Алексеевич Найтаки (?– 1918)
внук Петра Афанасьевича (1777-1857)

По свидетельствам многих людей Петр Афанасьевич Найтаки был удивительно услужлив и любезен. Как образно писал один свидетель, он был «вечным», то есть необходимым, вездесущим и малозаметным.

Определив, как выглядел ресторатор Петр, можем вернуться в ресторацию. Увидим, что Петр вошел на кухню со свёртком подмышкой. Развернул белую ткань перед поварихой, вынул набор ножей в лакированной деревянной подставке и сказал:

– Бог в помощь! Уважаемая Прасковья Семеновна, получи набор кухонных ножей. Это тебе подарок к празднику. Ножи немецкие из лучшей стали «золинген» и наточенные. Попробуй!

– Спасибо, Пётр Афанасьевич! Сразу вижу, отличные ножи! А ручки какие красивые! Обязательно попробую, – ответила Прасковья и подумала про себя. – Наверное, купил у тех самых грузинских торговцев, которые встретились мне поутру у нарзанного колодца.

Ножи, без сомнения, красивые! Но ещё неизвестно, придется ли по руке, – она взяла нож в руку и подвигала им, размахивая рукой. – Не время пробовать всерьёз новые ножи, – работы много! Наверное, отдам Аннушке. Прежние ножи, известное дело, привычнее и удобнее. Про мясную мельницу, все равно, напомним!

В царство поварихи Пётр не вмешивается, но, кажется, обеспечивает необходимым в достаточной степени и вовремя. Судя по рабочему настрою, дело движется налаженным чередом. Петр покидает кухню.

На дворе он спрашивает о чём-то кучера, занятого починкой повозки. Соглашаясь со сказанным, кивает головой в ответ. Остановил подавальщика, указал на замеченный беспорядок и, показывая блокнот, сделал короткое внушение.

Из дома вышел солидный господин. Пётр здороваётся, слушает, что тот говорит, и отвечает, жестикулируя с пылом южанина. Выразительно улыбается. Благодарит.

Закончив разговор, спешит на галерейку к входной двери. Растворённую дверь он закрепляет, чтобы она не зацепила подносы, приносимые с кухни. Достает платок и проверяет

чистоту дверной ручки. Оглядывает коврик у порога. С достоинством проходит между столами, останавливается, разговаривает с гостями о еде и лечении.

Пётр твердо усвоил, что здесь Дом благородного собрания, и надобно относиться к работе и к посетителям особенным образом. Он был услужлив так, словно его лично беспокоили заботы каждого. Если обещал что-либо сделать, то не отступал и непременно исполнял обещанное, не теряя ни минуты.

Ещё в прошлом году в Строительной комиссии заметили, что своей безграничной любезностью и услужливостью Пётр Найтаки отличается от предыдущих съемщиков в лучшую сторону. Повсюду слышались благоприятные отзывы посетителей. Приехавшие на курс доверяли Петру и охотно пользовались его услугами.

При этом все чувствовали, что он не забывает своих купеческих интересов. Говорили, что он «ловок на все руки», и верили в его возможности, ведь он не хвастал, а делал. В общественном мнении он был уважаемым, умным и умелым человеком. Его авторитет помогал вести дело прибыльно.

Проверив зал, Пётр проходит в буфет и негромко разговаривает с буфетчиком. Снова возвращается в зал, чтобы почтительно проводить идущего к двери откушавшего гостя.

Попрощавшись с этим посетителем, он, приятно улыбаясь, встречает другого. Отставной полковник останавливался у него в гостиницах в Ставрополе и Пятигорске.

А утром повариха Прасковья сказала, что приехавший вчера важный господин в летах со слугой французом снял домик в слободке у соседки ейной кумы Горепёчки и что Алексей Петрович пошли с Митричем на базар потому, что куропаток может не хватить и кофий заканчивается.

Знающий всё, Пётр Афанасьевич приветствует гостя полным именем.

Отставной полковник удивлён и отвечает:

– Пётр! И ты здесь? Недавно мы видались в Пятигорске. Ты опередил меня. Значит, дела пойдут?

– Слава богу, пойдут-с помаленьку!

Пётр интересуется, как Иван Петрович доехал и всё ли в порядке.

Гость упомянул о плохом снятом жилье и в заключение передал поклон от общих знакомых:

– Хасновы обещались быть. Я их видал третьего дни.

– И, ваше высокоблагородие, – говорит Пётр, – они покидают Горячие Воды на другой день. Для них я приготовил две комнаты.

В остатней комнате живёт важный господин из Ставрополя. У меня всё занято и освободится только на четвертый день, когда княжеская чета Хасновых переедет по соседству к статскому советнику Алексею Фёдоровичу Реброву.

Вблизи за речкой Ольховой тоже живут курсовые. Но, разумеется, для вас найдётся приличное помещение!

Как бы поразмыслив, Пётр уверенно предлагает:

– Говорили, что нониче освобождается номер у Реброва. У него, знаете ли, имеется бесплатная нарзанная купальня на одного.

Коли вы решите, я поспешу и пошлю узнать. Ежели номер определённо освобождается, я скажу, чтобы его придержали за вами. Вас непременно уважат.

Заканчивает Пётр привычными словами:

– Простите великодушно, могу ли я быть чем-нибудь ещё полезен? Надеюсь, вы обратитесь тотчас, как составится нужда. Не угодно ли вашей милости закусить?

Но вместо «*Merci, monsieur!*», обыкновенного для Благородного собрания, полковник произносит «Благодарю!» Так он привык говорить с прислугой.

Скупится на благородные слова! А ведь он слышал ещё в Ставрополе, как Пётр понятно разъяснял слуге Жан-Пьеру на французском языке, где найти прачку и сапожника!

Пётр приглашает гостя:

– Пожалуйста, сударь, пожалуйста-с!».

Улыбается усам полковника и невольно касается своих бакенбард. Вспомнилась греческая пословица «один о бороде печётся, другой – на бороду плюёт». Кажется, её русская сестра – «что имеешь, то не ценишь»! Или «каждому своё»? Какая из пословиц лучше – не важно!

Пётр привык к барственному отношению гостей, – он провожает полковника к столу и с поклоном подаёт меню.

Говорит: «Будьте любезны-с! *Von appétit!*¹» И отступает.

Так бывало не всегда. Завсегдатаи рестораций знали, что иногда терпение Петра иссякало. Он вставал горой на защиту своей чести, если неуважительно относились к заведению.

Одному майору (называли Льва Пушкина, брата поэта), кушавшему гречневую кашу с маслом за 3 рубля 50 копеек, показалось, что это дорого и его обсчитали, записав в счёт лишний кусочек масла. В ответ ему сказали, что положили два кусочка, как он заказал.

Он стал скандалить, крикнул хозяина, отказался платить и назвал ресторацию трактиром, а хозяина разбойником.

Пётр оправдывался, масло дорого, запись есть в буфете. И даже просил назначить цену, какую хочет майор, если она кажется ему оскорбительной. Наконец, уступил совсем, сказав с обидой, что вообще не возьмёт денег.

Майор вышел из себя и объявил: «Да это не трактир, а кабак! И ещё самый негодный».

Тут, рассказывают, кротость и смирение Найтаки превратились в бешенство. Глаза засверкали и, обращаясь к буфетчику, он сказал: «Не брать ни копейки с майора по этому счёту! И вперёд ничего не отпускать ни за деньги, ни без денег, а я подам жалобу, что опозорили моё полезное заведение именем кабака!»²

Впрочем, полковнику не были интересны чужие мнения о ресторации и хозяине. И уж точно, ему не было никакого дела до мыслей Петра. Сейчас он был озабочен другим: доктор велел принимать пищу обязательно через один час после водопития.

Водопиец смотрел на настенные часы.

В ресторациях часы обычно не вешают, чтобы не смущать посетителей и не портить аппетит. Он был уверен, что здесь они висят из медицинских соображений. По часам следует обедать через четверть часа.

Довольный, что угадал со временем, полковник в отставке Иван Петрович Бежитов расслабился и полистал блокнот,

¹ *Приятного аппетита! (фр.)*

² *случай из романа Е. Хамар-Дабанов, Прделки на Кавказе, 1842*

проверяя записи своей утренней рекогносцировки. Что-то пришлось дописать и дорисовать. Впечатлений было много.

Место, где исцелялись

Полковник повернулся к раскрытому окну. Чувствовалось, что в кисловодской котловине солнце сияет ярче, чем в лесистом ущелье между Бештау и Железной горой, откуда он приехал. Там, в Железноводске, много света, но в просторном здешнем селении и безлесной местности – явно больше.

Он помнил из персидских походов, что на юге летом прохлады бывает редко. Чем выше забираешься в горы, тем больше находишь света, жары и холода тоже.

В кисловодской котловине наблюдалась редкая особенность – холодный воздух, приносимый ветрами с мощных ледников Кавказа, смягчал чрезмерную южную жару, поступающую из степи. В чистом воздухе смешивались запахи степного и горного разнотравья.

Хотелось вдыхать всей грудью этот божественный дух. Какое счастье чувствовать единение с горными исполинами, которые с неизъяснимой щедростью дарят вам радость, излечивая от душевных и физических страданий!

Из окна полковнику виден рельеф кисловодской котловины. В низинах текут быстрые речки и ручьи. Вокруг них в изобилии растут кусты и трава. Но выше на склонах гор сквозь траву просвечивают каменистые плечи. Повсюду травянистые склоны прочерчивают горизонтальные тропки, оставленные копытами скота.

Тропки осторожно обходят обрывистые уступы и отдельные скалы причудливых форм и всевозможных оттенков: светло-серые, синеватые, желтоватые и даже почти белые и красные. Кое-где чернеют входы в пещерки, издали похожие на ряды открытых тёмных глаз, неотступно наблюдающих, что происходит внизу.

Местные старожилы рассказывали, что в здешнем источнике тысячу лет назад и веками позднее кавказские богатыри *нарты* обретали силу, здоровье и сказочное долголетие. Они многократно омывали себя целебным нарзаном снаружи и

внутри. Как мы! И призывали святых хранителей племени и всемогущего господина ниспослать им благодать.

Развалины христианских храмов и племенных святилищ до сих пор можно видеть у подножия Шат-горы, по-другому, Эльбруса. Но молитвенные тексты, продлевающие жизнь, исчезли.

По преданию, их спрятали священники, когда полчища Тамерлана убивали народ. Вода богатырей или *нарт сана* вытекает по-прежнему из-под ледников великой горы и насыщается силой в недрах освящённых земель. Однако волшебство древнего бессмертия исчезло.

Когда государю доложили о тайне бессмертия, он послал в здешние края профессора Александра Петровича Нелюбина, ставшего позднее академиком медицины. Профессор измерил состав нарзана и других кавказских вод, и обнаружил, что они лучше европейских, но не нашёл схрана с текстами.

Однако многие люди уверены, что нашёл. Но не смог прочитать, – на молитвах лежало заклятие. Поэтому в наше время сила нарзана лечит недуги и тем удлиняет жизнь, но не творит бессмертия.

Впрочем, все знают, что на Кавказе горцы доживают до преклонных лет. И все понимают, что жизненная сила наибольшая весной, когда в природе всё оживает: от цветущих растений до нерестящихся рыб. Неспроста на водах назначен курсовой сезон от мая до сентября.

Понятно, полковника интересовало, как здесь лечат. Первым делом, надобно было узнать в точности, как здесь всё устроено.

Давеча, проезжая мимо, он увидел вскользь лишь очертания колодца. Выдумщица внучка сказала бы, что над источником сооружена кровать без полога, и он, подыгрывая, пояснил бы, что на ней отдыхал божественный врач Асклепий, когда сотворил источник с помощью дочери Панацеи.

Полковник подступил к колодцу, чтобы видеть всё точно. Колодезный сруб в форме удлинённого восьмигранника аршинов пять в длину и почти три в ширину покрывали доски

вровень с землёй¹.

В досках возле дальних граней сруба темнели отверстия. Поднятые крышки опирались на подставку в центре сооружения вроде спинок кровати. Над углами сруба были установлены на низких тумбах бочонки. Число их полковник не считал, и так было ясно.

Бочонки соединялись деревянными решётками, образуя ограждение. Всё было окрашено с выдумкой и старанием дикой краской² и ярьё³. Против отверстий были оставлены подходы к воде.

В колодце ледяная вода неровно бурлила, большие пузыри углекислого газа хлопками прерывали шум кипения и создавали туман из брызг. В отличие от пятигорских вод никакого запаха, кроме сырости, не чувствовалось.

Полковник подумал: «Удивительное дело, когда углекислого газа много, он наносит ущерб здоровью. Холодный нарзан целесообразно выбрасывает лишний газ, и оставляет ровно столько, сколько необходимо для лечения. Разве сие превращение яда в лекарство не есть чудо из чудес? И сотворила это чудо природа на пользу людям! Уму непостижимо!»

Стакан в божественный нарзан опускали не рукой, а на шнуре. Черпать было неудобно, но правильно для богини Гигиен, другой дочери Асклепия. Действительно, отверстия, открывающие доступ к воде, находились низко и руки не загрязняли источник.

Водопийцы пояснили, что правильно пить – это отпивать половину стакана, чтобы предохраниться от песка, нередко попадающего в нарзан из бурного источника.

Остатки воды из стаканов сливали в лоханки над бочонками, чтобы не создавать сырости под ногами. Слитый в лоханку остаток стекал по подземным желобам в побочный деревянный бассейн, обложенный камнями и окружённый

¹ аршин = 0,711 м, 3 аршина = 1 сажень, 500 саженей = 1 верста = 1067 м.
Меры длины в России до 1917 года.

² кажется, суриком

³ зелёная краска на окислах меди, называемая медянкой или ярьё

перильцами.

В двух шагах от колодца стоял деревянный грибок с крышей, под которой находился обруч с двадцатью железными крючками. На них водопийцы вешали стаканы для сушки.

Источник нарзана

(по карте Озерского, Кречетова, 1829 г.):

1- часы (предположительно); 2- колодец и галереи; 3 — ванны са-
раи; 4 — парковый терренкур; 5 — речка Ольховая; 6 — речка
Березовая; 7 — казачий пост; 8 — мост; 9 — шлагбаум; 10 — усадьба
А.Ф. Реброва; 11 — гостиница с рестораном и кухня.

На колодец открывались две галерейки. Каждая имела железную крышу, три деревянные стены и глиняный пол,

посыпанный песком.

Стены были покрашены жёлтой краской, а крыша ярью. У задней стены протянулась лавка для сидения. В галерейке курсовые, защищённые от непогоды или солнца, могли отдыхать, общаться, а также ждать, пока соберётся нужная партия для купания.

Многие предпочитали прогуливаться под открытым небом. Площадка около нарзана была обширна, зачищена от травы, выровнена и посыпана отличным хрустящим под ногами хрящом. Местами подушка хряща скрывала болотистый грунт.

В двадцати саженях от колодца находился домик гауптвахты для поддержания порядка. Военный наряд особенно следил, чтобы ждущие лечения не ссорились в очереди и не били служителей. Тут же стояли друг против друга два купальных сараев с жёлтыми деревянными стенами и зелёными железными крышами: левый для кавалеров и правый для дам.

Кто постарше, лежали полчаса в деревянной ванне с подогретым нарзаном. Для молодёжи имелся освежающий холодный душ в особом отделении. Струи нарзана лились из ящика, поднятого над деревянным бассейном. Отхожие места располагались в конце сараев. Лечение проводилось по правилам, список которых был вывешен на стене.

Тыльные стороны сараев и высокий забор окружали хозяйственный двор, на котором готовили нарзан для лечения. Через раскрытые ворота полковник видел, как во двор въехала одноконная тележка, управляемая солдатом. Служитель из одного сарая и служительница из другого вынесли корзины с мокрым бельём. Солдат соскочил с тележки и стал поднимать подаваемое в тележку, заигрывая со служительницей.

Вдоль двора в два ряда стояли на подставках шесть больших самоваров. Четыре дымили. Дымы коптили крыши и стены и раздражали обоняние.

Когда утром на базаре он и его крепостной человек Осип покупали хлеб для завтрака, полковник слышал, как аборигены иронично называли ванное хозяйство «винокурным заводом». Молодка, у которой он торговал куриные яйца, молоко и сыр, весело пояснила, что «завод» дымит давно, –

ещё в турецкую войну лечил раненых.

Базарные люди в Кисловодске знали, что такое оборотная сторона войны. Многие сами прежде воевали. Рядом с молодой то ли стоял, то ли сидел инвалид без двух ног и с нижней частью тела, спрятанной в кожаный чехол, который ему приходилось при «ходьбе» переставлять по земле, раскачивая тело на вытянутых руках, опирающихся на деревянные копыта.

Инвалид вынул изо рта трубку и, смеясь, добавил к словам молодой: «Дымит сильнее винокуренного!» Сплюнул на сторону и риторически спросил: «Разве можно пускать дым на священную особу государя императора?» Затем весело предложил полковнику купить молодые «чёртовы яблоки».

Полковнику было известно, что почти половина кавказского казачества держалась старой веры. Старообрядцы считали, что картофель придуман чёртом как обманное райское яблоко, чтобы люди забыли вкус праведной пищи.

На дворе купального «завода», всё было, как на картинке, чисто, аккуратно и покрыто свежей краской. Полковник знал, что на Кавказе готовились к приезду грозного императора. Всем была известна его придиричивость и педантичность.

Повсюду был наведён военный порядок. Постройки отремонтированы и покрашены в законный цвет, везде чистота, площадки и дорожки выровнены и присыпаны свежим хрящом. Даже бурьян был скошен на обочинах.

Пожилой солдат брал уголь из ящика и поленья из поленицы у забора и, поднявшись на подставку, заполнял железную трубу самовара. Труба с горящим топливом грела водяной объём огромного ушата сажень в высоту и три четверти в диаметре, сплоченного из сосновых досок железными обручами и накрытого крышкой. Спустившись с подставки, солдат потрогал рукой самоварный бок.

Другой солдат, помоложе, качал деревянный насос-помпу. Нарзан поднимался из хранилища, соединённого подземной деревянной трубой с источником. В ванну нагретый и холодный нарзан поступал самотёком по деревянным трубам через медные краны.

Обойдя обширную площадку у нарзана, полковник определил диспозицию и решил привязать её к сторонам света. Но

компаса не было, и он вытащил брегет.

Возле угла галереи открыл циферблат под перезвон репетира и направил короткую часовую стрелку вдоль края тени, падающей от угла. Взглянул по направлению посередине между стрелкой и одним часом. Учёл, где солнце, и понял, что в поселение он въезжал с севера.

Щелкнув крышкой, убрал брегет в особый карманчик жилетки. Достал из кармана блокнот и карандаш. Сел на лавку и принялся рисовать кроки.

Сначала он изобразил правую, восточную, сторону ровной площадки. Отсюда он начал обход. По счёту шагов он прошёл, если округлять, сто сажений.

Тут был вход в парк, и возвышалась ресторация, а перед ней стоял столбик с крышей и с двухпудовым колоколом. Каждые полчаса, не пропуская ни минуты, особый сторож громко звонил, чтобы шли на ванны.

Через проулок на склоне раскинулась усадьба отставного статского советника Реброва с барским домом, флигелями и другими помещениями под железными и камышовыми крышами.

На западной стороне нарзанной площадки саженьях в семидесяти напротив усадьбы и за ванными сараями сливались речки Берёзовая и Ольховая. Над слиянием на невысокой Казачьей горке стояла неказистая вышка и за оградой помещались покрытые сеном балаганы из плетня. Там был сторожевой казачий пост.

На северном краю нарзанной площадки виднелись полосатая будка, поднятый въездной шлагбаум и бревенчатый мосток без перил через пересыхающий ручеёк, начинающийся в кустах перед усадьбой Реброва.

Когда проезжали мосток, извозчик рассказал, что там, где сейчас ручей, раньше бежала речка Ольховка, пока солдаты не выкопали за одно лето другое русло подальше от колодца, чтобы речка при большой воде не заносила колодец сором. И прибавил, что нарзан из источника стекает в речку после ванных сараев.

Стариков и тяжелых больных из слободы возят на купание через брод. В половодье переправа невозможна. Приходится

переправлять больных на носилках или на руках по пешеходным мостикам. Непорядок, конечно. Многие считают, что на месте брода пора сделать крепкий мост.

Полковник нанёс карандашом новое русло и брод. Дорисовав, убрал блокнот в карман. Сегодняшние кроки пополнят его путевую коллекцию видов, карт и заметок. Вернувшись домой, он покажет их домашним, когда будет рассказывать о нарзане и других природных чудесах Кавказа.

Соглядатаи в городе

До обеда было ещё много времени, когда полковник решил узнать, что продают в торговых балаганах за речкой Ольховой. Неприглядные холщовые палатки стояли как раз там, где сходились дороги и тропинки. Такие же придорожные торговые балаганы полковник видел в Пятигорске.

– Куда ни глянешь, везде одно и то же: «подешевле покупаем и подороже продаём», – думал он, переходя речку по деревянному мостику. – Учёный Адам Смит считал этот обычай природным свойством людей. Как ловко шагают в ногу медицина и коммерция! Посмотрим, чем торгуют, но не забудем о лечении, – рассудил он, подходя к прилавкам.

Разложен был обиход, знакомый по Пятигорску: вино, табак, чай, кофей, сахар и прочее. Рядом пристроилась галантерея, вязаные вещи, стаканы, курительные трубки, мохнатые шапки, оружие и украшения.

Оружие из Дагестана и Грузии не привлекло его внимание. На первый взгляд ничего стоящего. В его домашней коллекции были экземпляры получше: персидские, грузинские, черкесские и даже настоящая гурда из дамасской стали, которой он гордился, а соседи завидовали.

Возле оружия, разложенного на коврике на земле, сидел, подогнув ноги, горец в чохе. Нетрудно было заключить по его окладистой каштановой бороде и гордому виду, что это был «не тунгуз, ныне дикой, и не друг степей калмык», а мастеровитый обитатель Кавказа. После приветствия «*Гамарджоба!*¹» горец

¹ *Здравствуйте (груз.)*

ответил «*Дхэ мшвидобиса!*¹»

Полковник присел на корточки перед товаром, взял в руки охотничий нож и, рассматривая его, спросил, чтобы завязать разговор:

– Ты из Грузии?

– Да, господин. Мы из Тбилисо. У нас бумаг имэйца. Паказат, да? – сказал горец с грузинским акцентом, пропуская звуки и предпочитая твёрдые согласные.

– Я не о том, – сказал полковник, поднимаясь на ноги и продолжая исследовать нож с красивой рукоятью из рога косули, без гарды и с металлическим обухом.

Разглядел надпись Solingen на пяте клинка, но не нашёл клейма мастера. Полковник не сомневался, – перед ним был поддельный золингеновский нож.

Не говоря ни слова, положил его на место. И тут он удивился. Среди оружия лежала прекрасная самшитовая трость.

Он поднял её. Трость была увесистой, но не излишне тяжелой. Её прочная, почти как железо, древесина была замечательно ровной. На светлой лакированной поверхности вилась причудливая вязь арабской надписи чёрнённым серебром.

Удобный набалдашник завершала старинная серебряная пуговица с двуглавым орлом. Такая пуговица, он слышал, венчала трость Александра Пушкина.

Он знал, что самшит растёт на западном Кавказе вблизи Гагр. И его появление в Кисловодске не было удивительным. Тут торговали товаром, привезённым отовсюду, и, главное, тут собирались щедрые покупатели! Это привлекало торговцев.

Услышав, что интересуются тростями, горец сказал:

– *Момеци данарчеби джокеби!*²

Крепкий рыжеволосый парень, сидящий на пятках позади мастера, поднял горбоносое голубоглазое конопатое лицо, глянул равнодушно, вытащил из мешка и подал пачку тростей.

Не тунгус и не калмык сказал:

¹ *День добрый (груз.)*

² *Дай мне остальные палочки! (груз.)*

– Выбирай, важный барин!

Полковник внимательно перебрал несколько прекрасных тростей, покрытых чернёными надписями и украшенных резными рукоятями в виде стилизованных звериных голов. Некоторые попробовал в руке, но потом вернулся к трости, увиденной вначале, и спросил, что на ней написано.

Почувствовав явный интерес покупателя, торговый гость перевел надпись, с акцентом произнося русские слова:

– Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше в добрых делах найти *тарикат*¹». И сказал, что так написал бессмертный поэт Хафиз² Ширази, великий знаток священного Корана.

Полковник подумал:

– Чудесно Кавказ соединяет поэтов и вдохновляет мастеров!

Торговец пояснил, что *тарикат* означает путь служения и высшую ступень познания всемилостивейшего Аллаха, и закончил: «Пусть на этом пути нами руководит мудрость пророка Мухаммада! *Салл-ал-лаху аллейхи ва саллам!*» Полковник знал, что это переводится как: «Да благословит Всевышний и приветствует!»

– Станный оружейник, – решил полковник. – Владеет восточными языками и русским. Знает персидскую поэзию. Похоже, что он грузинский перс. Откуда только не приносит купцов, и кто только не торгует у нас!

Полковник купил воделенную трость. Как принято на востоке, торговались хорошо. Впрочем, полковник понимал, что кавказский самшит не может быть дешёвым, – слишком сложным и опасным был его путь с гор через войну в Тифлис к грузинскому ремесленнику.

Раскошелившись, полковник забрал уникальную трость. Сказал по-арабски: «*Шукран!*³» и услышал в ответ: «*Шукран лак айя сайеди!*»⁴

¹ один из религиозных базисов сопротивления на Восточном Кавказе

² Устный чтец и знаток Корана, певец и сказитель

³ Благодарю! (араб.)

⁴ Благодарю вас, господин! (араб.)

Позднее он подумал, что у знатока Востока можно было разузнать ещё многое, но на прежнем месте его не нашел.

У знатока Востока торговля шла так себе. В середине дня совсем остановилась. Площадка перед нарзанным источником опустела. Колокол у ресторации, звонивший каждые полчаса, замолк.

Торговец оружием был удивлён и всё посматривал в сторону колодца. Это заметил сосед, торговавший кофею, чаем, сахаром, конфетами и другими сладостями. Он попытался объяснить старшему грузину, что происходит:

– Шота, не удивляйся! Это начался обед в ресторации. Все курсовые обедают в одно время. Курсовыми их называют потому, что они «проходят курс». Это по-немецки. По-нашему сказать, это значит «лечатся нарзаном».

– Вай, вай! – воскликнул Шота. – Какие суровые порядки! Харлампей, друг, скажи, это из-за войны назначено точное время обеда?

Торговец сладостями продолжил свои объяснения:

– Слушай меня внимательно! Когда воюют солдаты, ими управляют офицеры. Точно так и врачи командуют курсовыми. Они назначают лекарства и процедуры для сражения с болезнью. Настоящие врачи, как и командиры в армии, лечат по правилам. Или, точнее сказать, по науке.

– Так, – понял с трудом Шота, – здесь воюют и лечат в одно и то же время и по правилам. Скажи, курсовые тоже воюют?

– Какой ты чудак! – попытался втолковать торговец сладостями. – Как они станут воевать? Они же больные?

– Я понял, – сказал Шота. – Офицеры, которые ходили по площадке и пили нарзан, ушли в ресторацию обедать. Это больные офицеры. Больные офицеры здесь не офицеры, – они курсовые. И они не воюют. Других офицеров не вижу. Кто же тогда воюет в крепости?

Торговец сладостями рассмеялся:

– Ты забыл её гарнизон! Наш гарнизон – целая усиленная, как на войне, рота солдат.

Шота сделал вид, что удивился, взмахнул руками так, что рукава чохи разлетелись, и поспешил сказать:

– Подожди! Подожди! Рота солдат воюет без офицеров?

И получил ответ:

– Да нет, у них офицеры не курсовые, а свои!

Шота облегчённо вздохнул:

– Вай, мэнэ! Я успокоился и не боюсь! Мне было непонятно, но я разобрался. В Кисловодске есть разные офицеры: курсовые – это чужие и некурсовые – это свои. Только я не понимаю, как их различать?»

– А зачем их различать? – удивился Харламий. – Мы не различаем. И даже регистратор, который их записывает на ванны, не различает!

Грузин задумался. Потом спросил в недоумении:

– Слушай, друг Харламий, ты видел, что у меня покупал палку старый офицер. Получается, что он курсовой и не воюет. Как это может быть – офицер из крепости и не воин?

Харламий рассмеялся.

– С чего ты решил, что старик живёт в крепости? Он снимает домик не в крепости, а рядом в слободе. Крепость – это одно, а слобода – это совсем другое. Она не военная, а мирная.

Курсовые располагаются не только в слободе, но также в других домах. Многие живут на усадьбе Реброва и в гостинице при ресторации, но не в крепости. Подожди! Вот, поторгуешь здесь, и тогда во всём разберешься.

Болтливый торговец забыл, что грузинские торговцы в Кисловодске чужие, и ни в каком доме не живут.

Когда пришло время обеда, местные торговцы сложили товар в тележки и уехали. Уезжая, доброжелательный Харламий спросил:

– Надеюсь, Шота, увидимся на другой день!

– Благодарю! Увидимся с радостью, – ответил старший грузин, складывая с помощником товар во вьюки.

Когда Харламий отъехал, грузин вздохнул с облегчением. Помахал вслед рукой и подумал:

– Надоел этот болтливый грек. Но очень полезный! Важные вещи услышал я от него. Несомненно, они нам пригодятся. Но хватит о нем! Уверен, что мы никогда больше не встретимся. Продолжим заниматься делом, ради которого мы с таким трудом приехали сюда, устроили этот маскарад и

сменили имена.

Настоящее имя старшего торговца было Али, а не Шота. Подмастерья звали Аслан. Они были не грузины, а *адыгэхэр*¹.

Али подумал, что пора убираться из Кисловодска. Слишком здесь опасно. Утром чуть не попал впросак, разговаривая с любопытным, хотя и щедрым, отставным полковником.

По счастью, Аслан действовал, как ему было сказано. Отлично исполнил роль молчаливого подмастерья. Да и мне повезло! На мое счастье, покупатель перестал расспрашивать и занялся товаром.

Спасибо знакомому оружейнику Шоте за имя и особенно за то, что он рассказал мне о Хафизе и перевел остальные надписи на проклятых палках! Зачем только я взялся ими торговать? Торгуя я одним оружием, – неприятностей было бы меньше!

Слава Милостивому, обсуждение цены удалось затянуть, на сколько было надо, чтобы спор надоел покупателю!

Али почувствовал, что пришло время уезжать. После обеда много русских выйдет из ресторации, и среди них, избави Милосердный, могут оказаться даже более любопытные, чем старый офицер. К вечеру народу станет ещё больше. Опасность быть разоблаченными возрастёт.

Аслан привел лошадей, пасшихся неподалеку. Али пожал ему руку и, не называя по имени, похвалил: «*Агурис!*»² Они быстро сложили товар во вьюки и нагрузили лошадей.

Оглядывая окрестности, торговец Али давно наметил путь, по которому можно незаметно уехать на дневку, а, если повезёт, то и на ночёвку. Лошадям необходим был длительный отдых. Там за возвышением, наверняка, находится понижение, невидимое из Кисловодска.

Всадники переехали мосток на въезде и вскоре повернули направо по тропе. Проехали вдоль балки, преодолели крутой подъём и, действительно, оказались в подходящей луговой впадине.

¹ *адыг, адыгэхэр – воин, воины – самоназвание черкесов (адыг.)*

² *Молодчина, букв. кирпич (груз.)*

Нарзан и терренкур

В растворённое окно ресторации задувает ветерок и колышет белые коленкоровые шторы, разрисованные золотыми веночками, и украшенные бахромой и кистями. Ветерок приносит приятную свежесть, и сильный запах трав перебивает запах еды.

Полковник покоен и доволен – нашёл жильё, организовал лечение и купил *souvenir*. Он только что выпил полдюжины стаканов нарзана. Теперь, как положено, переживает время от водопития до еды.

Его цветной с вензелем стакан, оплетённый шёлковым шнуром, сноровисто опускал в колодец за одну полушку увечный георгиевский кавалер.

Медаль святого Георгия была прикреплена на чистую полотняную рубаху с вышивкой. Деревянный протез ноги был пристёгнут к поясу. Штанина завернута и пришпилена.

В колодце холодный нарзан кипел бурно. Кавалер спросил, брать ли нарзан подле пузырей. Полковник слышал, что нарзан, насыщенный газом, самый полезный.

Кавалер получил пятиалтынный наперёд. На высказанное полковником сообщение «Пожалуй, стаканы роняют в колодец!» поспешил ответить:

– Случается, ваше высбродие! Но у меня с красивыми стаканами такого не бывает!», – давая понять, что стакан, оплетённый шелком, а не соломой, будет сбережён обязательно. – Ежели, помилуй господи, случится неприятность, я завсегда достану в целости и сохранности! Не извольте беспокоиться!

Полковник неспешно прогуливался, получал от кавалера стакан, отходил, останавливался, опирался на новую трость и выпивал полстакана с перерывами между глотками, затем возвращался к колодцу, выливал железистые остатки в лоханку на бочонке. Закончив, повторял все с начала.

Солнце сияло, убитый хрящ с песком шуршал и скрипел под ногами, газ от холодно-кислой шипучей воды приятно ударял в нос. От долгого питья мутило до отрыжки. Ощущения были непередаваемые.

Закончив водопитие, он отдал кавалеру стакан. Услужливый кавалер повернулся на деревянной ноге, хромая, подошёл к столбику с крючками. Из почтения повесил стакан повыше на крючок и показал на человека с журналом:

– Вам, высбродь, к купальному смотрителю.

Питьё кисловодского нарзана
(по акварели И.Я. Мейера, 1843 г.)

Полковник сказал тому записать по две разводные ванны в день, всего две дюжины ванн, первая сегодня после обеда. Расписался, заплатил и получил билеты.

Получасовой сеанс сильно подешевел: прежде стоил семь рублей, а теперь всего один целковый! По правилам можно

получать сеанс с пяти утра до одиннадцати дня и с трёх до семи вечера. Когда пациентов много, даже до девяти. Смотритель называл по-армейски «пополуночи» и «полуполудни».

Полковник завершил водопийную процедуру и для пробы пофланировал вдоль речки, взмахивая тростью на манер, принятый на Невских берегах.

Прогуливались пёстрые группки сборного общества. Разнообразно одетые чиновники или просто купцы и помещики, многие с супругами и дочками, искали исцеления и развлечения. Одни дамы несли зонтик, другие влекли деток или собачек.

Пожилые курсовые наслаждались прохладой на скамейках под деревьями, молчали или беседовали. Любители цветов ходили между клумбами.

За важными персонами следовали адъютанты или свиты. Около богачей лебезили приживалы. Попадались черноризцы. Много было военных: как офицеров, так и солдат.

Полковник раскланивался с курсовыми, знакомыми по Пятигорску и Железным водам. Иногда говорил дежурные фразы.

Сидевший в галерейке старичок – облаченный в бархатный сюртучок отставной штаб-ротмистр, – окликнул его. Он был соседом по дому, в котором полковник жил, когда лечился в Пятигорске. Старичок поздоровался и пригласил присесть. Справился о самочувствии, и спросил о лечении:

– Будьте любезны, мой друг, сообщить мне, какую питьевую терапию предложил вам доктор? Скажу вам, не хвастая, что я – дока по этой части. У кого вы наблюдаетесь?

Иван Петрович назвал врача, к которому он обратился по совету княгини Хасновой. Скорее всего, не известного на Кавказе.

Услышав ответ, старичок сказал пренебрежительно:

– Эти столичные доктора не знают маленьких секретов нарзанного лечения. Они лечат, как привыкли лечить минеральной водой в Пятигорске и Железноводске.

А нарзан – вода особая и коварная! Начинать надо с осторожностью. Не правда ли, вам назначено выпивать в день 10-12 стаканов в два приёма обязательно за час до еды.

Правильно?

Полковник признался, что так. Старичок продолжил:

– А ты выпей до обеда 4, а к ужину 6. То есть, с утра пей меньше, чем к вечеру. И так делай недельку. Посмотри, не обременительно ли. Лишь после перейди на 12 в день.

Помни, что нарзан – сильная вода, и для пользы ты пьешь полстакана мелкими глотками! А то некоторые чудаки жажду здоровья превращают в исключительную жажду пить и выпивают в день четверть и даже половину ведра во вред себе!

Решительно покончив с нарзаном, собеседник заговорил о жилье. Тема была злободневной, – с наймом жилья на водах всегда были сложности.

– Смею надеяться, любезный друг, что вы первым делом на день-два сняли номер у Найтаки? – спросил штабротмистр.

– Нет, не вышло. Все было занято. Пришлось, без выбора снять для ночлега негодный домик далеко в слободке. Собираюсь съехать оттуда. Хочу просить содействия у Найтаки.

Тогда, считайте, с жильем у вас все наладится, – успокоил его штаб-ротмистр.

Но тема жилья не могла исчерпать себя так быстро. Оба согласились, что жилья на Кавказских водах нехватает давно, и новое строится плохо.

Вот приедет император и наведёт порядок, а то, куда это годится, сдают калмыцкие кибитки с остеклённым окошком. В дворянских домах за две комнаты берут по 10-12 рублей в день, когда корову можно купить за 15-20 рублей. В Кисловодске жить и лечиться дороже, чем в Пятигорске.

Главкомандующий барон Розен недоволен городской планировкой Пятигорска. Но ведь известно: кто малым недоволен, тот большого не достоин! Ничего толкового не предлагает, занимается одной Грузией и не активен на фронте против горцев.

Говорят, что в Дагестане появился новый вождь, какой-то Шамиль. Жди набегов, особенно осенью, когда горцы уберут свои урожаи. Полковник согласился и сказал, что Алексей Петрович не допустил бы такого. Оба знали Ермолова. Впрочем, собеседники признали, что барон Розен не глуп и поддержал укрепление Лабинской линии.

Закончив с жильем, они принялись обсуждать *cette mauvaise cuisine dans le style Néotaki*¹. По мнению штаб-ротмистра стряпня Найтаки была не такова, сколько за неё берут. *Ce grec est un vrai marchand*². Наконец, критики сошлись на том, что еда у Найтаки терпима, ибо сказано: «Не хули руку, хлеб дающую».

Довольный собственной терпимостью, старичок выразил свой восторг тем, как вышколены слуги в ресторации. Одеты, как на парадный смотр, и носятся быстро, как метёлки. Несмотря на строгости с персоналом, Пётр Найтаки ведёт дела с гостями по-домашнему доверительно. Всех знает, и блюда отпускает любезно в долг. Что об этом думает полковник?

Полковника утомили витиеватые рассуждения старичка. Он прервал разговор и, извинившись, сказал, что увидел приятеля и должен срочно переговорить о важном, пока тот не ушёл на ванны.

– Здравствуй, *ma cher!* – расцеловался с ним толстый шпак³, шурин троюродного брата, приехавший на нарзан прежде полковника.

Толстяк торопился: «Время, Иван! Поговорим позже! Встретимся в половине пятого пополудни здесь у камня». И, не дожидавшись ответа, насколько устроит это время собеседника, потрусил к купальне.

Полковник подумал: «Мне тоже пора на *excellente promenade en plein air*⁴.» Он был в предвкушении – его ждала восхитительная прогулка в парке!

Терренкур начинался от того камня, у которого была назначена встреча с родственником. Тут ему открылась беседка-грот под лестницей, поднимающейся к ресторации. Вход в беседку был облицован диким камнем, но в отличие от пятигорского грота Дианы подпорных колонн не было.

«Любопытно, – заметил полковник – этот грот, очевидно, природный. Местные уверяют, что пещеру промыла вода, а

¹ эту дурную кухню в стиле Неотакки (фр.)

² Этот грек – настоящий купец (фр.)

³ не военный (презр.)

⁴ превосходная прогулка на свежем воздухе (фр.)

мозаика на стенах наклеена для красоты из окаменелых раковин, рыб и водорослей, найденных в окрестностях.

Значит, точно, здесь в незапамятные времена было море или пролив, соединявшие Понт и Каспий. Исторический грот! Многозначительный геологический экспонат! И как красиво оформлен!» Полковник любил аккуратность во всём. В прохладном полумраке в клубах ароматного табачного дыма большие сидели полукругом на диване, покрытом коврами.

Набережная и терренкур над речкой Ольховой (2015 г.)

Сидящие пили неспешно кофей по-восточному с гущей, будто сидели в стамбульской кофейне. Брли трубки с длинными чубуками, которые подавал слуга в феске, раскурив их как настоящий чубукчи.

Полковник вошёл в тенистую парковую аллею. Она вела его над быстрой речкой Ольховой, играющей на каменистом русле. Осматриваясь среди молодых деревьев, полковник не

мог понять стиля, по правилам которого был устроен парк.

На первый взгляд, он был похож на *garden*, английский парк. Кривые линии садовых планов подражали натуральному пейзажу так, как полагалось в английской системе. Однако здесь не было *emerald green lawn with real turf*¹, но были сделаны бордюры, аллеи и другие французские удобства.

Пришлось признать, что посреди диких гор культурно соединились английский и французский парковые идеи. Он назвал бы это удивительное кавказское изобретение *sanative combo park*²! Местами доминировал регулярный стиль, а местами – пейзажный.

Полковник шагал вперёд, подсчитывал шаги и определял на глаз, сколько лет деревьям.

Полковник подумал: «Парку лет пятнадцать. Интересный вид получит этот парк через столетие, когда деревья станут огромными патриархами!»

Возраст парка подтверждался рассказом солдатки хозяйки его жилья. Она помнила, как по приказу бывшего гражданского управляющего Кавказа и главнокомандующего Кавказского корпуса Алексея Петровича Ермолова парк заложили осенью 1823-го года, когда ждали престарелую императрицу Марию Фёдоровну, жену Павла I и мать императоров Александра I и Николая I.

Весной за месяц, в спешке и за большие деньги построили гостевой дом. Теперь там ресторация. Летом императрица не приехала, опасаясь войны. Осенью заложили парк.

Императрица умерла через три года. «Нехорошо так говорить о покойной, – сказала солдатка, – но полечилась бы нарзаном – пожила бы дольше!»

Старый воин устал шагать по парковому терренкуру и присел на скамью. Подумал: «Хорошо, что вдоль терренкура скамьи поставлены часто.»

Деревья отцвели и ароматический запах уже не дразнил обоняние, как на Горячих и Железных водах. Веял пряный дух скошенной травы. Чувствовалось контрастное действие

¹ изумрудно-зелёный газон с настоящим дёрном (англ.)

² лечебный комбинированный парк (англ.)

жаркого солнца и охлаждённого воздуха.

Прохлада исходила от речки, мчащейся по каменному руслу поблизости от терренкура. Там повсюду крутились водовороты и прыгали водопады. Однообразный шум воды успокаивал.

Ощущения были замечательные. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного.

Молодые деревья, свежий воздух, глубокие тени, яркое солнце и бурлящая чистая вода – всё в парке было пропитано святой мощью жизни.

Чудилось, что божественная энергия нежит помолодевшее, полное сил тело, а душа сливается со вселенной в окончательной нирване.

Он подумал: «Таким бывает настоящее умиротворение!» Мечтать было сладостно, но проклятые болезни его не отпускали. Полковник поднялся и пошёл дальше.

Перешёл зелёный мостик со ступенями, перилами и вертушкой и вышел на поверхность скалы, отшлифованную потоком воды. Парковый терренкур закончился. По счёту шагов парковая аллея тянулась более версты.

Полковнику открылась восхитительная картина. Сверкающая вода, разогнавшись между склонами, мощным и шумным потоком вылетала на гладкую скалу и с силой прыгала из ямы в яму, образуя естественный каскад. Из кипящих ям веяло свежестью.

Он вынул копейку из портмоне и забросил в речку. «Надеюсь, – подумал он, – вернусь сюда когда-нибудь! Для здешних духов мелкой монетки достаточно и не требуется развешивать тряпицы на ветках, как делают в Грузии и Персии, улажая тамошних идолов.

Курсовой обед

На обратном пути, полковник почувствовал, что нынче ему не сделать *promenade de plus cinq fois*¹, как назначил врач. Утренняя прогулка по городу чрезмерно утомила. Он слишком увлекся знакомством с Кисловодском. Сил на парк не осталось.

¹ променад больше пяти раз (фр.)

«Уф, вот грот и ресторация», – с облегчением пробормотал полковник. Запыхался, когда всходил по лестнице.

Во дворе ресторации
(по литографии Э. Сисэри, 1861 г.)

Постоял наверху, разглядывая ресторацию и вдыхая ароматы кофей и табака, поднимающиеся из грота. В сильных

ароматах терялся цветочный дух от новых клумб, устроенных внизу в ожидании императора.

На фоне свободно раскинувшихся гор здание ресторации впечатляло своими строгими пропорциями. Это был настоящий царский дом, о котором ему рассказывали!

За двойным рядом тёмно-зелёных тополей под изумрудной кровлей сверкали большие окна в белых наличниках и будто желтым золотом светились высокие стены.

На север и на юг выступали два обширных крыла дома. В середине красовался белый портик с треугольным фронтоном и с четырьмя парами дорических колонн, возвышающихся над балконом с перилами. На балкон вели три широкие ступени.

Отдышавшись, полковник взошёл по ступеням. На стене у балкона под табличкой «Дом благородного собрания» висел список правил. Такой же, как в пятигорской гостинице.

В конце было прикреплено объявление, что сегодня в восемь часов в благородном собрании назначен бал, и билет за 2 рубля 50 копеек можно получить здесь.

Из открытых окон слышался людской говор, и пахло едой. Отворенная дверь приглашала войти.

Гость кладёт рядом картуз и трость, переводит дыхание, откидывается на спинку стула, вздыхает, распрямляет гудящие ноги, достаёт из кармана фуляровый платок, оттирает лоб и с интересом оглядывает публику.

Видит старичка-соседа и ещё несколько лиц, знакомых по Пятигорску и Железноводску. Кивает головой. Потом рассматривает обширный зал. Вот, не думал, что посреди здешней пустыни найдётся подобная красота!

В светлом зале с небесно-голубого потолка свисают две позолоченные люстры, каждая на два десятка подсвечников. На стенах, оклеенных зелёными бумажными шпалерами¹, красуются вызолоченные жирандоли и зеркала в рамах из красного дерева.

Заднюю стену с окнами во двор отделяют белёные по полотну четыре колонны, подпирающие белую антресоль. За колоннами стоят сложенные ломберные столы. Краска на полу

¹ обои (устар.)

новая, нигде не стертая ногами.

В правом углу висит киот с иконой и горящей лампадой. Там в облачении с крестами и с Евангелием в руке угадывается исцеляющий епископ Николай Чудотворец. Слева находятся вешалка для одежды и вход в буфетную. Чехлы из пестрядины облегают мебель. Табуреты у стен и стулья у столов как будто сделаны из красного дерева.

На стуле приятно сидеть. Столы в зале накрыты белыми скатертями с розовой бахромой. Сервировка стола не хуже столичной. Стоят свежие цветы. В бокале свёрнут розан из полотняной салфетки. На скатерти и салфетке вышит розовый вензель КСК – Кавказская Строительная Комиссия.

Прислуга наряжена в белые фартуки, белые рубахи, чёрные порты, жилеты и галстуки. У каждого на рукаве полотенце с розовым вензелем КСК, но нет перчаток. Обслуживают вроде бы по-европейски.

Но ему отлично видно, что подавальщики никак не походят на развязных французских *garçons*¹, которых он наблюдал, когда квартировал в Париже и вкушал французскую *fine cuisine*². Двадцать лет пролетели, а он всё вспоминает великую победу над супостатом Наполеоном и европейский поход!

За подавальщиками наблюдает отменно одетый строгий Пётр. Неулыбчивые *garçons russes*³, показывая усердие на славянских лицах, лавируют между столами, склоняются и принимают заказы.

Приносят подносы с расписными тарелками и черными горшочками, над которыми поднимается ароматический пар от аппетитной еды, недавно росшей, бегавшей, плававшей и летавшей в окрестных горах.

Вслушав заказы, спешно несут из буфетной графины, штофы и бутылки «какого вам угодно» вина. Нахваливая, наливают в бокалы, стаканы, рюмки и лафитники. Получив плату, убирают столы. Деньги относят в буфет.

Собравшееся общество хорошо пьёт, чинно ест и беседует.

¹ гарсоны, мальчики (фр.)

² тонкую кухню (фр.)

³ русские гарсоны (фр.)

Слышатся фразы на модном языке. Звонят бокалы. В паузах постукивает столовое серебро. Оживлённая группа юнцов и барышень требует шампанского и мороженого. К ним спешит подавальщик. С поклоном принимает заказ.

На соседнем столе полковник увидел листок «Русского инвалида». Он не удивился. В здешнем Благородном собрании получают не одни «Санкт-Петербургские ведомости». Скомандовал гарсону, убирающему стол: «Человек, газету!» Обнаружил, что номер старый. Экая досада!

У дальней колонны скромно сидят за столом брюхатая брюнетка с локонами по английской моде и пожилая дама. Обе одеты в платья с кружевами и модные капоры с лентами.

Они ласково смотрят на мужчину, который обедает перед ними. Ресторатор Пётр подсел к ним, и заговорил негромко и доверительно. Мужчины выглядели удивительно похожими.

«Странно, – подумал полковник – вижу одинаковых греков. Особенно их роднят бакенбарды. Какая поразительная величина и пышность! Конечно, эти двое – родственники! – догадался полковник. – Тот, который обедает, наверное, сын ресторатора Петра», – заключил полковник.

«Интересный вопрос – с кем из них я разговаривал, когда пришел? Надеюсь, что с Петром. Впрочем, это не важно! – остановил себя полковник. – Ещё не хватало мне заморачиваться подобным ерундой! Он – слуга. Ему положено различать, с кем он разговаривает! Зачем мне заботы слуги?»

Признав себя правым, полковник рассудил: «Из чудного совпадения внешности получается необыкновенное удобство – можно, не задумываясь, называть этих рестораторов Петрами, как всяких низких людей Иванами. Ведь, в отличие от дворянства они не помнят родства.»

Эта мысль ему понравилась. Он улыбнулся про себя и вернулся к изучению остальной публики в зале ресторации.

Его внимание привлекли юные офицеры за соседним столом. По командирской привычке они разговаривали категорично. Одеты были в плохо сшитую одежду провинциального покроя. Сюртуки без эполет. Перчатки

забыты. По здешней моде чёрные брыжи¹ выпущены над воротником.

«Нарушения формы в поле -- обыкновенное дело, но могли бы на курсе складки разгладить», – огорчился полковник.

Однако к его удовольствию, один офицер, бородатый терский сотник, одет был по форме. Он носил синий бешмет и черную черкеску с газырницами на груди. Черкеску подпоясывал узкий ремень с богатым набором накладок и брелков, подвешенных на ремешках.

Полковник знал, что на Кавказе пояса заговаривают и оснащают талисманами. На поясе казака висел кинжал в ножнах, отделанный серебром. На плече виднелась потёртость от сабельной портупей. На ногах были кавказские черевики с ноговицами.

Понятно, форма боевых офицеров не могла сравниться с кумачовыми бешметами и белыми черкесками, какие он видел в Ставрополе на заезжих франтах.

Но манеры офицеров были светские – перед едой молятся, не шумят и ведут себя скромно, салфетки используют, как принято в обществе, кушают аккуратно и неспешно, не чавкают, говорят, лишь проглотив кусок еды, приборами не гремят, да и головные уборы и прочие вещи на стол не кладут.

Встав из-за стола, крестятся в угол зала на киот. Полковник одобрительно подумал: «Современная кавказская молодёжь – сплошь вольнодумцы, но в бога верят!»

Все покрываются полевыми суконными фуражками, только казак – мохнатой шапкой, давно разрешённой на Кавказе самим Ермоловым, чтобы вражеские стрелки не различали офицеров между рядовыми воинами.

Наблюдая, как уходит молодежь, полковник вздыхает сочувственно. Он задумывается о ранениях.

Вспоминает любимца младшенького сына, гусарского подпоручика. На линии, где он сейчас служит, опасно. Но служба есть служба! Начальники, сослуживцы полковника, отзываются о сыне одобрительно и не обходят наградами. Боже всевидящий и милосердный, сохрани и помилуй его на войне!

¹ нагрудник, надеваемый вокруг шеи под воротник

Потом полковник берёт со стола меню. Рукописные листки на французском вложены в картонку с лицевой виньеткой, изображающей лавровой венок и романтические развалины афинского акрополя.

Меню скромное и далёко не столичное. Об устрицах и рокфоре, конечно, ни слова не написано. Устрицы живут тут недалеко, в Чёрном море, но из-за войны привезти их никак невозможно. Наоборот, рокфор «водится» слишком далеко.

Конечно, имеется белужья икра и местный сыр, а на завтрак записаны яйца, творог, молоко и утренний хлеб. Он уже убедился, что местные продукты превосходны.

Обед состоит из четырёх блюд: закуска, первое, второе, десерт, – всё *prix fixe*, четвертак за блюдо. Цена фиксирована, как во Франции, но дороже!

Есть ещё рыбные расстегаи, кулебяки и птифуры. Предложены фрукты, конфекты, пирог, пирожки и мороженое. Из напитков есть кофей, чай, морс и компот.

В богатой карте вин он увидел знакомые бургундские, шампанские, бордоские, и шато лафит, и шабли, и сотерн, солернское из Италии, кахетинское и ром из Грузии, цимлянское и донское.

Среди крепких были мадера, марсала, малага, мозельвейн и портвейн. Полковник убедился ещё в Ставрополе, что у Найтаки вино без подделки. Да и другие посетители утверждали то же самое.

Внизу на карте были записаны также вина от Реброва, местного поставщика императорского двора: красное, белое и полушампанское, а также гордость винодела десертный «Глаз куропатки», вкус и букет которого, как убедился полковник, были превосходны и выражены не хуже, чем у токайского из Венгрии или либффрауенмильх из Германии!

В Пятигорске он купил несколько бутылок для винного погреба в своем имении.

Внимание полковника привлекли шумные соседи. Там позвали: «Эй, мальчик, стол!»

Лакей раскрыл зелёный стол в углу зала, выложил мел и колоду карт. Расставил стулья. Соседи захватили бокалы и

бутылку. Пересели. Перестали шуметь. Привычно сломали колоду, стасовали и сдали. Начали торговлю. Монеты и ассигнации появились на столе.

– Верное дело, дойдет до расписок! – подумал полковник. – Вижу, мудрецы подняли паруса для виста. Банк и бостон их не устраивает! Далеко поплывут под картёжными ветрами: трефовым, бубновым, червонным и пиковым, как говаривал один профессионал¹.

– Полноте, – придержал он себя, – нонича я не плаваю! Мне довольно карты на пе², обдёрнутой в ночной штосс в пятигорской игровой *chambre infernale*³!

Обед накрыли быстро. Еда ему не особенно нравилась, но отобедав, он все равно шепчет благодарственную молитву.

Потом прислушивается к желудку, раздраженному нарзаном, и размышляет, как нарзан сочетается с французским вином и местной кухней. Удивляется, сколько испытаний выпало на его желудок, и очень надеется, что выдержит все назначения.

Ему бы только прошагать этот проклятый терренкур. Два раза в день ставить поочередно одну ногу перед другой по одному и тому же пути – занятие не слишком увлекательное; даже среди прелестных парковых видов. Истинно, лечение водами стоит терпения!

Его размышления прервал подошедший *garçon*. Получает оплату и пятак «на чай». Без улыбки говорит: «Благодарю-с!» и уходит с недовольным видом к буфетчику.

Полковник продолжил брюзжать про себя:

– *Cette nourriture, bien sûr, n'est pas de foie gras et l'ancien Sauternes!*⁴

Станный обед подают в этой ресторации – вроде бы сытный, а я не наелся.

Придётся добавлять! Не удовлетворив аппетит, не

¹ присказка из «Свадьбы Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина

² на двойную ставку

³ адская комната (фр.); комната для картёжной игры (перен.)

⁴ Эта пища, конечно же, не фуа-гра и не старый сотерн! (печень насильно откормленного гуся и сорт сладкого белого вина), (фр.)

гривенником же награждать за такую легкую еду! По еде и благодарность! Теперь нужна добавка!

Le menu traditionnel... Peu importe, mais en toute équité, je dirai, la fricassée laisse une bonne impression. Mais il était nocif de manger presque du Fumet avec de grosses boulettes de viande. Je dois ajouter un peu de dessert et le vin, parce que j'ai besoin de forces pour la promenade»¹.

Обойдусь без кофея, да и без чая. После нарзана и вина они, как будто, не уместны.

Полковник вздыхает, салфеткой промокает рот и усы, и встаёт из-за стола. Провожаемый Петром, гость интересуется, какое жаркое будет на ужин. Узнаёт, что на другой день к обеду будет охотничье жаркое из горного барана, за которым уехали казаки.

А нониче к обеду и ужину подают на заказ жаркое из карачаевского барашка, лучшего на Кавказе. Вкус у мяса необыкновенный, – ореховый! Местные говорят, что его придают особенные горные травы, но знатоки уверяют, что «виновата» древность овечьей породы.

Гость договаривается прислать человека за ужином и заказывает жаркое из барашка и десерт на троих.

Пётр сообщает, что ужинать они заканчивают в семь часов ради бала.

Полковник отказывается от билета на бал, а затем, уверенный в услужливости ресторатора, спрашивает:

– Любезный Пётр, мне надобен повар или кухарка.

Пётр думает:

– Вот, оказывается, в чём дело! Прекрасно! Отправлю к нему вновь нанимаемую работницу. Узнаю, хороша ли она, пока стряпает у полковника. Он не станет ходить на обед, но этот ушерб мы перенесем. Оно того стоит!

И говорит:

¹ Меню традиционное...Неважно, но справедливости ради скажу, фрикасе оставляет хорошее впечатление. Но было вредно есть почти фюмет с крупными фрикадельками. Я должен добавить немного десерта и вина, потому что мне нужны силы для променада (фр.); фюмет – выпаренный бульон для приправ (фр.)

– Ваше высокоблагородие, пришлю вам неплохую кухарку. У нее прекрасные борщи и ушицы! Советую попробовать её *ыхчины*¹ с бараниной. Пальчики оближите!

Наступил полдень. Небо очистилось, и солнце стало жарить в полную силу. Ветер, спускающийся с гор, затих. В дымке горячих испарений скрылись горные властелины: владетель Кавказа Эльбрус и хозяин целебных вод Бештау.

Полковник направился из парка в слободку, собираясь отдохнуть под крышей, пока спадёт жара. Перешел мостик над речкой и стал подниматься вверх по крутой тропе. Осторожно ступал по камням, сжимая в руке свой красивый стакан.

То и дело останавливался и опирался на купленную трость. Переводил дыхание. В голове мелькали обрывочные мысли:

«Решено! Завтра же сниму номер у Реброва и велю переезжать! За что я плачу шесть рублей в день? За убогую мазанку, ну её в качель! Тесно, сыро, клопы, сквозняки и перекошенная дверь. Не нанял бы, если бы имел выбор.

Сзади забрнчали бубенцы, перебиваемые звоном колокольчика. Запахло лошадиным потом. Он обернулся и увидел, как четверик коней с пеной под упряжью одолел брод и потащил в гору прыгающую на камнях грязную коляску с опущенным кожаным верхом. Одна лошадь хромала.

Следом проехали два мрачных казака под мохнатыми кубанками и с расчехленными ружьями за плечами.

Полковник решил: «Колокольчик звенит не для всякого! Это курьер поспешает с депешей к коменданту!» Полковник угадал. Когда он выбрался наверх, увидел, что коляска въезжает в ворота крепости.

Утром он внимательно рассмотрел эту фортецию. По всем признакам она явно устарела и не была способна противостоять правильной осаде.

Старый сухой ров с земляными брустверами покрывал подсохший дёрн. На гребне вала были устроены стенки эскарпов с бойницами. В пяти углах выступали бастионы с

¹ начинка и зелень, закрытые в тесто и жареные (карач.- балкар.)

земляными барбетами², на которых за низкими парапетами открыто стояли четыре чугунные пушки на колёсных лафетах. Один бастион был вовсе без пушки.

На двух противоположных сторонах крепости имелись ворота. Внутри теснились полтора десятка строений: солдатские казармы с нарами и печами, комендантский, офицерский и гостевые домики, цейхгаузы, лазарет, гауптвахта, артиллерийский погреб. Они образовывали пять дворов, сомкнутых в концентрический круг.

Бастион кисловодской крепости (И.Я.Мейер, 1840-е г.г.).
Справа видны здание ресторации и за ней усадьба Реброва.

Ниже крепости над речкой Ольховой находился двор с конюшней, устроенный как редут. Рядом вдоль реки построились дома вроде берегового форштадта.

Перед крепостью на пятьдесят саженей раскинулся плац, служивший также базарной площадью. За плацем протянулись в шеренгу три десятка аккуратных дворов слободы, отделённых от улицы плетнями.

² земляная орудийная площадка на бастионе

В них жили по большей части женатые солдаты или, как их называли, «полусолдаты». Они размещались по две семьи на каждый двор для взаимопомощи. Холостые солдаты помещались в крепостных казармах.

Против бокового бастиона слобода заворачивала в два проулка. В дальнем конце слободы находился кабак. Перед ним по утрам на площади собирался базар, где встречались поселенцы, горцы и приезжие. Продавали и обменивали все, потребное для семьи, для кухни и для хозяйства, а также живность и дрова.

Дрова дорогие, потому что их привозили с гор Бештау и Железной, а туда и обратно сто вёрст.

Передохнув после подъёма, полковник двинулся через площадь. Его тут же окружила стайка мальцов разного возраста, полуголых и загорелых до черноты. Старший лет десяти с побелевшей от солнца лохматой головой протянул руку в цыпках и показал кукан с некрупными усачами и форелями¹. Решительно сказал:

– Барин, купи рыбу! Дёшево!

– Купите! – поддержали наперебой остальные.

– Где наловили? – любопытствовал он.

– Да туточки у водопада на Ольховке, где купаемся!

Давеча по дороге в Кисловодск он видел, как на Подкумке рыбу ловили небольшой сеткой, подвешенной к шесту. Здесь её называют саком, а дома у него пауком.

– Чем ловили? – хотел проверить. И неожиданно услышал первобытное:

– Да руками!

Восхитительно! Похвалив детей и отказавшись покупать, полковник пошёл дальше. Купить он не мог: кухарку ещё не нанял

Утром на торге подтвердилось то, что он слышал в Пятигорске. Здесь рыбу и куропаток продают в изобилии, даже живыми, будто их ловят косяками. Но особенно его обрадовало, что вокруг по горам и ущельям бродят во множестве прекрасные охотничьи трофеи.

¹ рыбы эндемики *Barbus ciscaucasicus* и *Oncorhynchus caucass* (лат.)

Шагая по жаре через плац, полковник размечтался: «Поохотимся знатно! Найму коней и проводника, найду припас к ружьям, приглашу князей Хасновых. Даже Осип будет рад – он у меня лошадиник и охотник. Добудем козла-изюбра, а то и кабана-вепря. Так охотились в древней Руси, если верить летописям! В наше время эти звери превратились в редкость.

Тут он споткнулся, и мечтания прервались. Полковник огляделся. Ласточки носились низко над плацем, негромко щебеча быстрые трели. Жара была им в удовольствие!

Он вытер пот с лица и пожелал невольно: «Вернёмся с охоты – попаримся! В крепости, верно, есть банька. Вот и дальний бастион! Перед ним моя халупа. Я пришёл!»

Соглядатаи в горах

Оба черкесских соглядата внимательно осмотрелись. Среди скал раскинулась заросшая редким кустарником зеленая поляна. В ее понижении струился ручеек. Людей не было видно. Соглядатаи спешились. Аслан принялся обихаживать, поить и кормить голодных коней. У адыга кони должны содержаться в наилучшем состоянии.

Али захватил бурку и пошёл на край поляны к скальным выступам над обрывом. Низко пригибался, чтобы его не заметили со сторожевой вышки, стоявшей на горке позади источника нарзана. Разложил на скале бурку. Лёг и стал наблюдать за жизнью внизу в Кисловодске.

Перед Али Кисловодск был как на ладони. Он узнал балаганы, возле которых они недавно торговали. Увидел дорогу, по которой они ехали, дома, дворы, площадку у нарзанного источника, слободу с церковью, базарную площадь, сторожевой пост и крепость.

Её он рассмотрел особенно внимательно. Различил пушки и укрепления. Определил расстояния до ближайших домов. К его досаде, с места, где он находился, не была видна задняя часть крепости и едва просматривалась далёкая станица на въезде.

Али подсчитал приблизительное количество солдат в гарнизоне. Учел, что одни солдаты живут в крепости, а другие в слободе. Он был человек опытный, и о полусолдатах ему было

известно. Похоже, продавец сладостей не лгал об усиленной роте. Это осложняло дело, но не влияло на цель нападения – получить добычу и прославить *Аттхей*¹.

Прежде чем приехать в Кисловодск, Али побывал в нескольких казачьих станицах и убедился, что может сходу захватить любую из них. Но его не устраивало, что будет потеряно много джигитов, а трофеев добыто немного. Он обратил внимание на городки на кавказских водах.

Начал с Кисловодска. С военной точки зрения городок состоял как бы из двух частей: наверху крепость со слободой и внизу вокруг источника лечебные заведения, которые прикрывали пушки крепости. Тут же располагались ресторация и жилые дома, сдаваемые в наём. В обеих частях городка находились солдаты и казаки – внизу на гауптвахте, вверху в крепости и на сторожевом посту.

Между верхней и нижней частями текла небольшая речка Ольховая с невысокими берегами. Конные воины могли легко преодолеть её по бродам, которые используют жители.

Как опытный воин, он знал, что планировать атаку надо, учитывая расположение противника, и главный удар наносить в слабое место. Показалось, что при таком расположении города следует разделить отряд на два. Один будет блокировать крепость, а другой забирать всё перед ней. И обобрав быстро, можно будет уходить. Так бы он сделал, ища добычу, но не славу!

Он стал прикидывать, как быстро захватить крепость.

Противодействие будет оказано прежде всего на сторожевом посту, на гауптвахте и, возможно, в ресторации.

Торговец в балаганах сказал, что в ресторации воинов нет, а есть курсовые. Они уедут после сентября, когда лечение закончится. Тогда в ресторации будет пусто.

Внезапно ему в голову пришла простая мысль.

Нападём до восхода солнца, пока все спят, и обязательно в октябре. Главный удар нанесем в узкой полосе через двор ресторации. В этом пункте сопротивления не будет, и до

¹ *Аттхей* – адыгейское название своей родины; образовано из слов «населяющий долину» (*аттх*) и «возле моря» (*хей*) (*адыг.*)

крепости мы пройдем без задержки.

Будут нападать четыре группы надёжных джигитов. В начале движения оставлю заслон против станицы.

Две передовые группы продолжат движение, нападут на пост и на гауптвахту и завяжут бой.

С третьей наибольшей группой буду я сам. Не прерывая движение, быстро проведу группу с фланга через двор ресторации к речке. Переправимся. С ходу преодолеем ничтожный ров и бастионы. Возьмём крепость, и город наш! Такой мой план победы.

Он думал: «Этот план будет моим секретом. Силы подсчитаю и распределю позднее, когда придет ясность с составом отряда. Тогда же назначу командиров групп, но задания сообщу им лишь перед самым нападением, чтобы обмануть русскую разведку.

Быстрота исполнения плана – ключ к успеху! Опасности при нападении известны: во-первых, пушки, во-вторых, другие гарнизоны! Когда через короткое время *урысы*¹ обнаружат нас, они набросятся, как вороньё, которое хочет отнять добычу у сокола. Я им это не позволю. Все сделаем быстро и победим!

Путь для отхода назначу по тропе, поворачивающей от кислородской дороги к Подкумку. У поворота мой заслон прикроет тропу от нападения из станицы.

Заслон будет стоять, пока отряд не пройдёт. При удаче можно будет захватить станицу тоже. Заслон разведает, где удобнее напасть. Станицы не станет, и отряд будет некому преследовать.

Обратный путь отряда – это моя последняя и самая важная тайна! Сохраню всё в секрете – добычу довезём до Аттехея без потерь.»

Закончив наблюдение, Али взял валежник, собранный Асланом, наломал сухих веток, подбросил сухой травы и развел костерок под котелком с водой.

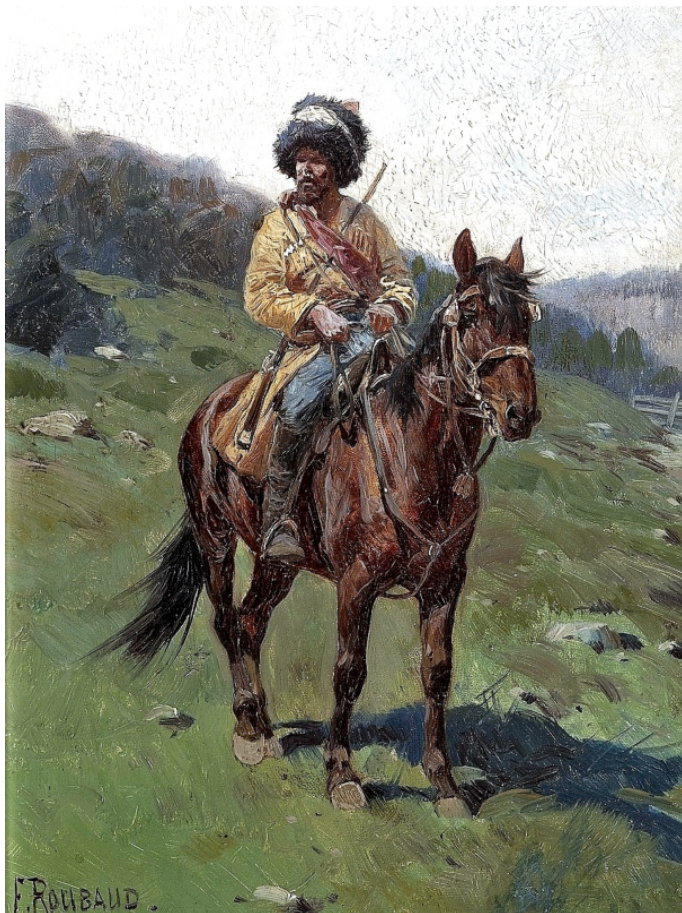
Следил, чтобы костер сильно не дымил. Заварил чай, купленный у Харлампия.

Неожиданно от Джинала появился верховой казак с мок-

¹ *урыс* – русский (адыг.).

рым мешком у седла. Поздоровались. Пить чай казак отказался. Спросил, кто такие?

Али показал свидетельство тифлисского ремесленника и билет для проезда. Казак с трудом прочитал названия бумаг и спросил, что они делают в Кисловодске.

Казак (Ф.А. Рубо, 1918 г.)

Али вежливо ответил с грузинским акцентом, что они

торговали с утра разным оружием и деревянными поделками. Но с жильем у них не устроилось и они решили сделать дневку лошадям.

Найдем жильё, будем снова торговать. Торговец Харламий обещал помочь. Если уважаемый казак пожелает, пусть приведет своих товарищей за покупками. Достанем для них самый лучший товар.

Услышав имя торговца, казак сказал: «Дядя Харлаша! Он поможет!». Больше вопросов не задавал, попрощался и уехал.

Двое адыгов ужинали скромно. Маисовую *пасту*¹ везли из дома в кожаной сумке, хлеб купили на базаре. Свои чуреки даже не доставали – они ещё пригодятся. Путь предстоял не близкий, и сколько времени потребует дело, они не знали. Продукты надо было беречь. Запивали чаем.

Али видел, что Аслан хочет задать вопрос, но не решается. И объяснил ему по-товарищески своё бездействие:

– Я отпустил казака живым из-за того, что нас видели и запомнили, – сказал он, разбирая костер. – Если казак исчезнет, станут искать. И сразу свяжут исчезновение с нами.

Зачем нам эти поиски и лишнее внимание? Лучше подготовиться и исчезнуть без шума и следа, чтобы о нас забыли. Надо быть незаметными и предусмотрительными.

Больше не прибавил ничего.

Аслан понял скупой намёк. Молча и старательно разложил седла, вьюки и прочее так, чтобы быстро собраться в темноте наощупь. Забил в створке в землю стержень с петлёй и каждого коня привязал чембуром за заднюю ногу.

После положил на землю заряженные пистолеты и ружье. Снял чувяки. Постелил коврик, вымыл лицо и ноги и помолился. Вытер ноги и надел ноговицы и чувяки.

Завернулся в бурку и накинул башлык. Лег рядом с оружием, подложив папаху под голову. В полночь его разбудил Али и, помолившись, сам немного поспал.

Заснул Али быстро. Проснулся затемно, пытаясь забыть тяжелый сон.

Ему приснилось, что он сидит под ярким солнцем на

¹ *пастэ* – крутая каша (адыг.), чаще называют мамалыгой

ровной площади, посыпанной белым поблескивающим песком.

Площадь уходит за горизонт. Оттуда веет морской бриз и гладит лицо так приятно, будто он находится на родной земле.

Черкес у ручья (Ф.А. Рубо)

Ветерок приносит мимолетные чудесные запахи. Сердце

Али томит дух нежных роз, веселят фиалки, какие-то незнакомые ароматы возбуждают и радуют. Чудесное пение неведомых птиц ласкает его слух.

Однако ему недосуг разбираться в этих божественных ароматах и песнопениях – всё внимание сосредоточено на парящей в воздухе сверкающей серебряной платформе.

Там под балдахинами с шевелящейся золотой бахромой сидят в ряд боги, похожие на белобородых аксакалов в папахах.

Не все боги кажутся ему знакомыми. Некоторые похожи на зверей. Он хорошо видит, как облик то одного, то другого через мгновение становится не одним, а несколькими.

Потом облики сливаются и делаются одним. Из-за этого божественное сияние дробится, мелькает и переливается. И не поймешь, это один бог во многих лицах или несколько богов в одном лице.

Боги беседуют, не нарушая порядка. Как ни странно, Али не может определить, кто из них начинает – все начинают, и кто заканчивает – все заканчивают, и каждый говорит на своем языке. Али слышит их всех сразу и все понимает.

«Как удобно, – подумал Али, – одному можно говорить, будто нескольким. Надо подумать, как это применить в жизни».

А боги обсуждают, будут ли они дальше заниматься Али-Хырсызом или жизнь его предадут Судьбе. Как понял Али, он застал окончание обсуждения.

Бог со звериным лицом сказал:

– Нельзя оставлять человека без поддержки и наставлений, даже если он на самом деле разумный, как божье подобие!

Ему ответили:

– Мы слышали твои слова не раз! Но в Начале Всех Начал было решено поддержать сирых и слабых потому, что сильные и богатые справятся с несчастьями сами, без наших Великих Пророчеств.

Сирым в помощь предусмотрен Фатум, превосходящий силы Судьбы и *Кисмета*¹. Благородный Али сам принимает решения и отвечает за них. Таков Великий Закон. Ты это

¹ судьба, ниспосланная Аллахом (араб.)

знаешь! Али магометанин и адыг. Верно?

– Верно! – бог мусульман кивнул, переливаясь.

Сквозь низкий гул Али услышал громкие, звенящие будто колокол, пророческие слова: «Жизнь Али сложна и запутана, но он сильный. Значит, по Закону его жизнь принадлежит Кисмету и Судьбе!»

Сколько времени звучало это странное пророчество в его голове, Али не помнил, но вдруг перед ним явились Кисмет и Судьба, похожие на клубящиеся облака. И он услышал из облаков двуязычное громовое приказание:

– *Къэшъу!* Пляши!

Он поднялся, сорвал с головы папаху и швырнул на песок. Занял позу и стал плясать Священную Лезгинку во имя искупления. Играли музыканты. Смотрели боги.

Вдруг со всех сторон раздалась пальба. Пули ударили и кусали тело Али, а он плясал, не переставая, как должен поступать настоящий джигит перед аксакалами.

Сияющий бог со звериным обликом проговорил: «Пляшет, как герой, показывающий своё презрение врагу».

Боги ответили: «Это решать не тебе! Ты забыл, что по Великому Закону люди сами решают, герой ли тот, кто пляшет священный танец. Для нас он такой же плясун, как все!»

«Да будет так! Хвала Великому Закону Правды!» – пропели боги хором.

Прогремело раскатистое «*Verum*¹!». Земля содрогнулась. И тут сновидение исчезло. Аслан тряс его за плечо:

– Ты во сне дергался и стонал. Нам пора!

Просыпался Али с трудом и, почесываясь, долго соображал, где он находится, так сильно сон потряс его душу. Он понял, что видел вещий сон. Но что сон значил, понять не мог. «Спрошу потом муллу,» – подумал он.

Соглядатаи покинули низину задолго до рассвета. Их следующей целью был Пятигорск.

Али признавался себе, что город ему хочется посмотреть больше из любопытства. Набег был бы опасен – там слишком сильный гарнизон.

¹ *Правда! (лат.)*

Но разведка никогда не помешает. Всё в руках ...

Тут его мысли прервались: «Ах, чуть не забыл – всё в руках *гуцы*¹».

Они выехали на дорогу, ведя в поводу навьюченных лошадей. Дорога далеко просматривалась и была пуста.

Для соглядатаев любые встречи таили опасность и в поселениях и в горах днем и ночью за каждым поворотом дороги.

Младший всадник сказал, облегченно вздохнув:

– Али, впереди нам светит удача – на дороге, кроме нас, ни экипажей, ни всадников. Проедем незамеченными. Надеюсь, до места путь будет свободен!

Старший ответил, качая головой:

– Не радуйся, Аслан! Правду говорят: «Не найдя брод, не снимай обуви!» Придётся переходить не один брод. Нам ещё ехать и ехать! Будь готов ко всему, пока мы не попадём в Пятигорск!

За станцией Эссентукской на дороге непременно появятся встречные и с ними, Аллах, не допусти, будут вооруженные казаки. Они ездят группой, разъезд называется. Как ты понимаешь, для нас они – главная опасность.

Поэтому покинем кисловодскую дорогу и двинемся в объезд Эссентуков. Въедем в Пятигорск как бы со стороны дороги на Владикавказ. Если будут искать, подумают, что мы ехали из Тифлиса через Военно-Грузинскую дорогу.

А на горной тропе, по которой мы едем сейчас, четыре года назад мы хорошо поживились. Зарезали ночью пять стороживших казаков и угнали половину эссентукского стада.

Тут есть удобная переправа через речку. Не доезжая станции Эссентукской, соглядатаи свернули к Подкумку. В поисках переправы стали пробираться вдоль берега, заросшего кустарником и камышом. Наконец, нашли широкий разлив потока над россыпью мелких камней.

Аслан спешил и разулся. Чувяки и ноговицы сунул в сумку. Перевёл лошадей. Лошади, оскальзывались, но послушно спускались к воде, переходили речку и с трудом

¹ *гуцыл* – судьба (адыг.)

влезали на крутой противоположный берег. Слава Аллаху, не пришлось снимать тяжелые вьюки с оружием.

Последним брод преодолел Али, стороживший переправу с пистолетами в расстегнутых седельных кобурах. Маленький караван проехал немного вдоль реки и вскоре, приведя себя в порядок, решительно выехал на тропу, поднимающуюся вверх по ровному склону в виду Эссентукской станицы.

Надо было убираться из обжитых мест, как можно быстрее. Вскоре путники преодолели подъём на увал, и перед ними открылись далекие дали с отдельно стоящими горами.

Разгорался рассвет. Пространство, освещённое косыми лучами солнца, занимала обширная холмистая равнина, изрезанная извилистыми балками, которые заросли кустарником и деревьями.

Безлесые горы Джуцкая и Болван заслоняли от глаз рассветное сияние. Между их темными куполами в лучах солнца виднелась невысокая горка Золотого кургана. Сбоку от Болвана из синей дали поднимался освещенный конус Машука, и рядом возвышался темно-синий массив сплотившихся гор Бештау и Шелудивой.

У подножия Машука раскинулся городок Пятигорск. Из-за гряды между Машуком и Бештау выглядывали горы Змейка и Развалка. Вдали за Машуком угадывались силуэты острого Кинжала и Лысой горы.

Слева путники увидели две далекие одинокие горы Бык и Верблюд. Перед ними обширное холмистое пространство плавно поднималось от гор Бештау и Машук на Боргустанский хребет. Внизу у реки располагалась станица Эссентукская.

Их маленький караван, кажется, прошел незамеченным. Если бы и дальше все было так же хорошо!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Курьер в крепости

В самую жару коляска четвернёй, сопровождаемая вооруженными казаками, въехала в ворота крепости.

Крепость выглядела пустой; гарнизон был на работах, и

лишь с удалённого бастиона слышались команды офицера, обучавшего артиллерийский расчёт.

Перед домом на лавочке сидели двое солдат, курили трубки и рассматривали подъезжающих.

Один негромко сказал другому:

– Погляди, Петрович! Гнали во всю мочь: кони в мыле, люди в пыли и у всех морды в поту. Господи, воля твоя, повезло им, беднягам, что не в ночь послали. Этот азартный эстляндец потерял бы тогда коней и коляску разломал бы в щепы!

Другой солдат заметил тихо:

– Лихой ездук; из молодых да ранних!

Поручик барон Фон-Мантейфель, прибывший с депешей, скинул с плеч пыльную шинель на руки спрыгнувшего с облучка слуги, стряхнул пыль с колен, снял кепи, вытер платком лоб и обратился к сидевшему на лавочке:

– Кузьма, доложи майору.

А своему кучеру приказал:

– Поезжай на конюшню, лошадей приведи в порядок. Осмотри выносную. Доложи. Вымойте с форейтором коляску.

Сопровождавшим казакам сказал:

– Казаки, благодарю за службу! Можете ехать в станицу. Возвращаемся с петухами. Быть к пяти.

Тут на крыльцо вышел майор, застёгивая сюртук:

– Максим Генрихович! *Ma cherie*, вы стали редко радовать меня своими визитами. Отлично, что приехали! Сегодня поохотитесь? Время есть. Даже отобедать успеете.

– Спасибо! Обойдусь без обеда, а вот чайку выпью с удовольствием, – жара, знаете ли.

Майор кивнул согласно и приказал денщику:

– Кузьма, мигом долей самовар и подай, как закипит. Кто это с тобой сидел? Петрович? Позови!

Почти сразу явился Петрович. Майор сказал:

– Старший унтер-офицер, смирно! Вам что устав службы не писан? Почему не на отдыхе, когда вам предстоит ночной караул?

Людей поручика определить во вторую казарму. Там есть свободная полать. Не забудь накормить и выдать тюфяки.

Самому спать до вечера. Исполнять!

Денщику, принёсшему самовар, приказал:

– Кузьма, закончишь с чаем, ступай со слугой поручика на конюшню! Седлайте и приведите свежих коней, как обычно. Обождите тут!

Когда поручик умылся с дороги и утерся, майор предложил:

– Для скорости велите вашему слуге помочь Кузьме.

Потом сломал печать на пакете и принялся читать депешу.

Вернулся кучер и доложил барону:

– Ваше благородие, на правой задней ноге ушиб над бабкой. Похоже, не засеклась, а камнем ударило. Конюх лечит вроде бы правильно, – делает холодный компресс. Сказал, что нужны примочки и долгий покой.

Майор оторвался от чтения депешы и заметил:

– Дело серьёзное! Тебе повезло, что не дышловая. *Mon cher*, коня оставишь у меня на лечение.

И засмеялся:

– Ехать тебе обратно как бы на тройке с бубенцами. Но не на лихой. Ничего, назад можно не спешить.

Поручик согласился:

– Ты прав! Обойдется! Спасибо за одолжение!

Доеду косою упряжкой до Пятигорска за милую душу. Мне спешить без надобности. Ушибленная лошадь дойдет до своей конюшни в поводу.

Тебе известно, у нас там тоже неплохо лечат. Не так знатно, как у тебя, но с ушибом справятся. Да и зачем тебе лишние хлопоты?

Майор парировал:

– Какие могут быть хлопоты между друзьями?

Заварил чай, разлил по стаканам и поинтересовался:

– За сколько ты доехал на этот раз? Обогнал на пари Киселёва? Или пробренчалось и ничего не вышло?

Барон огорчённо вздохнул:

– Девяти минут не хватило. Три часа двенадцать минут, не считая перемены коней. В станице не дали лучших, как ни требовал! Ничего, в другой раз верх будет за мной, – пусть Матвей не выхваляется!

Майор посочувствовал:

– Уверен, что ты его обошёл бы, если бы не повреждение. Думаю, в горах для гонок нужны ногавки¹.

Быстрыми конями и скорыми переездами гордились. Умения в конном деле скрашивали армейскую жизнь в любое время, даже в боевых условиях, когда было не до праздников, пикников, балов, раутов и прочих развлечений. Полагали, что *british hobby to bet on the race - it's great!*²

В серьёзных мужских разговорах лошади считались темой, лучшей, чем обсуждение погоды и рассказы о сражениях. Естественно, женщины были темой, имеющей неоспоримое преимущество над лошадьми.

О свойствах дам разных национальностей мнения были составлены давно. Однако о кавказских горянках мнения расходились.

Интерес подогревался писателями, изображающими их страстными и покорными красавицами! Возьмите хотя бы Бестужева-Марлинского.

Реальность была иной, и это приводило к горячим спорам и конфликтам.

Майор рассчитывал узнать в подробностях, какие новые привлекательные личики появились в Пятигорске и прибудут ли в Кисловодск. Он не скрывал от себя свои матримониальные намерения.

Думал с невольной досадой: «Возьмем двух поручиков: эстляндца Максима и петербуржца Матвея. При каждом случае бодаются, как бараны, но обзаведутся семьями – остепенятся.

Меня, похоже, такое не ждёт. Я одинок, и посватать за меня приличную невесту некому. Барон бесцеремонен, но богат и знатен и ему знакомы все состоятельные семейства, которые сюда приезжают. Надеюсь, он поможет! Вот и верчусь перед ним ужом.»

Но это не озлобляло майора и не меняло его доброго нрава. Его в равной степени заботили неудачи знатного барона и несчастья обыкновенного солдата.

Он искал способ быстро переправить в пятигорский

¹ защита, надеваемая на нижнюю часть ног лошади

² британское увлечение делать ставку на гонку - это великолепно! (англ.)

госпиталь рекрута Александра Симонова, разбившего голову и сломавшего ногу на работах. Понимал, что с курьером его не перевезти!

Поэтому еще утром договорился с Петром Найтаки, собиравшимся везти в пятигорскую ресторацию продукты с казачьим конвоем. Майор был в наилучших отношениях с Пётром. Врач в крепости уже подготовил рекрута к отправке.

Барон с удовольствием пил душистый чай, и готовился к знатному развлечению. Впереди его ждала королевская забава – ружейная охота на фазанов перед заходом солнца.

В здешнем краю эти птицы стали редкостью. Их нещадно выбивали местные добытчики, прятавшиеся за переносными полотняными щитами. Фазаны не боялись этих укрытий и попадали под выстрелы.

На днях в камышовых крепях на Подкумке их снова заметили. Время фазаньих станичек прошло, птицы подросли и кормились самостоятельно. На вечернюю кормёжку спускались с деревьев за час-два до заката солнца.

Правда, они не имели нарядного вида из-за того, что линька не закончилась. Однако достигли достаточного веса и добывались легко из-под такой умной собаки, как его Веста.

Допив чай и перекрестившись, он сказал:

– Спасибо! Как всегда, прекрасный чай! Я готов. Едем?

Майор взглянул еще раз на депешу и сказал:

– В депеше есть приказания для казаков. Придётся нам ненадолго заехать в станицу.

Они надели кепи, взяли ружья и газырницы и отправились.

Позади господ денщик вез собаку на седле, а слуга – ягдташ, перекинутый через плечо.

С кисловодской дороги кавалькада свернула к станице.

Станицу защищал ров, заполненный водой, и земляной вал с плотным колючим кустарником наверху. Проехали ворота и уличные рогатки.

Дом станичного правления стоял у центральной площади, посреди которой возвышалась деревянная старообрядческая церковь. По легенде её, разобранную, привезли казаки, переведённые из станицы Суворовской.

В комнате увидели сидельца и писаря. Писарь за столом

что-то подсчитывал на счётах и выводил гусяным пером на листке бумаги. Сиделец, лежавший на лавке, встал по стойке «смирно».

– Здорово, Игнат! – обратился майор к писарю – Где атаман?

– Где ж ему быть? День кончается, ваше высокоблагородие, – атаман дома хозяйевает, – сказал писарь и приказал сидельцу: – Проводи!

Атаман без верхней одежды, в рапахнутой рубахе, в домашних портах и чувыках встретил офицеров во дворе перед саманной хатой, покрытой камышом.

Вид его был как у настоящего степняка Загорелые до черноты руки, лицо и шея составляли неожиданный контраст с белым телом. В ухе посверкивала серьга.

Прочитал депешу и сказал с апломбом:

– Помните, ещё весной генерал Засс предупреждал нас, что черкесы собираются сделать набег осенью после полевых работ.

Недавно в горах замечены лазутчики. Уверен, что черкесы действительно готовятся к набегу Хотят досадить государю, когда он приедет. Умом тронулись! Но от нас не скроются! Оглянуться не успеют, как мы их схватим!

Майор сказал:

– Комендант Петр Петрович Чайковский передает тебе слова генерала Засса. Может появиться известный разбойник Али Хырсыз. По агентурным данным он имеет вид местного жителя или приезжего с востока.

Надобно усилить наблюдение на постах! Казаков добавлять не надо, но напомнить о бдительности не помешает.

Пётр Петрович считает, что нельзя допустить, чтобы горцы омрачили государя. Наказной атаман поставлен в известность и согласен с этими соображениями.

Станичный атаман стал думать вслух:

– Ты, майор, знаешь, что я рассылаю моих казаков повсюду: и на ближние сторожевые посты в Кисловодске и на Клин-Яре, а также на поддержку твоих солдат в дальних постах в Хасауте, в Кич-Малке, на Эшкаконе и Кумбаши.

Казачи нужны и на бекетах¹, и в поездках. Хоть разорвись!

Завтра с утра отправлю посыльных. Значит, сниму с работ десяток казаков. Они передадут предупреждение о лазутчиках да ещё проверят готовность сигнальных вешек с маяками.

Регулярные разъезды я тоже не снимаю. Им дам инструкцию поберечься.

Приходится исполнять. Мы люди государевы, реестровые. Наш наказной атаман героический генерал Пётр Семёнович Верзилин о казаках не забывает! Передайте ему в Пятигорске, что я исполню всё, как положено!

Атаман дочитал и вернул депешу. Майор ему напомнил:

– Сообщи, пожалуйста, сразу, если твои казаки что-то обнаружат.

– Обнаружат? Нашли несчастных купцов, которые приехали издалека и ночуют в поле потому, что Кисловодск переполнен, и приходится ждать, когда жильё освободится!

Майор насторожился:

– Каких ещё купцов?

– Оружейников из Тифлиса. С неплохими шашками и кинжалами. Сам видел в городе, как они торговали.

– И бумаги проверил?

– В бумагах всё правильно.

– Что-то здесь не так. В Кисловодске всегда найдётся крыша над головой для приезжих!

– Не веришь, сходи сам проверь. Они торгуют в балаганах. На другой день, милости просим, приходи и полюбуйся.

Насчет «крыши над головой» скажу, как оно есть. Слуги мне передали, что ресторатор Найтаки предлагал начальству пристроить флигель к гостинице. Ему, представляешь, отказали!

Вот и получается беспокойство для приезжих. Знаешь, экономия не всегда полезна. Казну надо бы расходовать разумно!

– При чем тут это? – удивился майор. – Это дело не наше. Тут решение принимают старшие начальники.

¹ *бекет – пикет, аванпост; от тюркского «укреплять, делать крепким», также пикет соотносят с *piquet* (фр.) – кол, военный пост*

– А сам-то ты, Иваныч, что творишь! Опять будешь впустую пушкими грохотать, скотину беспокоить. Опять пугливые коровы молоко давать перестанут.

А мне объясняться с хозяйками, что военная необходимость требует, чтобы коровы не давали молоко.

Неужели учения артиллеристов должны быть такими шумными?

Никанор Иванович обиделся на замечание друга и подумал: «За что он меня ругает? Считает, что я недостаточно занимаюсь городом?». Но сказал примирительно:

– Ты знаешь, что мой начальник, комендант Пётр Петрович, принял должность недавно. Ведь, не может он сразу начать строить, даже если по совместительству назначен старшим членом в Строительную комиссию!»

Атаман улыбнулся и сказал:

– Что ж, поживем – увидим, какой он старший член!

Когда отъехали, Никанор Иванович не сдержался и выразил свою досаду:

– Пуд соли съели вместе. Однако, после того, как на сходе покричали казаки «любо» и выбрали атаманом, он и воспарил.

Извольте радоваться, нос задрал! Ничем его не исправишь. Староверы, они люди упорные! Вера приучила их защищать свои интересы вопреки очевидному.

А насчёт коров он зря сказал, Стрельбу-то я устраиваю днём, когда стадо не в станице, а на пастбище.

Маленький отряд охотников выехал из задних ворот в сторону горы Клин-Яр.

Успокоившийся майор задумчиво сказал:

– Люди в народе подобны молекулам в жидкости. Ты знаешь, что жить нам позволяет вода! Недаром нарзан целебен.

Каким особым свойством наделена вода? Отвечу. Она растворяет, то есть удобно помещает одни молекулы между другими. Так и люди помещаются в обществе.

Но есть люди, чуждые обществу. Их сколько угодно! Они не растворяются, а выпадают в осадок. С ними лучше не иметь дела, а отделить их, как песок, загрязняющий целебный нарзан. Очень жаль, но это правда!

Майор вздохнул и больше не прибавил ни слова. Он чувствовал, что был не совсем прав. Но досада не позволяла признаться в этом!

Вскоре путники переправились через бурливый Подкумок и оказались на широкой речной пойме, покрытой камнями и ямами с водой, оставшегося от недавнего бурного разлива.

Какое изумительное птичье царство существовало здесь в обильных зарослях кустарника, камыша и разрозненных деревьев! Всадники то и дело вспугивали крылатых летунов.

Пустили собаку. Барон взял у слуги свой потерянный ягдташ. Слуга и денщик привязали коней к кустам у берега и остались ждать.

Охотники убедились, что фазаны тут были. Но мало. Попался один. Ещё добыли трёх куропаток, и случайно вяхиря. Его сняли удачным выстрелом с дерева на обратном пути.

Барабанщик пробил «вечернюю зорю», когда они вернулись в крепость. Вскоре из ресторации по всему Кисловодску понеслись звуки танцевальной музыки.

Повар на крепостной кухне ошипал и пожарил добытых фазана и витютня. Охотники поужинали с кахетинским. Обсудили, какие новые семейства приехали на воды, и есть ли интересные девицы на выданье.

Насладившись вкусной едой, собрались на танцы. Почистились. Спрыснули духами. Барон велел слуге захватить фонарь.

В ресторации они заглянули в окно. Громко объявили немецкий вальс. Готовясь к танцу, несколько пар вышли на край зала. Поручик заспешил. Приятели вошли. Заплатили за билеты. Лишь дамы ходили на бал бесплатно и с кавалерами.

Барону было не привыкать выбирать партнёршу по обстоятельствам, а не ангажировать¹ по *агенду*². Надо признать, что он не один пренебрегал условностями. На водах нравы были необыкновенно свободными.

Он пригласил даму средних лет, спросив разрешение у стоящего рядом кавалера во фраке со смешными короткими

¹ пригласить на танец заранее

² бальная книжечка

фалдами.

Новомодный фрак совершенно не шёл ему, но зато цвет пышного галстука соответствовал сизому цвету бритого лица.

Барон проговорил: «*Dieser wunderbare Walzer hat schon in meinem Kopf geklungen. Eincharmanter Zufall!*¹».

Бал, танец котильон (Г.Г. Гагарин, 1832 г.)

Не услышав от дамы ответа, барон перевёл: «Прекрасный вальс, не кажется ли вам?» и положил руку на крепкую талию.

¹ Этот замечательный вальс уже звучал у меня в голове. Очаровательное совпадение! (немец.)

Они закружились, меняя руки по командам дирижера танцев.

Майор вздохнул и, поглядывая на увлеченно танцевавшего партнера, направился в буфетную. Жажда давно его томила.

Там жаждущие приводили себя в нужную кондицию с помощью шампанского, почти совсем не обращая внимания на прохладительные напитки.

Пока немногие вальсировали, остальные тоже не бездельничали. Некоторые кавалеры с задумчивым видом подпирали стены. Другие сидели по краю зала за зелёными столами и азартно колдовали над картами.

Дамы, ожидавшие на стульях по краю зала, развлекали друг друга разговорами обо всем романтическом, как оно сложилось в их головах. Некоторые дамы и кавалеры изящно лорнировали. Рассылали через служителя записки.

Когда музыка смолкла, барон спросил, не занята ли дама на второй танец¹. Получив отрицательный ответ, пригласил. Объявили его любимый экосез. Прыжки ему особенно удавались. Он поразил партнершу стремительными антраша².

Вернув даму диковинному кавалеру и выразив положенную благодарность, барон отправился в буфетную, заполненную игроками и танцорами, устроившими себе приятный перерыв.

Буфетчик и его помощник едва успевали подавать оршад, лимонад, морсы, мороженое и, конечно, шампанское.

Майор, сидевший за столом, предложил разгорячённому приятелю место на стуле рядом и, пока барон наслаждался холодным шипучим напитком, важно сказал:

– Согласись, говорят не зря, что танец – это искусство!

Негромко засмеялся и уточнил:

– Искусство вовремя убирать ноги! Партнёршу ты нашёл неплохую, она прекрасно уворачивалась от твоих замечательных антраша. Не испугалась и не потерпела ущерба.

На шутку барон нахмурился и собирался обидеться, но, пока он глотал шампанское, майор сказал дружески:

– Твоё появление на здешнем балу произвело фурор. Дамы

¹ По правилам бала разрешалось танцевать два тура подряд; после чего делали перерыв, чтобы танцевать по очереди и не в тесноте.

² *entrechat* (фр.) – прыжок со скрещиванием ног.

тебя заметили и часто лорнировали. Отличные умения, показанные тобой, убедили даже меня, скептика, кто из великих философов прав.

Ты, ведь, знаешь, Цицерон не советовал благоразумным людям танцевать, тогда, как Платон считал, что танцам надобно учить с детства. Он полагал, что танец прибавляет мудрости. Ты хореографически доказал, что Платон мудрее Цицерона. Я в восхищении!

Поручик допил свой бокал и ответил, улыбаясь:

– Хватит подшучивать!

Доброжелательно спросил:

– Как насчёт того, чтобы показать мудрость танца на деле?

Пригласи привлекательную даму и повертись.

Майор вздохнул и ответил:

– *Amicus Plato, sed magis amica veritas!*¹ Сегодня мы достаточно «наплясались» в буераках на Подкумке, чтобы заслужить покой. Мне ещё надобно закончить отчёт для пятигорского коменданта, чтобы наутро отправить. Желая хорошо повеселиться!

Уходя, майор сказал, что после танцев перед крепостью поручика встретит караульный унтер. Гостевой дом для ночлега подготовлен.

В темноте майор вернулся в крепость без происшествий. Привычную дорожку он прошёл бы даже с закрытыми глазами. Ночная прохлада спустилась с гор.

Часовой в распахнутой шинели окликнул майора: «Стой! Кто идёт?» «Командир» – ответил Никанор Иванович. Затем состоялся короткий разговор по уставу: «Скажи пароль? Курск. Что пропуск? Кинжал. Проходи!» Часовой стал «смирно».

«Молодец!» – сказал майор. «Рад стараться, ваше высокоблагородие!» – ответил часовой. Майор напомнил: «Павел, опять на холоде шинель нараспашку! Застегнись!» «Слушаюсь, Никанор Ваньч!» – улыбнулся солдат.

Майор зашел в караульную и приказал унтер-офицеру, чтобы после одиннадцати встретил у ворот поручика и проводил на ночлег в гостевой дом.

¹ *Платон мне друг, но истина дороже! (лат.)*

Бал закончился весёлым котильоном, в котором кавалер, ведущий первую пару, придумывал новые фигуры. Все наслаждались своими танцевальными умениями и забавлялись, когда другие танцоры, не расслышав крики ведущего, путали объявленные движения кадрили, вальса, польки, мазурки и теряли направление. Танцоры сталкивались и весело смеялись. Появлялись прекрасные возможности завязать новые знакомства.

Не зря на кисловодском курсе врачи говорили, что смех все болезни лечит, а фунт смеха прибавляет пуд здоровья. Они были хорошие врачи и помнили заповеди Гиппократова независимо от платы за лечение!

Поручик не стал толкаться в котильоне. Зашёл в буфет, чтобы выпить бокал шампанского «на дорожку». Часы на стене зала показывали близко к полуночи, когда он покинул ресторацию. Ожидавший слуга пошёл впереди, неся фонарь с яркой аргандовой масляной лампой¹.

Утром, когда офицеры пили кофей, унтер доложил, что ночь прошла без происшествий. Потом заехал казак с успокаивающим сообщением от удалённых постов.

Барон Фон-Ментейфель попрощался и отбыл в Пятигорск, захватив куропаток и пакет с бумагами, приготовленными майором. У базара курьер остановил коляску и послал слугу купить сыра и хлеба в дорогу на всех. В походах и в поездках он по примеру горцев считал правильным питаться скромно.

Ехали неспешно. Негромко брякали бубенцы, позвякивал колокольчик и в лад ударяли копыта, баюкающие ездока. Курьер заснул. Неспешная езда до Ессентукской продолжалась почти три часа. На остановке поручик размял ноги. Кони и все остальные немного отдохнули. Чуть меньше времени ушло на путь до Пятигорска. Поручик выспался прекрасно.

Отметившись у секретаря коменданта и передав бумаги майора, поручик Максим Фон-Мантейфель вернулся в Константиногорскую крепость и заплатил десять проигранных червонцев поручику Матвею Киселеву.

¹ лампа швейцарского изобретателя Ф.П.А. Арганда с улучшенным горением масла.

В тот же вечер они устроили пирушку, на которую пригласили дежурного капитана, бывшего свидетелем пари.

Казачи уехали домой. Слуги организовали стол и могли немного вздремнуть, пока сослуживцы вкушали кисловодских куропаток и горячо спорили, какие пари основательные, а какие нет.

Максим сказал, обгладывая птичью ножку:

– Угадать, где куропатка попадёт под выстрел, справа или слева, – это не пари. Оно неосновательное, так как цель может выскочить в тылу.

Матвей возразил:

– Если не с фронта, то надобно спорить сызнова потому, что точное прицеливание во всех случаях выбирается во фронт.

Капитан выступил, как арбитр:

– Матвей прав по существу. Ведь птица часто не сразу летит, а бежит перед взлётом. Стрелок туда повернётся и условие «справа или слева» будет исполнено само собой.

Обилие условий запутало спорщиков. Максим настаивал:

– Неважно! Спорить можно лишь, когда нет условий.

Собеседники с трудом решали, какое пари стоит заключить в другой раз. Выбор был бесконечным, но оппонент легко находил, что пари недостаточно основательное.

Для примера разбирали разные истории. Не забыли знаменитое офицерское пари, в котором князь Гагарин на спор отнёс два фунта чая Наполеону в Кремль.

Князя схватили французы. Казалось, что пари проиграно, но тут на шум вышел император и сказал историческую фразу: «Таких людей не победить!» Князя отпустили.

Вспомнили также графа Воронцова, обмишурившегося с бриллиантами хитрого помещика на таможне. И, конечно, не забыли графа Орлова-Чесменского, устроившего впервые в России скачки с крупным zakładом.

Поручики увлеклись и чуть не поссорились. Но капитан снова оказался третьим не лишним. Помирил, и выбор пари отложили до другой день.

Капитан рассудил, что ежели голова свежая, то и утро вечера мудренее. Полусонные поручики согласились и разошлись перед рассветом. Слуги успели выспаться.

Купеческая поездка

В кисловодской ресторации Пётр Найтаки уединился с сыном Алексеем в служебной комнате. По договору аренды они занимали эту комнату, имевшую отдельный выход во двор.

Петр сказал:

– Сегодня Иван Григорьевич встретился мне во дворе и выспрашивал, едем ли мы в Москву за шинельным сукном. По его сведениям срочные обозы отправляются из Ставрополя через десять дней.

В Комиссариатской комиссии приняли поручительство твоего тестя и согласились взять в заклад дом в Таганроге. Тебе дают ссуду десять тысяч серебром и ставят условие купить партию оружия в Туле у знакомого нам обоим Алексея Пономарёва.

У него уже приготовлены ружья, пищали, пистолеты, шашки и кинжалы. И он поможет с возами. Ещё в Комиссии, наверное, попросят тебя забрать в Астрахани спирт.

– А это зачем? – удивился Алексей. – Обоз-то срочный! Разве винокурень не ближе? Вон в Таганроге у наших отличная винокурня.

– В Астрахани предложили скидки – сообщил Пётр.

– Превосходно! – согласился Алексей. – Коли так, соберём в Туле бочки, пока в Москве мерим сукно. На обратном пути прибавим возов. Дел то всего – можно, раз выгодно!

В Москве вместе с тканями накупим ниток да иглоков. Можем и гвоздей прихватить, если брат Егор пожелает. Для него мелкий товар самый прибыльный. На Кавказе продаст легко, здесь всего нехватает.

Если найдутся желающие, прибавим в Астрахани осетровой икры и визиги. Ещё лучше будет, коли покупатели заплатят вперед и доплатят за скорость. Сказано же, что обоз срочный! Без выгоды, сам понимаешь, всё равно, что небо коптить!

– Алёша, ты, как всегда, нисколько не теряешься и используешь всякую возможность без промашки.

Оба, довольные, засмеялись. Отец сказал:

– Пиши записку Егору. Из Пятигорска перешлю ему в

Ставрополь. Пусть разочтёт поскорее, сколько чего надобно, и готовит людей и лошадей.

Обозным пусть скажет, что с Комиссией договорились. Обозные – твои прежние знакомцы.

Вы с Егором учтите, что деньги дают не векселями, а наличными. Не транжирьте попусту!

Да не забудь купить в Москве проклятушую мясную мельницу, чтобы повариха Параша перестала меня донимать!

Когда вернусь из Пятигорска, отправляйся в Ставрополь, а оттуда с богом и в дорогу.

Алексей быстро сказал:

– Будьте уверены, папаша! Не волнуйтесь! Сделаем, как надо. Ваши университеты! Не впервой!

Касательно праздничного завтрашнего обеда не волнуйтесь, всё сделаем, как договорились, скромно и со вкусом.

Ваш кучер – человек надёжный и привезет, что надо, из Пятигорска без задержки.

Пётр гордился замечательным сыном. Хотелось обнять его перед дальней опасной дорогой и от всей души пожелать вернуться невредимым. Но отец лишь сказал:

– О Марусе не беспокойся! Досмотрю!

Пётр переоделся в комнате за ширмой в дорожное. Перед зеркалом расчесал баки.

В зеркале отражалась противоположная стена с прекрасным ковром, увешенным оружием, которое у него понемногу собралось.

Он взял ножницы и подравнял около рта. Жена тихо спросила:

– Для кого седину из бороды скубишь¹?

Он улыбнулся и шепнул ей на ухо:

– Седина – украшение бороды, а бес в ребро – сила храбреца. Придет время, они нас с тобой приведут к райскому блаженству!

Попрощался со снохой, сидевшей с «Памелой» у окна. Она читала книжку, взятую у Лизы Челаховой. Отец Лизы

¹ *драть, щипать волосы, перья*

пятигорский купец Никита Артемьевич Челахов за небольшую плату выдавал книги в лавке.

Приезжие читали в особой комнате, а местные, кто на доверии, бывало, и на дом получали.

Пётр мысленно развеселился:

– Наши девицы увлечены романами. Читают Ричардсона в очередь и слезами обливаются.

Завидуют английской, а ещё более французской моде, но, слава богу, отвергают заграничную распущенность нравов, наделавшую в Европе безбожных революций и едва не случившуюся у нас.

Что хорошего, когда бедный народ обуяла неудержимая зависть к богатым и знатным? Зависть – причина всех бед!

Слава богу, что у нас из зависти пока рожают, а не убивают. Благодарю тебя, Господи, что сноха Маруся забрюхатела!

Он перекрестил незаметно грудь

– Беспокойство о бесплодии невестки закончилось по господней милости.

В пятигорском госпитале хорошие врачи, но, определённо, помогли моления и подаяния. Повитуха при госпитале предсказала уверенно, что будет мальчик. Говорят, что она не ошибается. Я уже поставил свечку в церкви.

Когда женщины вернутся в Пятигорск, сотворим благодарственный молебен. Уже условился с отцом Павлом в Скорбященской церкви.

А вчера отстояли заутреню в новой слободской деревянной церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая, которую построила рядом с кисловодской крепостью госпожа Толмачёва на свои деньги два года назад.

С божьей помощью я оплатил утварь, а иконы перенесли из батальонной церкви.

Хорошо пели солдаты. Сыновья в Ставрополе перед поездкой помолятся, как обычно, на дорогу и на удачу.

Тогда же Алёша закажет молебен, чтобы жена разрешилась благополучно.

Удачно, надо признаться, мы женили его по сговору со сватами из Таганрога! Получилось, как рассчитывали! Он счастлив!

Через галерейку Пётр зашёл «облегчиться на дорожку». И вот он готов к поездке!

На нём привычный суконный чекмень. Вычурные архалуки он не уважал.

На ногах мягкие чувяки. Ступни отдохнут от туфель; весь день приходится в них топтаться.

На плечах новый башлык. На голове папаха из чёрной мерлушки с искрой.

Бакенбарды и усы воинственно топорщатся, поражая зрителей своей мощью.

Он подёргал верёвки, привычно проверяя, хорошо ли увязан груз в повозке. Посмотрел, взята ли сумка с едой и кувшин с водой.

Убедившись, что для поездки всё готово, пощупал рукой спрятанные, где обычно, заряженные пистолеты, чтобы при опасности отбиться от разбойников. Всё-таки едут они с малым конвоем, а не с солидной воинской охраной!

Жена вышла проводить. Сноха осталась в доме, доктор советовал ей больше отдыхать.

Рассчитывая вернуться скоро, он спросил сына, принёсшего письмо для брата Егора:

– Прислать тебе с Марусей или привезти что-нибудь из Пятигорска? Книжку или что по женской части?

Сын сказал:

– Спасибо, ничего! Не забудьте, папаша, про экстрапочту для Кислых вод. У Маруси личная просьба к Тохтару, если позволите!

И обратился к бородатому кучеру:

– *Тохтар, атам биягъынлай унутургъа боллукъду тау бал сатыб аллыргъа. Сиз муну эсге салыргъа. Болсун му?*¹

Кучер почти незаметно улыбнулся в бороду:

– *Хо, болсун айтырма*² – и добавил – *Сделаю, иншалла*³.

Пётр Афанасьевич отдал блокнот со списком заказов сыну

¹ *Тохтар, папа опять может забыть купить горный мед. Вы ему подскажите. Ладно? (карач.- балкар.)*

² *Хорошо, скажу! (карач.- балкар.)*

³ *Да будет на то воля Аллаха (араб.)*

и, хотя гордился его умениями, добавил распоряжения на словах.

Во-первых, он обязательно пришлёт из Пятигорска артиста и афишу, чтобы в другой раз на неделе устроить вечернее представление.

Во-вторых, Алексею надобно уделить особенное внимание княжеской чете Хасновых, прибывающей из Пятигорска. Когда Ребров освободит для них помещение, помочь переезду.

В-третьих, сообщить Реброву, что на другой день полковник из столицы Иван Петрович Бежитов придёт нанимать комнату. Вечером слуга полковника, француз, заберёт ужин на троих. Остальное смотри, сын, в блокноте. Как обычно.

Оставив распоряжения сыну, Пётр поспешил на кухню, где взял у поварахи Семёновны листок со списком покупок в Пятигорске.

На самом деле список не требовался, но Пётр хотел не пресекать, а поощрять старания поварахи.

Передал совет для её сватьи Лукерьи: коли пожелает наняться к полковнику стряпухой, пусть договорится с Жан-Пьером, слугой, он понимает русский. Мы пока принять не можем, но после посмотрим.

Поставил ногу на ступицу колеса. Подумал: «Всё ли я сделал?» Уселся рядом с кучером на облучок, покрытый бараньей шкурой, поманил приказчика и, наклонившись к нему, негромко напомнил:

– Илья Дмитрич, не забудь сказать, чтобы нониче засветло наносили воды из речки для уборки после бала. Свечи зря не жгите!

Остановил себя: «Прости, господи! Язык мой – враг мой! Митрич-то – человек обязательный и заботливый: уже успел привезти питьевую воду из слободского колодезя! А для кухни и остального есть родник в парке и речка в двух шагах».

Закончил громко:

– Хорошо, что воды для питья *теперь* достаточно!

Привычно попрощался:

– Счастливо оставаться! – перекрестился. – Господи, благослови!

Скомандовал:

– Трогай!

И повозка покатила со двора. Подбрасываемый неровностями дороги, Пётр размышлял, что всё сложилось как нельзя лучше, – Иван Григорьевич Ганиловский их поддержал.

Недаром он интересовался, где и как Пётр торговал скотом и зерном. Не удивительно, капитал они делали почти одинаково!

Кисловодск (по литографии А.А. Тона 1832-1838 г.г.)

Въездной мост виден у полосатой будки. На входе в парк – колодец и галереи, слева – ресторация, а наверху – крепость и за ней слобода. Дымят самовары у ваннных сараев.

Пётр Афанасьевич рад, что в Кисловодске жители стали его друзьями. И даже с благодарностью принимают его услуги. Сейчас, например, попросили передать целебные травы и корни в аптечный магазин.

И ещё доктор из крепости доверил отвезти пострадавшего рекрута Александра Симонова в пятигорский госпиталь.

Раненому устроили мягкое ложе в повозке.

Вчера рекрут некстати упал в яму с камнями на дне. Неловкий молодой остолопина! Господи помилуй, сколько забот всем наделал!

Но оказалось, что это происшествие было для Петра выгодно потому, что раненого сопровождали казаки.

Когда казаки будут возвращаться в Кисловодск, Пётр отправит под их конвоем вино, закупленное в Пятигорске. Также добавит провизию из немецкой колонии Каррас, какую ему приготовили.

А сам он останется в Пятигорске на весь день.

Через сотню сажений повозка достигла сторожевой будки на въезде. Их ждали казаки конвоя и тележка с раненым.

Казаки поздоровались, и с тележки на повозку осторожно пересадили раненого с повязкой на голове и с ногой в лубках.

Пётр Афанасьевич помог раненому устроиться удобнее. Сел на облучок и тронул Тохтара за плечо.

Кучер дернул поводья. Кони пошли. Казаки вскочили в сёдла и поехали, не отставая. Копыта и колёса простучали по мосту, и Кисловодск остался позади. В Пятигорске они будут поздним вечером.

Перевозками обыкновенно занимался приказчик. Теперь эту заботу Петр брал на себя редко. Ещё в прошлом году он понял, что пятигорскую ресторацию нельзя оставлять надолго без надзора. Слишком она большая! Он почувствовал, что главная забота заключалась в другом.

Гости всё помнят и возвращаются туда, где понравилось. Сказано, «не красна изба углами, а славна пирогами».

«Моей «избе», – думал Пётр, – важно иметь и то и другое. Реноме лучшего заведения на Водах надо поддерживать, не пропуская ни дня.»

Пётр Афанасьевич везёт плетёные корзины с тремя дюжинами живых куропаток, укрытый ящик со льдом и форелью, переложенной крапивой для сохранности, а также дичину.

Подумывает, не возить ли нарзан в Пятигорск, охочие попробовать найдутся! Но всё это глупые фантазии и давать хода им не следует! Вернётся он на пятый день и отпустит сына

Алексея.

Сын Егор только что прислал записку из Ставрополя. Сообщает, чтобы ждали следующего важного гостя и подготовили приём. Обратную записку Егору от Алёши отправлю с извозчиком, который завтра повезёт в Ставрополь постояльца.

Припишу, чтобы ждал брата через пять дней, и спрошу, всё ли ладно у него, особенно в гостинице, только помягче, чтобы не обидеть, а то он очень самолюбив.

Ревнует в душе к брату-близнецу – родился первым и старше Алёши на сколько там минут. Поэтому считает, что я должен его любить и уважать больше. Спорят, как в детстве. Странно, они взрослые, а временами я вижу в них детей.

Ребровское вино закупать пока не буду. Мы запасли достаточно. Где это видано, платить полтора целковых за бутылку, когда тифлисское вино в два раза дешевле! Ребров поднял цену, как стал императорским поставщиком.

Ассигнации не берёт, а требует серебро и золото, будто горский князь! Как откажешь предводителю ставропольского дворянства? При обмене ассигнаций на золото приходится проценты терять. Предостерегу сына.

Опытные люди капитал пускают в немедленный оборот, а не запирают в бутылках. Деньги выпускают в дело, будто стаю голубей гоняют. Денежки за денежками летают. И, будто голубочки, слетаются вместе.

Во второй год аренды в Кисловодске он убедился, что Алексей ведёт дела уверенно. Согласился с сыном, что после Петра и Павла до Успения следует нанять вторую помощницу на кухню. Осенью она пригодится на заготовках.

Повариха Параня добилась своего. Характер такой, решительный!

Но если она продолжит смотреть в рюмку и перечить по поводу блюд, надо будет заменить её. Нехорошо, что пришлось заставлять готовить фрикадели.

Так не должно быть! В другой раз может и отказаться. Не хотелось бы переводить сюда одного из пятигорских поваров – дорого обойдётся обустройство с семьёй на новом месте. Ничего, разберусь без спешки!

А на мельницу придётся потратиться. Фарш нужен для

всяких котлет, начинок и колбас. Когда много требуется, везём из Пятигорска! Нехорошо! Льда не напасёшься!

Сын посчитал, что выгоднее самим делать соленья-варенья, колбасы и всякие деликатесы. Фрукты можно сушить для компота или, как говорят местные, для взвара. И правильно!

Как блюда отпускаем на вынос, так заготовки будем продавать на сторону, в армию или в госпитали. Со временем заводик сделаем.

Алёша обращает недостаточное внимание на выбор вин. Напомню ему, что от вина доход наибольший! Лучший доход от тифлисского. Хорошее и недорогое, особенно привлекательное для курсовой молодёжи.

Обер-офицеры тоже пьют с удовольствием после надоевшего армейского чихиря. Без сомнения, подчинённые обходились у них одной бузой?

Дорожные размышления

По купеческой привычке Пётр рассчитывает дела наперед. Он помнит весь курсовой календарь: и праздники, и постные, и скромные дни. И, как член приходского совета, может сообщить о службах не хуже батюшки.

Пётр испытал внутреннее удовлетворение и подумал: «У него государственные праздники в календаре подчеркнуты, а у меня отмечены в памяти. Не хвастаясь, могу назвать день любого – хоть светского, хоть церковного праздника.

Потом улыбнулся и признал, что у Алёши память лучше!»

25 июня день рождения государя мы отпраздновали хорошо. Как никак, а ему сорок исполнилось! Завтра 1 июля день рождения государыни. Состоится литургия во здравие и все будут молиться в церквах.

В Кисловодске праздновать будем скромно только особым обедом в ресторации и салютом в крепости. В Пятигорске будет торжественный обед по подписке, а вечером бал с иллюминацией и фейерверком.

В Пятигорске находятся начальники, и потому Петру надо быть там обязательно. По желанию предводителя дворянства и своего арендодателя Пётр приучает публику к общим

застольям.

Петру помнится, как в последний день мясоедения перед Петровым постом в кисловодскую ресторацию пригласили прийти достойных людей. На обеде в складчину подавали особые блюда. Вина были лучшие.

Вечером зажгли иллюминацию и устроили танцы. Играл оркестр из крепости.

Для кисловодских жителей и местных горцев в парке стояли столы. Там продавали закуски, десерты, горячие чай-кофе и холодные морсы.

Сейчас на водах все готовятся к приезду императора, но Петра берут сомнения.

Император строит чугунку в Царское село. Велел австрийскому инженеру фон Герстнеру увеличить колею до шести футов, чтобы по чугунке из заграницы в Россию не ездили без спроса.

Но народ болтает, что из-за шума и пара перестанут нестись куры и передохнет скот, а пассажиры заболеют вследствие быстрого бега паровика. Хлопот государю прибавится, и судя по всему на Кавказ он не приедет.

10 августа в день святого Лаврентия покровителя ресторации намечается разметка бульвара под участки для состоятельных и благонадёжных жителей.

Приедет Строительная комиссия и её новый директор на Кавказских водах Пётр Петрович Чайковский¹. Именно у него Пётр Афанасьевич арендует казённые гостиницы. Будет архитектор Иоганн Карлович Бернардацци, составивший план бульвара с липами и тополями через один на 200 сажений. Возможно, будет также болезный его брат Иосиф.

Под руководством главного садовника англичанина Людвиг Джерсея будут размечать и сажать бульвар солдаты третьего Кавказского линейного батальона, усиленная рота и штаб которого стоят в Кисловодске.

Участки продают приглашённым лицам по 10 копеек за квадратную сажень и предлагают строить дома по правилам

¹ *георгиевский кавалер дядя композитора П.И. Чайковского назначен с 16 июля 1836 года; дослужился до генерал-майора*

архитектуры. Если покупатель не застроится за три года, то участок отберут в казну без возврата денег.

Из тринадцати приглашённых уже оплатили хорунжая Обухова, священник Смыслов и генеральша Мерлини. Генеральша Екатерина Ивановна, как всегда, скачет впереди всех, будто конь лихой!

Петра не пригласили и ему досадно. Разве, арендовав гостиницы и рестораны, он не обучил слуг и не устроил столичные порядки, какие наблюдал, когда ездил за товаром в Москву и Петербург?

Разве в ресторациях он не берет заказы, не отпускает еду на дом и не кормит в долг? Пусть посетители приходят почаще и кушают побольше! С оплатой он подождёт!

Перемены, которые он сделал, отметили все. Разве он не помогает в подготовке к визиту императора? Как только узнал о возможном визите, подарил Пятигорску 3200 рублей на строительство острога, столько сколько выделила губерния.

Люди болтают, что он сделал это, чтобы сажать своих многочисленных неплательщиков в долговую яму. На чужой роток не накинешь платок! Но батюшка Павел пожертвование одобрил. Пётр делает всё, что он советует. Теперь арестанты не сидят в сыром тёмном подвале городского училища, а имеют законные камеры.

Петр знал, что его мысленные сожаления не могут иметь никакого значения при раздаче участков. Он понимал свое истинное положение в обществе. Он был всего лишь купец третьей, самой низшей, гильдии, и никаким боком не входил в общественный круг людей, которым дозволялось жить на главной улице Кисловодска.

Отложив эти сомнения, он все равно решил обратиться к Строительной комиссии по поводу улучшения кисловодской ресторации.

Петр собирался сделать это во время обеда. Покровитель ресторации Святой Лаврентий поможет! За прошлый сезон выяснилось, что нужен жилой флигель и, больше того, нужна новая кухня, —ведь в прежнюю кухню вторую печь не поставить.

Флигель для курсовых даст доход. Курсовых-то приезжает

всё больше, им некуда поместиться. К примеру, флигели у Реброва переполнены и дают прибыль больше нашей, хотя суточная плата у него меньше. И от нас постояльцы съезжают к нему из-за дороговизны жилья.

Хорошо, что при разметке бульвара будут присутствовать братья-архитекторы! Как обсуждать без них? Наш-то царский дом, в котором сейчас ресторация, – это первый дом, построенный Бернардацци на Водах!

Курс в Кисловодске закончится до Покрова. Тогда отпразднуем и сделаем расчёт за сезон. Работники с семьями после молебна станут угощаться в ресторации, танцевать и петь. Сын споёт под гитару свой любимый шансон «Прощай вино в начале мая, а в октябре прощай любовь». В голове Петра прозвучала знакомая мелодия. Алёша называет эти шуточные куплеты гимном курсовому сезону!

Ресторацию закроем с октября до мая. На это время заменю Егора в ставропольской гостинице. Он сможет пойти с зимними обозами за товаром. Алёша и Маруся перезимуют с новорожденным в достроенном доме в Пятигорске.

Таковы были расчеты Петра. Но мы полагаем, а господь располагает! Бульвар заложили 12 августа, почти как намечали. С комиссией Пётр говорил, но без успеха.

Ему сказали, что не могут дать деньги в этом году. А что случится на другой год, не знают. Может быть, намекали, чтобы постройку оплатил сам?

Он понял, что разговоры про кисловодский флигель придётся пока отложить.

Хорошо, что обещали на другой год дать денег на новое постельное бельё. Прежнее выкуплю дешево, подарю бедным, да и внуку придутся впору мягкие пелёнки.

В Кисловодске стоит чудесное лето. «На удивление часто бывает *вёдро*, когда в Пятигорске льёт дождь», – так в разговоре с Петром странно выразился господин полковник, сравнивая здешнее поселение со своей деревней.

На последней неделе, впрямь, наступило *вёдро*, – ни капли с неба. Поэтому в речке Подкумок воды немного. Бывает, что вслед за ливнем, упавшим в горах, переправа внезапно становится опасной. И тогда непременно приходится ждать,

пока спадёт вода.

Путники переправились через Подкумок без затруднений. Началась дорога.

Это отнюдь не шутка трястись на повозке по взгорьям сорок вёрст по грунтовой дороге, даже если дорога главная. В последней поездке случилось повреждение. Само собой разумеется, всё изнашивается!

Бывало, что переворачивались. Но в овраги не падали, не разбивали экипаж и не рвали упряжь, как недавно курьер, торопившийся из Пятигорска. Гнал невообразимо!

Наш экипаж починен, дорога накатана и Тохтар Заурович – надёжный кучер. Он взглянул на соседа.

Они кунаки и давно дружат домами. Пожилой Тохтар – карачаевец, человек смелый, себе на уме и, пожалуй, лучше всех в горах знает коней. Они понимают его без слов. Кони ладные, настоящие карачаи, и горы их родина.

Поездки стали короче, чем в Москву или в сам Петербург. Пока сыны росли, где только они с другом не побывали! Пуд соли вместе съели! С горцами, чей скот покупали и кого солью снабжали, давно покумались.

Он трогает кучера за плечо и говорит:

– Тенгим¹, что там Маруся хотела?

Тохтар помнил доверительную просьбу Алексея и придумал заранее, как отвечать:

– Она спрашивала про маткино пчелиное молоко.

– Отлично! – обрадовался Пётр. – Будем покупать горный мед, возьмём и с молочком. Немного, чтобы не испортился. Молочко улучшает сон сильнее обычного мёда, сноха будет отдыхать, как надо. Ещё бабки утверждают, что молочко спасает от выкидышей. Великолепно! Обязательно возьмём!

Говоря это, Пётр видел хитрость друга. Но она не тревожила Петра. Беспокоило другое – он чувствовал, что в последнее время тот находится в напряжении.

Не в таком сильном, когда красные глаза и порывистые движения, как в бешеном танце или в бою. Он помнил его

¹ Друг мой (карач.-балкар.)

страшный вид в стычках с грабителями!

Сейчас друга гложет что-то иное. Неужели вернулось состояние, которое было у него после убийства отца? Прошло достаточно времени, и, казалось, пора успокоиться. Послежу за ним и выясню, что происходит теперь.

Позади осталась пойма Подкумка, заросшая кустарником, камышом и разрозненными деревьями. Путники выехали на пригорок.

Главные и побочные грунтовые дороги района
Кавказских минеральных вод (1840 г.)

По дороге, проложенной выше бурлящей реки, проехали через сужение гор на холмистый простор степи, по которому тёплый ветер гнал к горизонту седые волны волнующегося ковыля.

Вдали поднимался огромный лакколит¹ Бештау, окружённый меньшими горами. Машук покоился рядом с

¹ купол вязкой вулканической магмы, не прорвавшей слою земли

Бештау, и в удалении – Болван¹, Джуцкая, Шелудивая² и другие.

Перед суровым молчанием могучих гор ничтожными казались дорожные звуки: звяканье сбруи, фыркание коней, мерные удары подков, поскрипывание повозки, слабое постукивание колёс и шуршание гравия. Жужжали надоедливые мухи. Стрекотали кузнечики. Напуганные, взлетали, ударяли в людей, в повозку, в коней и падали на дорогу.

Поблизости бил перепел. Пронзительно резко крикнула пустельга. Трепеща крыльями, повисла над жертвой. Слепой крот не заметил, как покинул чернозем, набросанный на кротовину, и чёрная шкурка стала видна на примятой придорожной траве. Жить ему осталось недолго!

Пётр оглядел молчаливых спутников и, желая отвлечь их мысли от прежних забот, громко сказал сидящему рядом:

– Слушай, Заурыч! Какую чудную песню мы пели в прошлый раз, «Чёрный ворон, что ты вьёшься надо мной?»! У тебя отличный голос! Запевай, дорогой, а я и братцы казаки тебе подпоём.

И обратился к старшему:

– Помнишь, Григорий Михалыч, давеча мы хорошо пели?

Казак ответил:

– Да, песня хорошая, но, токмо что отъехав, давай не будем играть про смерть; лучше начнём с грустной песни «Вот на пути село большое...». Истинно, эта песня всем по душе.

Пётр доволен. Он уверился ещё в прошлом году, что станичные уважают его любовь к пению.

Запели жалостливо. Чувствуется, что компания спелась. Пение продолжалось долго. Но дорога длиннее, да и летний день не короток.

Дорога пересекла ручьи, впадающие слева в Подкумок. Половина пути осталась позади. У ручья Бугунта путники проехали станицу Ессентукскую, основанную казаками, переведёнными генералом Ермоловым из станицы Александров-

¹ сейчас называют Юца и Джуца вместо прежних Болван и Джуцкая

² гора, скрытая полностью шахтёрами, поселенными в начале ядерной эпохи в новый город Лермонтов под Пятигорском.

ская в Волгский полк, чтобы укрепить линию.

Ессентукская станица богатая, с двумя деревянными церквями, православной Никольской и старообрядческой Покровской. Никольскую, говорят, построил тот же архитектор Бернардацци, что и царский дом в Кисловодске, а Покровскую казаки привезли разобранную с собой.

Поговаривают, что государь сердит на старообрядцев и Покровскую церковь скоро закроют. Тогда упорные казаки будут молиться дома.

Несмотря на эти разговоры, новая станица продолжала развитие. На окраине спешно строили двадцать две хаты казаки, недавно переведённые из Малороссии с семьями.

Вскоре путники остановились у берега Подкумка на знакомой зелёной лужайке. Лошадей распрягли. С молитвой выпили по стопке водки и поужинали «чем бог послал». Запили колодезной водой, согревшейся в кувшине.

Дали отдохнуть лошадям и поехали дальше, распевая время от времени про атаманов, царевен и про всякую всячину.

Раненый, ободрившись, затянул дрожащим голосом: «Гляжу как безумный на чёрную шаль,/ и хладную душу терзает печаль./ И хладную душу терзает печаль./ Когда легковерен и молод я был,/ младую гречанку я страстно любил./ Младую гречанку я страстно любил». Он запомнил песню, услышанную во время концерта в ресторации.

Все оживились, а Пётр поспешил заметить: «Про коварную гречанку мы тоже поём!» И квинтет, спевшийся в прежних поездках, дружно продолжил: «Прелестная дева ласкала меня; но скоро я дожил до черного дня...». Они пели любимые песни, и дорога привычно убегала назад.

Наконец, ветер принес запах серы. Петь перестали, и кони пошли резвее. Почуяли знакомый дух уездного городка Пятигорска, что пристроился у Горячей горы, отрога Машука.

За многие тысячелетия отрог спрессовался из отложений горячей целебной воды. Потоки воды попрежнему струились по белым и розовым натёкам, и уплотнялись по мере наслоения в пористый камень травертин¹.

¹ известковый туф

Из травертина, легкого для обработки, был построен Пятигорск. Городок был переполнен больными и ранеными. Одни пили и купались в воде, другие, числом более, лечились в госпитале или по домам. Здесь находилась тыловая медицинская база Кавказского корпуса.

День заканчивался, когда путники въехали в центр регулярного городка. Пётр отпустил казаков. Они отправились в станицу. Пётр и Тохтар въехали через растворённые ворота на мощёный двор гостиницы, окружённый сараями, флигелями и конюшней. Встречавшие люди разгрузили повозку.

Центр Пятигорска и ресторация
(Дж. Бернардацци, 1834 г.)

Однако это было не всё. Надобно было отвезти раненного Александра Симонова в солдатский госпиталь, устроенный в бывшей Оборонной казарме.

В госпитале дежурил штаб-лекарь Иван Ефремович Дроздов, помощник главного врача. Он и Пётр Найтаки были добрыми соседями на Бульваре. Когда Пётр брал участок под

строительство дома, супруга доктора Мария Николаевна обживала на другой стороне улицы дом, купленный год назад у архитектора Мясникова.

Соседи поздоровались по-свойски и поделились последними новостями. Иван Ефремович прочитал записку кисловодского врача. Осмотрел раненого и, успокоив, устроил на ночлег.

Спросил, есть ли у Петра войлок для защиты ноги солдата? Объяснил, сколько требуется. Петр сказал, что утром купит и пришлет без задержки.

Доктор проводил Петра, сажившегося на повозку, и передал записку в кисловодскую крепость. Сказал на словах, что рекрут побудет у них на лечении не меньше месяца.

Пётр и Тохтар возвращались в гостиницу в сумерках. Пешеходов на улицах уже не было. Припозднившиеся экипажи и всадники спешили по домам.

На сумеречном небе ещё был виден трёхцветный флаг, развивающийся на флагштоке на крыше. Во дворе гостиницы путников встретил слуга. Встречавший убрал упряжь и помог откатить повозку. Тохтар занялся лошадьми, а Пётр прошел в дом, расспрашивая слугу о делах.

Часы на колокольне Скорбященской церкви пробили десять, когда приехавшие вышли из гостиницы.

Стояла ночная тишина. Светили масляные фонари на столбах. В их тусклом свете Пётр и кунак направились к отдалённому жилью Найтаки.

Посередине Бульвара между рядами молодых липок шла ровная пешеходная дорожка, посыпанная хрящом. Ночью он особенно громко хрустел под ногами.

Пётр остановился перед церковью иконы Божьей матери всех скорбящих радость, в просторечии именуемой Скорбященской. Повернувшись лицом к храму, перекрестился и поклонился.

Тохтар давно привык к набожности Петра и уважал его за это, как и Пётр уважал Тохтара, мусульманина, за преданность своей вере.

Наконец, кунаки добрались до последнего жилого дома. Следующим на одной линии строился дом Петра. Временным

жильём служил сарайчик.

За дворовым участком угадывался темный склон горы Машук. На другой стороне улицы виднелись купальня у Сабанеевского источника и жилые дома. За ними поднимался отрог Горячей горы.

В сарайчике Тохтар зажёл свечу, а Пётр выставил на стол принесённый ужин. Пока ужинали, Пётр размышлял о дальнейшей постройке дома:

Вид Пятигорска с Горячей горы (А.А.Тон, 1832 г.)

Слева — ванный домик, вдали — длинная казарма госпиталя, внизу справа — дома у склона Машука.

– До рождения внука осталось сделать много: дом надобно накрыть крышей, настелить пол, утеплить двери и остеклить окна. Строительный материал и даже листы железа привезли из Георгиевска, когда завозили материал для острога.

– Не зря я пожертвовал на острог так много денег! –

подумал Пётр. – Нам в благодарность предложили земельный участок для дома. Я и сыновья мечтали строить дом в Пятигорске. Они высказали три разумных соображения.

Во-первых, благородное пожертвование на острог улучшит наше реноме в Пятигорске и покажет всем, что мы не чужаки, а заботимся о городе.

Во-вторых, необходимо иметь своё жильё для семьи и не тратиться на съём чужого.

В третьих, ежели нам откажут когда-либо в аренде казенных гостиниц, придется уезжать из Пятигорска. Построенный дом можно будет продать с выгодой.

Когда мы выразили желание строить дом, Строительная комиссия пригласила меня взять на краю бульвара участок под строительство за обычную плату. А как могло быть иначе, ведь сам Пётр Петрович старший член комиссии представлял нас. Так в Пятигорске мне удалось исправить ошибку, допущенную в Кисловодске при раздаче участков.

Дальнейшее сложилось не менее замечательно. В июне утвердили план города. Слава богу, государь не повелел переменить разметку, сделанную под жилую застройку, а Государственный Совет не отменил льготы по казённым и подушным податям для жителей. Может быть, льготы продлят для Пятигорска лет на десять, как предлагает генерал-лейтенант Вельяминов?

Эти воспоминания радовали сердце и согревали душу Петра. Тут он вспомнил о скромности и одернул себя. Повторил на память слова Евангелия *«Кто возвышает себя, тот унижен будет»*¹, прошептал покаянную молитву Богородице, перекрестился и стал думать о текущих делах:

– Закончу строить новое жильё к рождению внука. Тем временем беременная Маруся и моя супруга пусть поживут в Кисловодске вместе с Алексеем.

На зиму дрова закуплены, напилены, наколоты и сложены под навес. Печник кладёт печи. Следующей весной оштукатурю стены и поклею шпалеры. Со строителями уже договорился. Разобью огород и поставлю плетень для защиты от скотины,

¹ *Евангелия от Матфея, глава 23, стих 12*

что пасётся на городской окраине позади нашего участка.

Хорошо, что при ресторации есть конюшня и каретный сарай. Возле дома их можно пока не строить.

Особой заботой для Петра стала мебель. Не хотелось везти её издалека. Удобнее было бы купить на Успенской ярмарке, которая второй год открывалась в городе за неделю до Успения.

– Если найду, поторгуюсь! – подумал Петр. – А не куплю, закажу немцам в Шотландке, как доктор Дроздов.

С немцами сговориться непросто, с ними не поторгуешься как на базаре. Зато они мастера и столярничают не хуже столичных! Отличную мебель поставили для рестораций. Но, если судить строго, ей далеко до французской.

В сарайчике друзья помолились, кланяясь в пол. Один по-христиански, стоя на коленях на полу перед иконой. Другой по-магометански, сидя на коленях на козьей шкуре. Совершив по несколько поклонов, оба устроились на лежаках спать.

Завтра обоим вставать до открытия ресторации, Петру посылать записку Егору в Ставрополь и идти в ресторацию. Тохтару отправляться в Кисловодск с нагруженной повозкой.

Праздники – самые трудные дни для работников ресторации и для Петра. Обильная готовка для торжественных обедов и ужинов, как и балы, сбивали налаженный ежедневный распорядок работы ресторации.

Пятигорский госпиталь

Было бы здоровье –
остальное приложится.

Поговорка

В пятигорском госпитале шла налаженная жизнь. Излечение было её целью. И никто не замечал, что праздничные дни не отличались от будних. Начинались и заканчивались дни в установленном госпитальном порядке.

Чуть свет в дежурку пришли за дежурным фельдшером. Фельдшер сказал: «Жди приема!» И ушёл. Александр остался один. Он выспался. Больная нога беспокоила, но не сильно.

Александр, не мешкая, намотал подсохшую портянку на

здоровую ногу и натянул сапог. Потом старательно сложил солдатское одеяло и положил под подушку в изголовье кушетки. Портянку, что подстилал под поршень¹, убрал в мешок.

Взял костыли и выбрался на двор. Сел на лавочку у двери, осторожно вытянул большую ногу и стал ждать.

Госпитальное отделение для нижних чинов располагалось в бывшей Оборонной казарме на Горячей горе. Длинное одноэтажное здание с небольшими окнами было разделено на помещения для нужд госпиталя.

С горы было отлично видно, как внизу по регулярному городку Пятигорску ходили люди, вились столбики дыма над домами, ездили экипажи и всадники.

Слышался бой городских часов. Под лучами солнца сверкали извивы речки Подкумок. У речки раскинулась станция. Там тоже виднелись люди, экипажи и всадники.

От станции пологими ступенями поднимались вдаль горные увалы, покрытые побуревшей травой. На них одиноко возвышалось несколько конических гор. Чем дальше, тем сильнее увалы насыщались цветом синего неба. На горизонте из посиневшего подножия вырастал гребень белоснежных гор, украшенный на дальнем краю двуглавым Эльбрусом.

Солнце приятно согревало солдата. Вернувшийся фельдшер строго спросил:

– Что ты тут делаешь? Тебе нельзя двигаться, пока не разрешит доктор! Вон там отхожее место и умывальня – показал рукой, – но тебе самому идти туда нельзя. Я пришлю кого-нибудь помочь. С кухни принесут поесть, не то останешься голодным до обеда. Жди, не отлучаясь!

Александр продолжал ждать. Через некоторое время пришёл пожилой санитар с едой. Александр ходил с ним в отхожее место. Умылся. Ели вместе, курили и смотрели, как подъехала пролётка с доктором. Санитар сказал то же, что и фельдшер: «Жди!». И ушёл. Александр снова стал ждать.

Пятигорский госпиталь был местом бойким. Появлялись и уходили посетители, Иногда въезжали и выезжали экипажи.

¹ кусок толстой кожи, стянутый ремешком вокруг стопы

Сновал персонал, исключительно мужской.

Было близко к обеду, когда другой санитар, молодой и по виду жидок, повёл Александра «на диагноз» к главному доктору Якову Фёдоровичу Реброву.

– Это что родной брат кисловодского Реброва? – спросил Александр.

– Точно! – ответил санитар. – Но ты не обращай внимание на его суровость, он доктор добрый.

У Якова Фёдоровича Реброва Александр увидел доктора Дроздова Ивана Ефремовича и фельдшера Михайла Назарыча, знакомых с вечера. Фельдшер разбинтовал голову Александра. Суровый Яков Фёдорович прочитал кисловодскую записку и похмыкал, глядя на Александра. Записку передал Ивану Ефремовичу. Медики осмотрели рану. Заметно было, что оба остались довольны.

– Чистая! – сказал Иван Ефремович.

– Отличная! – прибавил суровый Яков Фёдорович.

Он долго разглядывал через ручное зеркальце глаза Александра и заключил:

– Нормально! Без патологии.

Потом велел показать язык, закрыть глаза и вытянуть руки. Затем растопырить пальцы, сжать в кулаки и пальцем указать нос. Александр указал на собственный нос потому, что язык-то он высовывал свой.

Яков Фёдорович спросил:

– Тошнило после падения?

– Нет, – сказал Александр.

– Когда последний раз болела голова?

Александр ответил, что не помнит. Тогда спросил Иван Ефремович:

– А вчера болела?

Александр ответил честно, что не болела и не могла болеть, так как на привале он пил мало вина. Доктора дружно рассмеялись.

Приказано было снять лонгет. Санитар, жидок на вид, размотал повязку и снял лубки.

Яков Фёдорович и Иван Ефремович по очереди осматривали опухшую ногу, гладили и слегка надавливали с

разных сторон, чуть двигали стопу и суставы, нажимали легонько на пятку, каждый раз спрашивая, не больно ли где. Александр решил, что они искали, где больше всего болит, но помочь им не мог, о чём и сказал. Иван Ефремович ответил:

– Не волнуйся, всё хорошо!

Затем доктора поговорили на медицинской тарабарщине про каких-то Фибулу, Фибию и ихнюю Физию. Оба довольные, решили, что это вред ли.

После пришли к согласию, что в Кисловодске и здесь у них в Пятигорске мнения одинаковые – фрактура неполная. Можно ставить абазинскую повязку с пропиткой клейстером, а ревизию делать через неделю. Фельдшер всё записал.

Главный доктор Яков Фёдорович обратился к своему помощнику Ивану Ефремовичу:

– Возвратимся к нашей дискуссии. Конечно, свежая баранья шкура, высохнув, создаст необходимую жесткость. Липовые лубки ставятся сразу, но они непрочные и неудобные. Ты прав, абазинский бандаж – наиболее щадящий. Итак, ставим? А войлок есть?

Иван Ефремович ответил:

– Я вчера говорил с Петром Найтаки. Он, на ночь глядя, привёз этого раненого. Я объяснил ему, что нам требуется, и утром он прислал человека с войлоком. Палочки, о которых мы говорили, уже давно готовы. Я послал за ними.

Главный доктор улыбнулся, и сказал фельдшеру:

– Отлично! Запиши: провести курс Александровских ванн по результату – и, улыбнувшись снова, пояснил, – естественно, добавь, что после снятия повязки.

Сделавшись серьёзным, сказал Александру, что, если он не хочет ужасным образом потерять ногу, то неделю должен оставаться в палате, никуда не ходить и ногу беречь. Ни в коем случае не нагружать, не ударять и не мочить!

В это время фельдшер и санитар осторожно мыли и вытирали ногу, а потом резали и сшивали на ноге войлок. Пропитали его жидким составом и объяснили: «Не бойся, это клейстер!». Потом приложили палочки и стали бинтовать.

Александр решил спросить:

– Скоро я вылечусь?

– Ишь, какой прыткий! – удивился врач. – Наверное, зазноба ждёт?

Александр покраснел, а врач сделал вид, что не заметил, и продолжил:

– Если поведёшь себя осмотрительно, тогда месяца через два разрешим бегать, а станешь баловаться, то через все четыре! Лечиться по приказу – дело серьёзнейшее!

А сейчас, батенька, будь любезен, сиди спокойно и не двигай ногой!

Заглянув в записку ещё раз, главный спросил:

– Тут приписано, что ты, дружок, грамотный. Так ли?

Александр сказал, что арифметике тоже умеет.

– О! – удивился врач. – Откуда?

Александр ответил коротко: «Был мальчишкой при барчуке». Но свою историю рассказывать не стал.

Врач не спрашивал – он знал о мальчишках для битья – открыл обложку и подвинул книгу к Александру:

– Читай!

Александр стал складывать в уме слоги и читать название книги, невольно делая паузу перед каждым трудным словом:

– Сокращенная анатомия или руководство к познанию строения человеческого тела для обучающихся врачебной науке....

– Достаточно! Молодец! Умеешь читать. И писать тоже умеешь?

– Умею. В Кисловодске я писал солдатам письма.

– Хорошо! Будешь писать в больнице тоже. Нам поможешь, и мы тебя вылечим скорее.

– Но мне нечем писать. Ни пера, ни чернил и неоткуда взять бумагу!

– Вот тебе ручка с металлическим пером. Наверное, таким пером ты ещё не писал? Сильно не нажимай! Ничего, будешь писать – научишься.

И главный доктор обратился к фельдшеру:

– Назарыч, нальёшь ему склянку чернил! Бумагу и конверты выдавай, когда спросит. Плату за них записывай в книгу, как обычно.

Назарыч, бинтуя ногу, пошутил:

– Саша, теперь смотри, чтобы мыши не съели клейстер вместе с ногой, – и добавил строго, – перо береги, вещь дорогая!

Иван Ефремович спросил Якова Фёдоровича:

– Определяем во вторую палату?

– Точно!

Посмотрел список, лежащий на столе, поставил в нем пометку и пояснил:

– Есть место! Иван Ефремович сделай милость проследи, чтобы выполнили всё, как надо, и, когда подсушат, отправь во вторую палату. Да, ты знаешь! Назарыч, голубчик, не забудь забинтовать голову!

И не задерживайтесь оба, пожалуйста! Надо подготовиться к новой партии раненых. Скоро привезут. Опять ночь не спать! И ещё ждет нас чудесный вечер с пьяными, пострадавшими на празднике.

День заканчивался, и после высушивания повязки знакомый санитар привёл Александра в назначенную палату.

Там, видно, уже знали всё.

Один солдатик с прибинтованной рукой, приплясывая, выступил вперёд и сказал:

– Смотрите, какой храбрый воин по имени Саша прибыл к нам! Он раньше не бывал в госпиталях. Приветствуем его с почином. Споем для него наше дружеское приветствие.

Продолжая плясать, вдруг пропел пронзительным дискантом.

Братцы, бабы будут наши,

Увидав штаны на Саше.

И завершил куплетец знакомым припевом:

Люли, люли стояло!

Люли, люли стояло!

Жги! Жги! – закричал в восторге другой раненый. И вся компания, сидящая на постелях, стала дружно подпевать, притопивать и прихлопывать, будто собирались пуститься в пляс за своим солистом:

Рады будут милочки

Войлочной подстилочке.

Припев

Придут серенькие мышки
Прогрызут ему штанишки.

Припев

Скажут: «Миленький дружок,
Видим сладенький сучок!»

Припев

«Ой-ей-ей, – захнычет Саша. –
Что за жизнь такая наша?»

Припев

Не хочу никак я, братцы,
Со зверюшками сражаться!»

В конце солдатик как бы нечаянно пропел неприличное слово. Слушатели захохотали, забыли петь припев, и повалились в койки, в восторге дрыгая, кто ногами, а кто руками, у кого что уцелело.

Пожилой санитар, принёсший тюфяк с подушкой, одеяло и постельное, возмутился всердцах:

– Оборзели, пропердоли убогие? Жеребцы непутевые! Не можете без сальностей? У вас что, мозги воспалились? На человека кидаетесь!

Донельзя возмущённый, санитар произнес длинную воспитательную тираду и заключил:

– Что вы запоёте, коли он письма для вас писать не станет?

Александр поспешил заверить, что он со всем своим удовольствием напишет письма, чем ещё больше развеселил страдальцев.

– Он ещё и писатель! – проговорил кто-то и все рассмеялись.

Пока раненые смеялись, санитар велел:

– Свой мешок сдашь мне. Оставь только то, что тебе потребуется в палате. Что не потребуется – одежду, сапог и прочее – сложи в мешок, чтобы сдать на сохранение.

Покажи, написана ли фамилия, – взглянул и одобрил. – Я снесу каптёрщику. Получишь назад, когда выпишут.

Новичку кровать определили у двери. Санитар помог постелить. После забрал вещмешок.

Александр узнал, что в госпитале спать – милое дело: забот нет нисколючки, только врач каждый день в одно время

обходит и строго проверяет, все ли на месте и живы ли ещё.

Другой важный обычай – не забывать спрашивать «судно, утку и попить» при крайней нужде, когда встать сам не можешь.

«За лечением пожать – никогда не забывать!» складно прибавил кто-то, а Александр подумал: «После узнаю, что такое «судно и утка». Это точно что-то особенное. Спрошу сейчас – станут смеяться!»

Принесли ужин. Артельщиком был Степан, солдат постарше. Он проговорил молитву и перекрестил горшок с едой. Все сказали: «Аминь!» и вслед за артельщиком стали черпать по очереди гречневую кашу, приправленную постным маслом.

У Саши имелась деревянная ложка и медная кружка. Выпили по кружке чая с сухарём. Сказав благодарственную, вышли на двор покурить.

Старший позвал: «Черке-е-с! Черке-е-сик!» Из-под крыльца вылез крупный щенок, завилял хвостом и попытался лизнуть руку дающему. Для щенка в одну миску положили остаток каши. В другую налили воды.

Посидели на лавочках, покурили, повозились со щенком. Сходили в отхожее место. Помыли руки и горшок из-под каши в умывальне.

Двигать ногой с толстенным лонгетом было очень неудобно. Справиться с костылями помог Игнат, солдатик певец и плясун. Он сказал:

– Саша, готовься! На обед тебе дадут хаш. Ужас, какой противный! Но от него кости хорошо срастаются. Ты пробовал?

Саша был на него обижен и сказал только:

– Да. Это горячий холодец.

Приставучий Игнат всё-таки спросил, откуда Саша в армию попал. Оказалось, что Саша заволгский, а Игнатий черниговский.

Вернулись в палату и, помолившись, легли спать. В углу перед иконой горела лампада. Артельщик проворчал: «Не напасёшься!» - и задул свечу.

Так Александр Симонов впервые оказался в госпитале для нижних чинов. Впереди был долгий месяц лечения. В

госпитале ему нравилось. Было покойно: ни тебе караулов, ни стрельб, ни учений и никакой работы. Особенно нравилось, что не унижали и не наказывали.

Он скучал по своей милой и доброй Аннушке. Посылал письма поварихе Прасковье Семёновне, знающей грамоту. Заранее договорился, что она будет читать письма Анне. Письма, сложенные пополам наподобие почтового конверта, надписывал «Кисловодск в гостиницу Найтаки Прасковье Семеновне госпоже Милоедовой» с припиской «для Анны».

Он писал: «Здравствуйте, дорогая Анна! Пишет Вам Александр Михайлович Симонов. Спешу сообщить, что у меня всё хорошо. Врачи нашли трещину в кости ноги. Она заживёт не скоро. Они говорят, что через целых два месяца. Я тебя всё равно не забуду. Ты не переживай и не ссорься с Ксеньей, ради бога. Она хорошая и только болтает ерунду. У меня всё слава богу. Еда хорошая и работы нет никакой. Желая тебе того же. Жди следующее письмо. Передай привет ...».

Дальше на весь лист шёл длинный список с приветами кисловодским обитателям, кого он мог вспомнить. Он привык так делать потому, что в деревнях, откуда были солдаты, считалось не по-людски ничего не приписать родичам и друзьям.

Солдатские письма на почту носил фельдшер Назарыч. За гривенник он согласился относить попутно в пятигорскую ресторацию письма, написанные для Анны. Оттуда передадут с оказией в Кисловодск для Прасковьи.

Прасковья читала письма Анне. Анна попросила показать, где написано слово «Александр». Вечером после молитвы она находила это место на листочке, гладила его пальцем, целовала и, ложась на печную лежанку, убирала под подушку.

Писать дорогим металлическим пером Александр приновился, но всё равно получалось коряво. Гусиным пером было как-то сподручнее.

В чтении писем он особенно поднаторел. Мог разобрать, если было написано непонятно. Угадывал, наверное! Раненые перестали дразнить его и даже благодарили – кто даст яблоко, кто огурец, а кто и сладкую конфету. Табачком тоже одаривали. Он стал для всех необходим.

В конце лета стояла жара. Однажды вечером все вышли во двор и смотрели, как горел край Пятигорска. Сушь стояла и ветер поднялся, из-за чего пожар не смогли остановить, и за ночь выгорело 26 домов, всё больше хибарки бедных людей. Госпитальные волновались и сочувствовали несчастным. Отчего пожар случился, так и не узнали.

Николай Иванович Пирогов оперирует на Кавказе раненого, усыпленного эфиром
(неизвестный художник)

Один ефрейтор, для которого Александр писал письма в деревню, стал ему настоящим другом. Известно, дружба и любовь приходят ниоткуда и без причины. Но лишь ум может подсказать, настоящие ли они! Ум Александра был расположен к дружбе.

Случай был слишком безнадежным. Его новый друг лежал

в гнойной палате, где выздоравливали редко. Отсюда почти всех отправляли на погост. Часовня при госпитале была прекрасно устроена для отпевания.

На повторной операции другу отрезали ногу, чтобы остановить антонов огонь. Это было ужасно: крик и стоны слышались из операционной даже во дворе! Но гадина гангрена продолжилась! Доктора никак не могли с ней справиться.

Уверен, читатель-медик, что вам доводилось испытывать ледяное чувство безысходности, когда вы знаете, что спасти человека можно, только мучая его.

Когда вы сравните этот ужас, так сказать, с удобствами современной хирургии, вы, может быть, поймёте душевное облечение, которое испытали врачи, когда увидели операции под эфирным наркозом, проведённые перед ними Николаем Ивановичем Пироговым на Кавказской войне в 1847 году.

Вскоре врачи повсюду делали резекции под эфирной анестезией, применяли йодную настойку и крахмальные повязки. Уровень полевой хирургии сразу необыкновенно повысился. Она стала спасать даже тяжелых раненых. Госпитали приблизили к местам сражений. Когда Александр узнал об успехах хирургии, он заплакал, вспоминая друга.

Как-то вечером позвали к другу. В палате стояла вонь гниющего мяса. Священник за ширмой закончил соборовать умирающего и велел Александру подойти: «Зовёт!»

Александр наклонился. Лицо друга горело. Он говорил с трудом, часто прерываясь:

– В трёх случаях действует тайное заклинание: в бою и в любви. Я проверил, – всё правда! Будь уверен! Только в бою мне не повезло. Второй раз оно не подействовало.

– Заклинание... – он замолчал, восстанавливая дыхание, и продолжил – Сказанные все слова не действуют. Силу в опасности им дают добрые люди. – Я знаю..., – он опять замолчал от приступа боли.

Помолчал и, хрипло дыша, продолжил:

– Кто умирает, передаёт заклинание доброму человеку. Бывает, что владетель вдруг умирает, не оставив... – он снова замолк. Пришёл в себя и заспешил сбивчивым шёпотом:

– Спасибо, Саша, что ты пришел. Целуй Николая Угодника.

Он твой, – показал глазами на иконку на груди. – Передашь секрет хорошему человеку, когда будешь умирать сам! Наклонись поближе. Да исполнится по божьей воле!

Александр был уверен, что это был бред. Наклонился к другу. Перекрестил его, взял и поцеловал иконку. Умиравший прошептал что-то. И затих. Потрясённый Александр смотрел в бледнеющее лицо друга. Закрыл ему глаза.

Он не раз вспоминал его последние слова. Почему друг объяснил только два случая из трёх, в которых действуют заветные слова?

Какой случай был третьим, Александр не мог догадаться. Но иконку, перекрестившись, надел на себя и носил на груди рядом с нательным крестиком.

Той же осенью подарок друга спас любимую Аннушку. Александр был уверен в этом.

Вечерние заботы

В Кисловодске нарзанный неофит полковник Иван Петрович Бежитов заканчивал первый день без происшествий. После обеда отдохнул в снятом домике. Затем неспешно спустился к прогулочной площадке в парке.

Его ждали. Как условились, у камня, что лежал перед гротом, полковник встретил шурина троюродного брата.

Шурин прежде был страстным охотником. Теперь иное. Заболев, забросил охоту. Стал необыкновенно докучлив и приставал ко всем с рассказами о своих былых удачах.

Чтобы направить его мысли на неопасную стезю, Иван Петрович рассказал «бородатый» охотничий анекдот.

Бежит Заяц по лесу, а навстречу ему хромает полевой Заяц с перебитой лапкой. Лесной Заяц спрашивает: «Бедненький! Охотники подстрелили?» «Нет, – отвечает раненый, – наступили».

Улыбнувшись, шурина откликнулся своей шуткой. Молодой Заяц расстраивался: «Отчего меня косым называют?» И он решил стать как все. «Не туда смотришь!» – рассмеялся Орел, падая с высоты. И схватил Зайца.

После обсуждения преимуществ разных взглядов весёлая

прогулка «с анекдотическими зайцами» продолжилась, и они незаметно завершили терренкур *cinq fois*, как назначил врач. Наконец дошли до колодца.

Принялись пить нарзан. Разговоры продолжились. Довольный успешным завершением терренкура, полковник вспомнил персидский поход и генерала Дениса Васильевича Давыдова. В памятной ермолке¹ генерал и поэт, простецкий в обращении, рассказывал, как лечились на Водах, когда здесь ещё не было цивилизации.

Жили в шалашах и кибитках. Нарзан черпали разбитой бутылкой, пробираясь по груде грязных камней к источнику.

Шурин сообщил, что Дениса Васильевича отправили в отставку генерал-лейтенантом. В свете злословили, будто Давыдов «качает-валяет» чаши с аракой² в своей симбирской деревне. Собеседники решили, что это неправда, которую пустили гулять по свету из зависти.

Шурин поинтересовался:

– Любопытная у тебя трость! Даже с арабской надписью. Это у тебя персидский трофей?

И бесцеремонно спросил:

– Дай-ка взглянуть.

Полковник подал и объяснил:

– Нет, эта трость не из похода. Утром купил в балаганах за речкой. Там были и другие, более украшенные. С резными рукоятями.

Шурин заинтересовался:

– А у кого ты купил?

– У грузина, который продавал оружие.

– Грузина не видел, – сообщил шурин. – Как идти к тебе на встречу, я посмотрел, что продают, но торговцы уже разошлись, и я не застал твоего продавца! Посмотрю завтра. Жаль, что сегодня я проспал всё на свете!

Помолчал и, расстроенный, спросил:

– Знаешь, что тут написано?

Полковник сказал:

¹ круглая шапочка, прилегающая к голове

² самогон (перен.), восточная водка

– Как будто стихотворение Хафиза: «Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше найти тарикат в добрых делах».

И пояснил:

– Странный попался купец, – всё знает, даже персидского поэта Мухамада Хафиза из Шираза! Объяснил, что тарикат – это путь искреннего поиска бога. Читал мне надпись, знаешь ли, по-арабски!

Шурин предположил:

– Возможно, этот купец – член или учитель религиозного братства. Братств тариката у суфитов множество. Одно такое помогает Шамилю дисциплинировать мюридов.

– Видел я мусульманских святых людей, – поддержал разговор полковник, – называются дервиши. Внешне похожи на наших блаженных или на нищих отшельников, но они не безумцы, а умные и знающие проповедники.

Шурин поучительно заметил:

– В XIV веке при Хафизе, скажу тебе, братств тариката не было, а были школы – наставник и ученики, для которых слово тарикат, действительно, означало личный путь служения богу и поиск истины. Стать праведным человеком одному без поддержки было трудно и к гулякам в раннем магометанском обществе относились терпимее, чем в современном мире.

– Толстый проповедующий философ на терренкуре – удивительная сущность, – подумал полковник о собеседнике.

Чуть было не сказал для смеха, что шурин приплыл из Аристотелевой академии через века и страны на Кавказ, чтобы нести свет знаний диким народам. Ему не хватает только хитона и сандалий!

Собеседник заметил молчание полковника и высказал заключение:

– Но при Хафизе путь к богу был короче и прямее, а религиозные вожди мягче и мудрее. Поэт призывал не отказываться от удовольствий жизни и сам не отказывался от земных радостей.

Тут зазвонил колокол, – подошло время купания. Разговор прервался, и полковник отправился принимать ванну.

У ванного сарая крыша с одного стороны выступала на столбиках и прикрывала входы на случай непогоды. Он

предъявил билет. Служитель открыл номер. Полковник вошел. За входом он обнаружил кушетку с чистой простыней. По-солдатски быстро разделся, отодвинул занавеску и сошёл по ступеням к овальной деревянной ванне, опущенной вровень с полом.

Служитель уже выложил стенки ванны белой простыней и наполнил тёплым «разводным» нарзаном.

Полковник погрузился в тёплую воду. Его кожу тут же покрыли пузырьки газа. Разгорячённому телу было непередаваемо приятно.

Довольные возгласы курсовых слышались через суконные перегородки, разделявшие номера. В отдалении кто-то капризно выговарил служителю, что вода холоднее, чем у него в домашней ванне. Полковник расслабленно подумал, что здесь лечат, а не моются.

Было покойно. Шло время и, наконец, показалось, что газа в нарзане стало слишком мало. Напрасно один немец собирается тратить газ от нарзана, чтобы насыщать молоко и делать лекарство. Он стал обдумывать эту затею.

Тут служитель оповестил об окончании сеанса. Полковник вытерся простыней и оделся. Донесся удар колокола.

Когда он вышел из сарая, наступил вечер. Чувствовалась прохлада в воздухе.

Утомлённый прогулкой и купанием, полковник неспешно шагал по прохладе домой и наблюдал, как сытая скотина возвращалась с горных пастбищ. Животные направлялись к своим домам, и слободские хозяйки, ласково приговаривая, впускали их во дворы.

Проехали два вооружённых пастуха. Поводы свисали, нужды в них не было, кони знали дорогу домой. У переднего поперёк седла лежала косуля. Чудеса! В Кисловодске дичь добывают даже пастухи!

Вызывая хозяек на улицу, пастух играл на дудке бесконечную мелодию песни «Во саду ли, в огороде». Длинный кнут чертил пыль дороги. У заднего пастуха тренькала в лад балалайка, а из седельной торбы бляела голова ягнёнка. Натуральные Орфеи с ружьями!

Следом солидно прошагал крупный кобель кавказской

овчарки, восхитивший полковника грубым экстерьером. «Такой сторож, точно, возьмёт волка!» – подумал удивлённый полковник и забыл о размовке с шурином.

Барабан в крепости пробил вечернюю зорю. Откликнулся колокол ресторации. Солнце зашло за гору. Однако небо над Кисловодском продолжало светиться.

Наступили сумерки – время приготовлений к ночному покою! Птицы затихли. Из пещер и лесов бесшумно полетели летучие мыши.

Померк сияющий Эльбрус. Над сгущающейся тьмой появились бледная луна и первые звёзды. Лицо полковника погладили последние дуновения дневного тепла.

На бал Иван Петрович не пошёл. Здесь не было нужды сопровождать жену и дочерей, да и сами танцы не вызывали у него восхищения. Он был достаточно стар и видел жизнь такой, какая она есть.

Под гром оркестра раскрывались и людские пороки, и благородство. Ещё в Пятигорске он убедился, что курсовые пьют шампанское без меры и пляшут неопишимо. Никакого порядка – польские танцы ни на что не похожи, контрдансы забыты!

Голова у танцоров кружится от этих шумных вальсов, увлёкших всю Европу и соблазвивших Россию после Венского конгресса. В танце неприлично обнимаются и радуются, что вертятся не вприпрыжку, как деревенские австрийцы, от которых это кружение переняли!

А галоп! На то они и немцы, чтобы придумывать обезьяньи «ужимки и прыжки»! Он подумал, что даже кадрили лучше галопа! Не исключено, что в будущем всё переменится и нельзя будет отличить, кто скачет, – обезьяна или человек.

Признаться, приятнее видеть танцы местных жителей, особенно лезгинку, зажигательную, как гопаки или барыня и даже трепак.

Но местные своё не ценят! Будут завидовать чужеземным пляскам, и подражать им, увлечённые текучей модой. Бессовестное и бесстыдное обезьянничанье заставляет забыть своё на радость пришлому!

Полковник расстроился от горьких мыслей и твёрдо решил

не думать о танцах. Вымыл руки и умылся над тазом под стружкой воды, сливаемой из кувшина преданным Осипом.

Облачился в поданный зелёный шелковый халат со шнурами. Привычно подпоясался и надел вязаные следки. Щёткой расчесал перед зеркальцем усы. Причесал волосы и надел ночной колпак.

Сел к столу и принялся быстро строчить письмо домой. Приходилось торопиться, так как экстрاپочта уходила из Пятигорска в субботу.

Осип почистил господское платье, устроил постели и поставил ночную вазу.

Жан-Пьер принёс еду из ресторации. Осип поставил котелок с бараниной на спиртовку. Нарезал ломтями хлеб. Выставил на стол приготовленную закуску.

Подав барину стакан любимого бордоского медка. На тарелку положил баранины ровно столько, сколько барин мог бы пожелать. Полковник сказал «Спасибо!».

К чаю Осип положил кусок пирога и стал набивать трубочку домашним табаком. Спросил, когда барин закончил кружку: «Ещё чаю, ваше высокоблагородие?»

В ответ услышал: «Не стоит, дружок!» Значит, барин сыт и пришёл в добрый настрой. Егор принял салфетку, которой утирался барин, и подал разожжённую трубочку.

Покурив и помолвившись, полковник отправился спать. Он, как все, «ложился с курями, а вставал с петухами». Ворча на неудобства, расположился на кровати и вскоре уснул.

Слуги доели баранину. К пирогу выпили по два стакана чая. Набили и выкурили, не спеша и молча, свои трубочки. Осип убрал посуду, стараясь не греметь.

Жан-Пьер прикрыл крышкой походную чернильницу господина, вытер и спрятал в пенал бронзовое перо и палочку.

Увидел на столе письмо. Ему не давалось чтение по-русски, поэтому он практиковался на всём рукописном и печатном, что попадалось на глаза. Успехов было мало, но он не отступал.

Листок на столе он прочитал с трудом. И понял сочувственно, что автор описывает томление души:

«Вокруг меня край невообразимой красоты. Едва взгляну я на эту картину, какое-то грустное чувство гнетёт и расширяет

сердце. Мысль о тебе сливается с ним и, будто во сне, убегает от меня твоей образ.

В какой прекрасной гармонии был бы твой несравненный облик среди этой сказочной природы и какое бы земное блаженство испытал я? Ах, почему тебя нет здесь! О бесценная, добрая, ангельская душа! Один взор твой – и я исцелён! Как счастлив я буду, излеченный, приветствовать тебя от всего сердца»¹.

Повернувшись на красный угол и крестясь на икону правой рукой вправо², Жан-Пьер стал на колени и пробормотал молитву на латыни.

Разделся, затушил свечу и устроился на постели на полу. Осип, лежавший рядом, отодвинулся. Ему предстояло встать раньше всех и делать завтрак.

Жан-Пьер мечтал, как отнесёт после завтрака вымытый котелок на кухню ресторации и станет оказывать поварихе внимание и осыпать французскими комплиментами.

Готовясь к романтической встрече, он пробормотал:

– *Quelle belle aux yeux bleus blondinotchka! Dois-je faire connaissance!*³.

Шёпотом перевел и пояснил Осипу свое намерение.

– Э, – ответил Осип, – у тебя ничего не выйдет. Твой французский котелок не знает здешних обычаев. Первое дело – это никто не знакомится без подарков, второе – лишь невежи возвращают пустым то, что было наполнено.

Перед тобой Кавказ, а не Франция. Тут за презент благодарят не словами, а бакшишем! Вот и будет кавказский афронт твоей башке!

Барин проснулся и внятно произнёс:

¹ по повести А.А. Бестужева-Марлинского «Амалат-бек».

² Во время молитвы бог у христиан находится справа. При крестном знаменении правая рука взмахивает в конце по-разному; у католиков – направо, у православных – налево. Полагают, что эти движения несут в себе сакральный смысл: бог, что во мне, обращается к миру или бог извне направляется в меня.

³ Какая прелестная голубоглазая блондиночка! Я должен познакомиться!
(фр.)

– Спать, а то пошлю на конюшню!

Осип захрапел, а Жан-Пьер долго думал, что положить в котелок, и не понимал, почему Осип путал голову с котелком. Наконец, вспомнилась поговорка *la nuit porte conseil*¹. По-русски звучит тоже неплохо: «утро вечера мудренее».

Успокоившись, Жан-Пьер уснул и увидел во сне, как он преподносит букет цветов в котелке красавице-поварихе.

Конец первого дня

В кухне натрудившаяся повариха Прасковья получила меню для другого дня, написанное на русском. Меню принёс Алексей Петрович, оставшийся за хозяина.

Она прочитала, одобрила и, когда он ушёл, налила винца, выпила, попрощалась с Анной и отправилась домой, подхватив на коромысло два ведра помоев для свиней.

Измученная помощница Анна перемыла, вытерла и убрала посуду, столовые приборы, горшки, кастрюли и сковородки.

Выстирала и развесила полотенца и тряпки. Выставила грязную воду за порог. Подмела пол.

Убедилась, что очаг и печь потухли, а задвижки дымоходов выдвинуты. Теперь не угорим! Поправила фитиль и долила освящённое масло в лампаду. В ночник залила новое масло из подсолнухов.

Занимаясь привычными вечерними делами, Анна размышляла. Её покойная матушка советовала обдумывать прошедший день, чтобы в молитве не досаждать господу просьбами всуе.

Наливая мутно-жёлтое подсолнечное масло в ночник, думала: «Масло отличное! Сплошное объедение, особенно с горячей картошкой и солью».

Закончила наливать и посмотрела на брата, крепко спящего на печи: «А братик любит картофель! Дует на пальчики, когда чистит горячие клубни, и приговаривает, что у толстячков жгучие мундирчики. Клубень, выросивший круглые головку и ручки, кажется ему чудесной живностью!

¹ *ночь – врата решения (фр., букв.)*

А ещё ему любо играть всякими палочками да верёвочками. Предложу вставить палочки в картофелину, как ручки и ножки, и пусть додумывает сам, что за игрушка получилась!

Как я люблю своего братика! И он меня тоже! Если видит, что мне трудно, поддерживает, как взрослый. Скажет «Тримайся, сестричка!»¹ И старается помочь, приговаривая мамиными словами: «Нічого, разом ми впораємося!»² Ах, мой милый братик, как я тебя люблю!»

Помощница зажгла ночник, потушила шандал и стала на колени, чтобы молиться с земными поклонами. Помянула родителей. Шёпотом пожелала благополучия родным. Покаялась и пообещала помириться с горничной Ксеньей.

Закончила мольбы к богу, заботливо подвинула брата и улеглась рядом. Сказку пришлось отложить: брат не проснулся и шум бала его не разбудил.

Она лежала и никак не могла успокоиться: «Но Ксения не права! А Сашенька – справный солдат и стреляет лучше других. Даже Нефёдыч хвалил за то, что песни хорошо поёт! Заслушаешься!

Дружочку не повезло. Стоял над ямой, выкопанной для отхожего места. Край, возьми, и обвалился! Миленький и полетел. Ловко так, – головой стукнулся о камни, а повредил ногу!

Голова оказалась крепче ноги. Нога опухла и болит. Повезли горемычного в лазарет. Как доктор сказал? А, помню! На конвульсию! Помоги, мать божия! Богородица, дева, радуйся! Благословенна ты в женах». Закончив шептать молитву, успокоилась и заснула, как будто провалилась в небытие.

Зал ресторации сиял множеством восковых свечей. Ряды плешек с горевшим маслом освещали пространство перед фасадом и возле лестницы. Громовая музыка военного оркестра разносилась по горам из раскрытых окон и дверей.

Господа и госпожи забыли советы докторов ложиться спать

¹ *Держись, сестричка! (укр.)*

² *Ничего, вместе мы справимся! (укр.)*

до одиннадцати. Причёсанные, в вечерних нарядах, в пудре и в аромате французских духов они расположились по краям зала и в буфетной.

Танцоров направлял дирижёр танцев. Танцевали в середине зала. Некоторые разгоряченные танцоры выходили на балкон насладиться прохладой или спускались в темноту парка в поисках уединения вдвоём.

Низкого сословия поселенцы и курсовые вместе со слугами и служанками заглядывали в окна и обсуждали господское развлечение. Обстановка была привычная. В зале они бывали прежде на представлениях, которые устраивали приезжие артисты.

Но господские наряды и манеры представляли для зевак чрезвычайный интерес. Такова природа людей: они с восхищением и завистью глазают на недоступное, а доступное, даже важное и ценное, отвергают.

В одиннадцать распорядитель объявил, что бал закрыт. Все знали курсовые порядки и, не возражая, отправились на ночлег.

В Кисловодске не было уличного освещения. Кое-где тускло светились окна. Найти тропинки помогала луна и слуги с масляными фонарями.

Господа, увлечённые разговорами, оступались. Кавалеры ругались. Дамы вскрикивали. В подворотнях лаяли собаки.

Музыканты с инструментами и капельмейстер вернулись молчаливым строем в крепость. Им было проще, чем курсовым, – они свой путь освоили давно.

Алексей Петрович с буфетчиком и приказчиком разложили блокноты, записали в книгу дневной оборот и занялись подсчётами. Прибыль оказалась неплохой, лучше вчерашней благодаря балу.

Усталая обслуга мыла полы в зале, на балконе, галерейке и в отхожих местах. Буфетчик привёл в порядок буфет. Грязную воду и отхожую жидкость вылили в речку и сполоснули бадьи.

Расставили столы и стулья. Заменяли скатерти, салфетки и полотенца. Закрыли окна. Затушили плошки. Убрали огарки и вставили новые свечи. Попрощались и ушли.

В чистом небе высоко стояла полная светлая луна,

окружённая мерцающими точками бесчисленных ярких звёзд. Холодный свет лился с небес на Кисловодск, но не мог преодолеть черноты ущелий. Часовые прокричали протяжное «Слушай!»

В темной низине негромко шумела текучая вода. Волнами вздымались деревья парка, и по склону горы в обманчивом лунном свете тихо плыли белые домики слободы, будто корабли в кильватерном строю. Благословенный покой разлился по кисловодской котловине и горам.

С балкона ресторации Алексей Петрович Найтаки смотрел на красоту ночного Кисловодска. Наверху, в крепости, одно окно слабо светилось. То Никанор Иванович опять приподнился.

Алексей Петрович вздохнул, погладил бакенбарды и подумал: «Мать и Маруся, верно, уже спят. Когда уеду, мать и отец сделают всё, чтобы Маруся родила без происшествий.

Не буду беспокоиться! Помолюсь и лягу! В пять открывать ресторацию, днём ждать Хасновых и встречать их любезно. Ещё будет праздничный обед. Хорошо, что станичные привезли козлов, освежевали и положили на холод».

Он закрыл и запер парадную дверь. На сон осталось меньше четырёх часов.

Пришла ночная тишина. Полковник Иван Петрович Бежитов увидел второй утренний сон.

Его офицеры, как живые, сидели за столом и покойный майор, прозванный Астрономом, говорил прощальный тост перед выступлением отряда:

– Древние греки смутно представляли себе Арктику и медведей и поэтому созвездие Большую Медведицу называли Арктосом, то есть мифическим «северным медведем».

Наши чумаки видят на небе телегу вместо медведя и бесконечный Чумацкий тракт через всё небо вместо Млечного пути¹. Каждому видится своё!

Для нас созвездие никакая не медведица и не телега, а любезный сердцу ковш для вина. Не правда ли?

¹ под крики «цоб-цобе» везли на волах в больших крепких фурах зерно и другое в Крым, продавали, а обратно вывозили соль, рыбу и прочее.

Офицеры, слегка осоловевшие, подтвердили: «Истинно, правда!». Майор указал пустой кружкой на небо:

– Боги благословляют воинов на питиё, и мы не огорчаем богов потому, что мы не заядлые винопийцы, а знаем меру!

Небесные заступники нашего отечества юные страсотерпцы князя Борис и Глеб благосклонно смотрят на нас с Луны. Верно, друзья? Все посмотрели на полную луну, покрытую знакомыми пятнами, и сказали: «Верно!»

Последовало решение:

– Ощутив божественное одобрение, нальём последний ковш, чтобы, наконец, согреться и поблагодарить Аллаха, что на суровом Кавказе нет арктических морозов!

Оратор разлил остаток напитка из котла. Показывая черпаком для пунша на созвездия, нечаянно окропил влагой небеса и всех, кто подвернулся под руку:

– Отправляясь в дорогу, поместим пять небесных ковшей над Большой Медведицей. Аккуратно друг на друга, чтобы не потревожить созвездие Дракона. И увидим Полярную звезду. Вот она, любезная, сидит на краю пятого ковша! Подобно мудрому и верному Ментору помогает найти правильные пути в теперешнем мраке, упавшем на отечество!

Намек на альманах «Полярная звезда» и на дело декабря 25-го года все уловили: ведь сегодня исполнилось десять лет, как повесили пятерых зачинщиков бунта, знакомых многим из присутствующих за столом!

Завладев общим вниманием, майор поднял кружку:

– Пришло время, друзья! Кавказская экспедиция не ждёт. За отечество и за нашу путеводную звезду!

Выпили дружно. Майор знал, что наливать неполные кружки – плохая примета перед боем. И выплеснул остаток из котла на землю, проговорив: «Родимая, с небом мы поговорили, прими и ты приношение от воинов, идущих в бой! Сохрани нас и помилуй!»

Командир привязал карту к местности:

– Точно, ёксель-моксель! Отличные были ковши, кивер набекрень!

Высылает вперед дозор и зовёт лучшего трубача. После певучего сигнала «под штандарты» начинает распоряжаться,

украшая команды вторым русским языком, чтобы вселить бодрость в подчинённых.

Скомандовал:

– Садись! – и оглядел садившихся в сёдла. – Сущие сонные кентавры, туды твою в качель! – дождался, когда сели. – В колонну по два! Не зевай! Рысью! – и после паузы – Марш!

Гремит барабан. Походная рысь радует вороного Бурана! Когда отряд пошёл на рысях, полковник командует: «Песню! Запевай!». Кентавры грянули дружно о воинской судьбе «Песни гусарские лихо поются...». И уже окончательно проснувшись, пропели пророческие слова:

«И, может быть, завтра уж бранное поле украсится новым холмом». Повторили пропетое и продолжили песню. Пророчество сбылось, и завтра многие погибли.

Старый воин, покрытый боевыми шрамами, смотрит второй утренний сон о былом, о покойных друзьях-гусарах и любимых конях, слышит бряцанье оружия под конский топот, отдаёт шенкеля и чувствует всем телом привычный аллюр. Полковник Иван Петрович Бежитов сладко похрапывает в снятой слободской лачужке и погружается в забытье.

Он доволен первым курсовым днём. В Кисловодске было так спокойно, что ему показалось, будто войны больше нет.

Схватка у водопоя

Оглядевшись, черкесы Али и Аслан двинулись в сторону горы Болван по краю зелёной низины, где мог быть родник. Скоро его нашли, но там три вооружённых казака поили отару овец.

Черкесы переглянулись и поняли друг друга. Никто не должен был думать, что они побывали в этом краю. Нельзя было, чтобы догадались, что они разведчики.

Должны считать, что они торговцы, которым нужно одно – продать с выгодой товар в городах. Ещё лучше будет, если сочтут, что в этом краю их не было совсем.

Не следовало также рисковать жизнями старинных кунаков в окрестных аулах, у которых они получали помощь и прятались в случае необходимости.

В прошлый раз, когда они напали на Ессентукскую, Али убедился, как важно иметь хотя бы одного друга, хорошо знающего окрестности.

Для Али и Аслана это означало – свидетелей их встречи у водопоя не должно остаться! У них не было никаких сомнений, что с ними сделают то же самое, если они замешкаются.

Оба заранее сговорились, что в случаях, когда быстрота решала всё, действовать начинал Аслан, а разрешающий сигнал подавал Али. Аслан был сильным бойцом, а Али – опытным.

Не задерживаясь, они направились прямо к казакам. Двое казаков были верхами. Третий, спешенный, черпал воду ведром из родника и выливал её в деревянное корыто, куда мордами уткнулись овцы. Казак прекратил своё занятие и внимательно посмотрел на подъезжавших незнакомцев.

Али спешился. Подошёл. Поздоровались. Казак спросил:

– Кто такие? Куда путь держите?

– Мы купцы из Тифлиса, урядник. Торгуем грузинским и всяким другим оружием с разрешения начальства. Оно настоятельно посоветовало нам отвезти товар в отдалённую Нальчикскую крепость. Начальник сказал, что оружие там купят за хорошую цену. Мы надеемся заработать.

Сначала хотели продавать в Пятигорске. Там, ты знаешь, хороший базар. Но начальство посоветовало нам Нальчик. Что тут поделаешь?

Хотя и говорят, что купцы – люди вольные, но это неправда: мы, как и вы, люди подневольные. Приходится слушаться начальников. Рассердятся – не разрешат торговать, а нам без этого нельзя. Кто будет кормить наши семьи? Не впроголодь же сидеть деткам?

Казаку, похоже, надоели почти непонятные разглагольствования грузинского торговца, произносимые с сильнейшим акцентом, и он грубо спросил:

– А проезжий лист есть?

– Канечна, началник. Сычас дастану! Не извол волнаватца! У нас бумаг бывает завсегда в парядкэ, – Али полез за пазуху чохи левой рукой, наблюдая краем глаза, как Аслан подъезжает, приближаясь к верховым казакам.

Стал шарить правой рукой, как-бы разыскивая и приговаривая с громкой досадой по-русски и по-грузински. Грузинские слова были сигналом:

– Где ж он? *Ме месмис!*¹. Панэмаю! Ищу! *Ар арис дро!*² Завалился. Тут был. Где же? Да где же он? Спешу, спешу! Он застрял? *Ахла!*³

Аслан уже приблизился к казакам. Прогредел пистолетный выстрел, и Али провёл быстрое атакующее движение.

Кинжал у него был не длинный, и повернут на поясе, как у всех горцев, рукоятью к правой руке, но конец ножен Али не подвешивал к поясу, и он болтался свободный. Поэтому ножны поворачивались и не мешали быстро вынимать оружие любой рукой.

Али быстро вынул правую руку из-за пазухи и двинулся прямо на казака. Но вдруг выхватил кинжал левой рукой и уколол, исполнив за одно движение четверть оборота телом и короткий шаг левой ногой.

Едва казак увидел быстрое движение правой руки из-за пазухи, он привычно ударил кинжалом перед собой. Не попал, а лезвие противника беспрепятственно проникло ему под поднятую правую руку прямо в печень.

Как известно, в горах укол кинжалом в поединке позорит джигита, но против русских укол не считался бесчестным действием.

Казак охнул и согнулся. Али вытащил кинжал, перебросил его в правую руку и со всей силой ударил казака по шее. Тот свалился, не издав ни звука.

Третий казак сорвал с плеча ружьё и стал его наводить.

Аслан был певцом и голос у него был мощный. Он, не теряя ни мгновения, изо всех сил прокричал боевой клич *хей!*⁴ и швырнул свою папаху прямо в морду лошади казака.

Лошадь отпрянула. Грянул выстрел, и пуля пролетела мимо. Этот рискованный и отлаженный приём у горца был

¹ *Я понимаю! (груз.)*

² *Нет времени! (груз.)*

³ *Сейчас (груз.)*

⁴ *боевой клич черкесов (адыг.)*

успешен не впервые.

Казак, яростно ругаясь, швырнул ружьё, повернул лошадь и помчался прочь, вытаскивая шашку.

Аслан сбросил повод вьючной лошади с луки седла, ударил своего скакуна пятками и поводом. Тот сразу пошёл в широкий намет.

Кто кого? (Ф.А. Рубо, 1905 г.)

Говорили, что Аслан знает колдовские заклинания, а некоторые верили, что он колдун. На скачках ему достаточно было наклониться к уху своего Мийцара и что-то прошептать,

как конь прибавлял ход и, бывало, выигрывал.

Когда Аслана спрашивали, что он говорит коню, он шутил: «Я ему говорю: «Прибавь, а то шкуру сдеру!» Он мне верит и делает, как я скажу. Попробуй и ты со своим конём. Если он поверит тебе, то исполнит приказ из последних сил.

Важно убедить животное, чтобы оно поверило человеку. Нужно быть красноречивым. Вот для этого я сочиняю речитативы к священным танцам, которые понимают даже кони». Слушатели смеялись, хотя не знали, шутит поэт или говорит всерьёз.

Аслан наклонился к голове коня и прошептал. Конь понёсся бешеным карьером. Меньше, чем через две сотни саженьей, он догнал казака.

Казак начал прижиматься к Аслану, готовя смертельный удар шашкой. Когда она пошла на замах, Аслан пригнулся и выстрелил из второго седельного пистолета.

Рука казака упала и выронила шашку, повисшую на темляке. В следующее мгновение кинжал Аслана сбросил казака на землю. Аслан подъехал, спешился и добил противника. Сел на коня и поехал искать шапку.

Когда Аслан вернулся, Али увидел разрез на рукаве черкески, ниже которого всё пропиталось кровью:

– Э, да тебя зацепила казачья шашка, – сказал он. – Подожди, сейчас остановлю кровотечение.

Вытер кинжал о черкеску поверженного казака, отрезал низ рубахи, скомкал, засунул в рукав над раной и крепко по рукаву обвязал руку поясным ремнем.

Вырезал из снятой грязной рубахи большой треугольный кусок ткани, попросил Аслана согнуть раненную руку и сделал поддерживающую перевязь.

Наполнил кувшин родниковой водой, дал попить раненому, нашёл в стаде курдючного барана, взвалил на круп ведомой лошади и привязал арканом.

Собирать оружие казаков не стали, сели в сёдла и поехали по следу, оставленному стадом. Надо было убираться с места стычки и запутать след. Вскоре оставили тропу, преодолели ручей и перезарядили пистолеты.

Часа через два остановились. Али сказал: «Баран, без

сомнения, пригодится». И зарезал барана.

На тряпочку сложил рулон холстинного бинта, иглу, кожаный мешочек соли, кувшинчик, коробочку с бальзамом и нож. Отрезал у лошади семь волос из гривы. Помог Аслану снять черкеску и рубаху. Осмотрел обильно кровоточащую рану.

Понял, как оперировать. Во время операции человек для него не отличался от барана: тело почти такое же, только шерсти нет, сидит на задних лапах и морда приплюснута не с боков, а спереди. В обоих случаях Али действовал точно.

У барана вырезал курдюк и отделил полоску курдючного сала. Срезал большой кусок шкуры с живота. Протер пальцы, нож и кожу тряпочкой, смоченной бесцветной жидкостью из кувшинчика. Очистил рассечение человеческого тела. Потом полоску сала поместил в рану вместе с турундой, скрученной из тряпочки, посыпанной солью.

Тщательно протерев иглу и конский волос жидкостью из кувшинчика, пришил лоскут тела. Сверху своё шитьё обильно обмазал бальзамом из коробочки. Обмазанное место завернул в ещё теплую баранью кожу и забинтовал, приговаривая: «Будем молить Всемилостивого одобрить наше лечение.

Аслан терпел, молчал. Лишь бледное лицо покрылось испариной от страшной боли.¹

Али достал из вьюка рубаху и надел на раненого, разрезав рукав. Убрал лечебную шурумбурду. Ничего не оставил на месте операции. Барана спрятал под берегом. Скинул в воду даже навоз.

Помог Аслану сесть на лошадь. Ехали долго. Ручеек расширился в речушку. Остановились.

Али зашил рукава черкески и бешмета Аслана и постирал. Разложил сушиться. Обмыл и напоил лошадей. Дал кукурузы и привязал, боясь, что их сманят местные лошади. Неподалёку пасся косяк, но пастуха не было. Кони и черкесы не боялись волков.

¹ способ лечения ран, засвидетельствованный Н.И. Пироговым (Отчёт о путешествии по Кавказу, С.-Петербург, 1849).

Костёр не разводили. Сказали «*Бисмиллях!*¹» и поели сырого курдючного сала. Они знали о его целебных свойствах и приятном вкусе! Часть отложили на завтра. Выпили родниковой воды из кувшина. Совершили *ишу*².

Звёзды сверкали ярко. На спокойном ночном небе они были видны чётко. Перед тем, как лечь спать, Али показал Аслану, где будет находиться в полночь линия, соединяющая *аль Киблах*³ со звёздами *Дубхе* и *Мерак*⁴. Ему помогли ориентиры на горизонте.

Вчера он заметил, где находилась эта линия после заката. Сегодня присмотрелся, где исчезала с рассветом. Измерил смещение с помощью металлических накладок на своём поясе. Привычно положил пояс и обнаженный кинжал рядом с собой.

По сделанным наблюдениям среднее положение линии определялось легко. В ясную погоду оно указывало на полночь. При непогоде приходилось полагаться на собственное ощущение времени.

Показывая звёздное правило на небе, он незаметно учил молодого Аслана определять время суток и своё положение на земле, а не только находить направление на святыни Мекки. Учить практически – способ учения, как известно, наилучший.

Первым лёг спать Али. Завернулся в бурку и велел разбудить себя в полночь. Правда, в этом не было необходимости, Али умел просыпаться в любое выбранное время.

Он проснулся в полночь, и некоторое время незаметно наблюдал за молодым товарищем. Тот, постанывая от боли, поддерживал здоровой рукой раненую и монотонно раскачивался, рассматривая звёздное небо.

Когда Али стал подниматься, Аслан уже не раскачивался. Звездная линия на небе указывала на полночь. Глаза привыкли к темноте и Али внимательно оглядел местность. Всё было, как прежде. Ничего подозрительного! Он завернулся в бурку и, подогнув колени, сел сторожить.

¹ *Именем Аллаха! (араб.)*

² *молитва, последняя за день*

³ *Полярная звезда. По ней определяют направление на Киблу (Мекку)*

⁴ *звёзды α и β ковша созвездия Большая Медведица*

Его товарищ заснул не сразу и во сне стонал. Али знал, что рука опухнет. Если опухоль начнет уменьшаться на третий день, то всё будет хорошо.

Но, если это не произойдёт, придётся отрезать руку. Кому инвалид будет нужен? Музыкантом, который восхищал людей, ему не быть, но в каждом доме он останется желанным *хафизом*. Али относился к ранениям философически, как человек, для которого война – это дело, приносящее не только доход, но и убыток. Среди издержек были ранения. Они мешали делу, отнимая бойцов.

Али вздохнул и велел себе: «Не буду думать о плохом, но стану при каждом намазе усердно молить Всевышнего о помощи другу. Возложу надежды на Великого и Милосердного.»

Помолившись, Али продолжил размышлять: «Смерть – штука странная. То есть, все знают, что она придёт, однако, как и когда это случится, точно известно одному *кисмету*¹.

Люди убивают неспроста. Ведь сила богов бесконечна, и они могли бы отнимать жизнь, когда пожелают. Может быть, есть причины, из-за которых Верховный *Тха* доверяет отдельным людям убивать других людей? Вот и мне он поручил это делать потому, что я защищаю его народ и уничтожаю всякого, кто мешает неведомым планам бога.

Значит, когда мы убиваем, Верховный бог адыгов *Тха* нас одобряет. Надо признать, что человеческому разуму намерения богов понять не дано. И нет смысла им перечить! Пусть всё идёт, как шло. Тогда Аллах Непобедимый поможет нам.

А как ловко мы разделали этих дураков казаков! Пусть теперь празднуют день рождения своей императрицы на том свете. Её бы туда тоже. Жаль, что Аслана зацепило! Как говорят русские: «Замах рублёвый, а удар ...». Тут он, довольный, мысленно повторил крепкое русское словцо.

Тихо засмеялся: «А какое стадо мы могли бы угнать! И лошадей и оружие добыть. Но сейчас нам не с руки заниматься этим. Надо делать, что задумали. Придёт время для другого раза, угоним больше, чем одного барана, и казаков перебьём

¹ судьба, ниспосланная Аллахом (араб.)

столько, что обрадуем все неотомщенные души джигитов!»

Так или приблизительно так оправдывал Али свои очередные убийства. Правда, он мог и вовсе не оправдываться, а просто без рассуждений считать убийства делом праведным. Ведь он был опытный законченный разбойник и умный человек. Но не мудрее законов истории для времени, в котором он жил.

Сверху светила холодная Луна, и сверкали равнодушные звёзды. Мы люди именно потому, что смотрим на звезды. Смотрят ли звезды на нас? Так ли они равнодушны к людским злодеяниям, как нам кажется?

Наступила особенная тишина, предвещающая близкий рассвет. Слышно стало, как шумит вода в реке, да переминаются и фыркают дремлющие кони.

Али проснулся задолго до рассвета. Напоил и оседлал коней. Прикрепил вьюки. Разбудил раненого.

Они отправились в сторону Нальчикской крепости, но не в крепость, а неподалёку. Горы были рядом, и Али был уверен, что может скрыться у давнего кунака на столько дней, сколько потребуется, чтобы Аслан пошёл на поправку и смог ехать дальше.

Заехать к кунаку, однако, пришлось бы независимо от ранения Аслана, так как по окончании торговли необходимо было спрятать непроданное оружие.

Не доезжая аула, Али оставил Аслана и коней в укрытии. Пешком отправился к кунаку. Незаметно вошел через калитку в задней ограде. Поздоровался, пожелал благополучия и попросил помощи.

Кунак спрятал оружие в подвал, а путников с лошадьми проводил в дальнюю заброшенную кошару. Оставил им еду на первое время. Обещал прийти через неделю.

Чтобы меньше находиться вне укрытия, Али лишь по ночам ходил за водой и накашивал травы для коней. Высматривал окрестности. Иногда пас коней, если было тихо. Прошло полтора месяца. Воспаление спало, шов раны затянулся и рубец стал сухим. Аслан понемногу разминал и упражнял раненую руку.

Местные пастухи, пришедшие к водопою, нашли убитых.

Объяснили их смерть спором с абазинами из-за родника. Называли один здешний род.

Но были и такие, кто указывал на признаки кровной мести: убитые казаки были местными кабардинцами из аула на Малке-реке, и убийцы не взяли ни коней, ни оружия, ни овец, но только барана. На далеких черкесов не подумали.

Опасаясь кровавой ссоры, люди пожаловались русским властям. Посланные казаки абазины нашли в воде зарезанного барана, объединенного *чекалками*. Абазины знали о лечении курдючным салом и догадались, что погибшие ранили убийц.

Русские начальники и горские старшины приказали искать раненных, но таковых не нашлось. Соглядатаи были надежно перепрятаны у дальних соседей кунака.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сборы на охоту

Бездействие угнетало полковника. Он успел узнать многое о здешней охоте. Тут, оказывается, есть волки, зайцы, олени, медведи и другая живность, на которую охотятся у него в родном краю, но также встречаются туры, шакалы, зубры. Меха редких леопардов особенно ценятся. На мясо добывают кабанов и косуль или, по-здешнему, горных коз.

Время шло, а охотничья партия никак не собиралась. Он не винил князя и даже сочувствовал ему, так как хорошо понимал причину.

В Кисловодске все уже знали, что на другой день после вселения в гостиницу княгиня Хаснова обнаружила, что в комнатах нечисто и стоит дурной запах.

А после она объявила, что на южной стороне дома невыносимо жарко. Иван Григорьевич Ганиловский оказал любезность и поменялся с княгиней комнатами.

Перемена комнат не помогла, ей было плохо. На публике заявила: *«Bien sûr, partout sauvagerie et manque de civilisation! Nous vivons dans en lieu tout grossier et vulgaire. Les montagnes,*

*les seigneurs, les serviteurs c'est toute les racailles!*¹».

Да ещё звон клятого колокола, видите ли, её измучил. Утром своим дурацким бренчанием не даёт спать. Осудила других: «Как будто люди нуждаются в глупом напоминании, для чего они приехали к нарзану?»

Полковник Иван Петрович Бежитов усмехнулся своим мыслям: «Что с женщиной делает болезнь? Где хвалёная светская сдержанность? Куда подевалась терпимость, обязательная для *comme il faut*²?

Представляю, что она скажет о выступлении артистов в зале ресторации, которое обещают устроить. По поводу шумного бала она разгневается так, что подумать страшно!»

Прошло несколько дней.

Наконец, услужливый Пётр Найтаки помог Хасновым переехать по соседству в тихий бельэтаж к Реброву. Утром князь встретил полковника на променаде и пригласил к себе на ужин обсудить планы охоты.

Когда полковник пришёл к Хасновым, он нашел удивительную перемену. Нарзанное лечение показало всю свою силу. Княгиня Елизавета Федоровна ожила.

– Представляете, – рассказывала она полковнику, – мы занимали знаменитую комнату в ресторации. Сторож, солдатский ветеран, рассказал князю, что лет десять назад, как ему говорили, в этой комнате жил сам поэт Пушкин: «Такой, знаете, азартный! Проиграл сразу десять тысяч!»

На что полковник, читавший пушкинскую книгу о путешествии в Арзрум, сказал: – Точно, только не десять лет назад, а всего лишь семь по дороге с турецкой войны.

Князь благодушно пояснил:

– Правильно, в свете тогда сплетничали про его карточное *фиаско* с ветеранами наполеоновских войн, вроде бы нечистых на руку.

Знаешь, Лизонька, после победы над Бонапартом все радовались жизни. Тогда много играли. И по крупному тоже, –

¹ Конечно, кругом дикость и отсутствие цивилизации! Мы живём в грубом и пошлом месте. Горы, лекари, слуги – все сволочи! (фр.)

² как должно (букв.); соответствие правилам приличия (перен., фр.)

объяснил он молодой княгине.

Подали ужин. Откуда-то долетел запах кофе.

– Хотя бы обошлось без кофе на ночь, – понадеялся полковник про себя. Но уйти не посмел. Князь начал расспрашивать о подготовке к охоте:

– Нашёл ли ты, Иван Петрович, подходящую лошадку?

– Комендант крепости майор Никанор Иванович обещал проводников, пороху с пулями и лошадей на выбор. За деньги, конечно.

По всему видно, майор заядлый охотник. Он тут же пожелал присоединиться к компании. Зовёт в крепость выверить ружья и пригнать заряды. И манки ему тоже интересны. Пусть смотрит!

– Ты говорил, что его лошади не для охоты. Что теперь?

– Вы правы! Я их видел. Они вовсе не для настоящей охоты. Будет не охота, а расстройство! О лошадях скажу без экивоков, ход у них будто у раков в проруби! – Полковник чуть не сказал крепкое словцо. – Не знаю, где искать. Совсем отчаялся! Разве что у коменданта в Пятигорске? Вы, ваша светлость, не представите ли меня ради такого дела?

Он имел в виду временного коменданта укреплений на Водах полковника Петра Петровича Чайковского, старшего члена Строительной комиссии. Его возможности на Водах были почти безграничными. Майора Никанора Ивановича называли «комендантом» номинально, как старшего начальника на территории, защищаемой крепостью. Фактическим же начальником был Пётр Петрович.

– Посмотрю, – сказал князь Андрей.

Потом они, как знатоки, с удовольствием поговорили о ружьях, привезённых обоими, об осечках, о порохе и заряде, о кремне, о боевой пружине и прочих тонкостях, улучшающих попадание в цель.

Надеялись, что у привезенных ружей все в порядке – прицелы и мушки не придётся выстраивать заново, а достаточно будет заняться пороховыми зарядами, чтобы заполнить ими под сумки или газырницы, как заведено по здешнему обычаю.

Конечно, пристрелку они проведут не в крепости, а в горах.

Там на это всякое ущелье годится.

– Думаю, – сказал князь – комендант дал понять, что с ним следует согласовать место стрельбы возле крепости. Может быть, боится тревожить часовых и пикеты.

Не договоришься ли ты с ним о совместной пристрелке ружей и опробовании коней перед охотой? Я считаю, что его можно пригласить в нашу партию.

Оба, князь и полковник, были основательными охотниками и считали недопустимым легкомысленное отношение к такому серьёзному делу, как выбор охотников и лошадей.

Подали кофей с шартрезом, редким даже в столице. Полковник расстроился, глотая понемногу кофе на ночь, а князь сказал:

– Дружище Иван Петрович, вижу, расстроил я тебя расспросами о лошадях. Хочу обрадовать! Как ты посмотришь, если я предложу тебе испробовать карачаевского жеребца, что я купил у азиатов третьего дня вместе с черкесским седлом? Оно вдвое легче армейского. Если понравится, возьми коня и седло на охоту!

– Ты, Андрей Мстиславич, всегда найдешь, чем обрадовать! – воскликнул полковник. – Скажу по пословице: не дорог подарок, дорого внимание.

Благодарю сердечно! Признаю искренне, ты истинный знаток лошадей и, я уверен, что коня купил превосходного. Эти карачаи впрямь родились для охоты в здешних краях.

Они, конечно, не такие быстрые, как надо бы для скачки в поле, но выносливые и ловкие, с крепкими ногами, а их копытам в горах сносу нет даже без подков. Надеюсь, что конь к стрельбе приучен.

А то, что они по своей природе предпочитают не рысь, а иноходь и галоп, – так это охота, а не строй и не поход.

Выездка в этих краях особенная. Я знаю, что карачаи не выносят шпор, а нагайку терпят только с нежной лопаткой на конце, как у мухобойки. Но это всё никакие не сложности, когда знаешь, как подойти к коню.

Здешние наездники – народ мудрый, считают, что треба лошадей любить и нагайкой не лупити! Они не дикари, вроде некоторых, которые полагают: коли не бьёшь – значит не

любишь быстро ездить.

Полковник, несомненно, порицал какого-то беспардонного наездника с тяжёлой нагайкой. Увлёкшись, прибавил к начатому панегирику множество прочувствованных слов:

– Не говори, что преданный конь служит всаднику, как собака. Конь для всякого умного человека – друг! Ему можно вверить свою жизнь.

От века в век для любимых коней отводили лучшие пастбища и давали лучших кобылиц. Жеребят обучали и берегли как младших членов семьи. Взрослых лошадей не унижали, насильно объезжая через силу принуждения, а постепенно приучали к седлу с детства. Временами давали необходимую свободу. Так, естественная селекция и тысячелетняя дружба с человеком вывела породу карачаев.

Тут полковник подтвердил давнишние подозрения князя по поводу особой разумности местных коней.

– Бывает, что за заботу и доброту конь сообщает всаднику, что ждёт впереди в дороге. Споткнётся при выезде из дома, значит, не советует ехать. Бьёт копытом – ждёт дальняя дорога. Станет всхрапывать днём или, особенно, ночью да ещё поводить ушами – берегись, он чувствует опасность.

В ночной темноте найдёт путь и не даст упасть в пропасть. Если идёт охотно, тогда и ты будь спокоен. Коли ты заблудился или, хуже того, ранен, довезёт до дома. Друг тебя не подведёт!

– Да, батенька, ты тысячу раз прав! Будто стихами говоришь! – от души расхохотался растроганный князь, – Ясное дело – старый гусар!

– Все гусары имеют слабость к лошадям, – повинился полковник. – А ты, князь, дал мне испытать наяву редкостное чувство. Сердечная благодарность вашей светлости!

Решили завтра же заняться подготовкой к охоте. Полковник взялся пригласить коменданта присоединиться к компании и узнать у него, можно ли в крепости приготовить заряды и где пристрелять ружья. И сразу договориться о проводнике и лошадях для слуг.

Тем временем на дворе стемнело, и луна принялась бороться с мраком. Пока княжеский кучер седлал одолженного коня, князь и полковник, довольные друг другом, докуривали

трубочки, стоя под освещенным окном особняка.

Как только кучер привёл тёмно-гнедого красавца, друзья пожали руки и расстались. Полковник принял повод, похлопал по холке коня и передал повод Жан-Пьеру. Ночью не стоило ехать на незнакомом коне, даже если доверенный слуга понесёт впереди фонарь.

Всё получилось так, как было задумано. Как-то утром комендант прислал оседланных коней и пригласил в крепость на пристрелку ружей.

Позавтракав, князь и полковник отправились в крепость с ружьями, зарядами и слугами. Там к ним присоединился майор со своими солдатами.

По дороге в горы разговаривали об охоте на Кавказе. Князь спросил коменданта:

– Никанор Иванович мне рассказывали, что сейчас все казаки на Кавказе стреляют на лошади с левой руки, а не так, как армейские. Как они это делают?

– Они переняли это у горцев, – начал своё объяснение комендант, – ружье берут левой рукой за цевьё в середине веса и прижимают приклад к плечу. Правая рука свободно удерживает повод и нажимает пальцем на курок при выстреле.

Конечная поза напоминает позу скрипача. Хороший стрелок так же, как скрипач, долго выучивается. Отличные стрелки бывают столь же редки, как и виртуозы среди скрипачей.

Вы спросите, в чем преимущество стрельбы с левой руки перед правой? Отвечу. Вставлять на скаку заряд в ствол свободной правой рукой удобнее, чем левой. Поэтому следующий выстрел делается скорее.

Кавалькада добралась до подходящего ущелья. Высмотрели в качестве мишени светлый камень на склоне.

Меткий стрелок поставил высокие сошки и начал стрелять по камню, а слуги чистили стволы и заряжали. После нескольких выстрелов солдат сказал, что прицелы выставлены правильно, припиливать не надобно.

Осталось пригнать заряды, то есть, зарядив и выстрелив, смотреть, выше или ниже цели попала пуля. На склоне было хорошо видно, куда она ударяла, разбрасывая осколки камня.

Заряды, приготовленные полковником, посылали пулю заметно выше цели. Сделали по выстрелу из каждого ружья зарядами, приготовленными в крепости. Попадания были тоже несколько выше, но ближе к цели. Ружья и заряды признали пригодными для охоты. По предложению майора согласились заряды чуть ослабить.

Полковник пожелал испытать стрельбу на скаку. Отъехав и развернувшись, он пустил своего *маштака*¹. Эти карачаи переходят в галоп сразу с шага. Выстрелил, как положено, – влево не над головой лошади. Маштак чуть вздрогнул, с шага не сбился и не запаниковал.

Полковник сменил ружьё на заряженное и повторил упражнение. Результат были тот же. Спешился и, довольный, угостил лошадь морковкой. Он брал морковки с собой, чтобы приручить новую лошадь.

Остальные похвалили лошадь и полковника, но сами не стали упражняться – в себе и своих лошадях они были уверены. Полковник взглянул на князя и хотел выразить свою благодарность за прекрасную лошадь. Но князь покрутил головой и полковник промолчал.

По дороге в крепость обсуждали результаты и пришли к выводу, что дело было не в порохе и заряде. Скорее всего, попадание выше мишени было обусловлено тем, что горный воздух оказывает меньшее сопротивление пуле, чем воздух внизу в долине.

– Думаю, что немного не так, – возразил князь. – В этой местности высота гор умеренная. Скорее дело в том, что у новых ружей ствол глаже, а по ровному стволу пуля разгоняется скорее.

Никто не стал спорить с ученым князем. Ему виднее!

Конная охота

На другой день затемно собрались на плацу у Жантемировских крепостных ворот. Комендант, облачённый в

¹ *приземистый крепыш*

поношенный козий ергак², представил двух проводников.

Оба казака были одеты в выдающуюся одежду, называемую интендантами по-козлиному «бэ-у», то есть, «бывшую в употреблении». Каждый имел кинжал или большой нож на поясе сзади, а у седла притороченную сумку с охотничьим припасом.

На пароконной повозке сидел солдат. Две собаки были на поводках. Комендант, опасаясь сглазить удачу, неохотно объяснил, что денщика и повозку взяли на всякий случай и в поездке они не помешают.

А о собаках сказал, что они натасканные ищейки. Не очень казистые на вид, но достанут всякого зверя в лесной чаще и в камышах и голосом обозначат. Одну звать Пестрак. Услыхав кличку, пестро-черный убудок беспородной собаки и легавой поднял башку. Другой ищейкой была кудлатая дворняжка по кличке Рябка. Она завиляла обрубок хвоста.

Едва заметная то ли дорога, то ли тропа тянулась по волнистым холмам над ущельем, прикрытым клубами тумана. Холмы становились всё выше и выше.

Небо светлело. Слева над холмами показались первые солнечные лучи. Туман, клубившийся в ущелье, рассеялся, и открылись скалистые обрывы, уходящие вниз к бурной речке.

Волны холмов, по которым путники поднимались, густо покрывала подсыхая невысокая трава с приятным запахом. Местами виднелись выходы скал, украшенные отдельными кустами. В низинах кустарник переходил в лес.

Партия двигалась по-охотничьи неспешно и без шума. Копыт на траве почти не было слышно. Колеса на смазанных жиром осях не скрипели.

Полковник хотел спросить майора, смальцем или каким другим жиром заменяют здесь колёсный дёготь, чтобы не пугать зверя запахом, но забыл, увлечённый охотничьим азартом.

Солнце поднялось. Комендант то и дело прикладывал к глазу подозрительную трубу, разглядывая дали. Потом негромко скомандовал казакам и солдату остановиться у ближних кустов

² *кожан коротким мехом наружу*

и быть в готовности.

Проезжавшим мимо князю и полковнику шёпотом предложил спешиться и тихо-тихо подняться к куче каменных глыб, что виднелась на склоне впереди саженьях в двадцати. Оставили коней, захватили ружья и подсошки, продвинулись вперёд и приготовились, укрытые камнями

Перед ними в сотне саженьей паслось стадо в двадцать-тридцать голов. Два козла бодались. Шёл гон.

Беззвучно установили сошки и приготовили ружья. Полковник достал манок и посвистел. Козлы подняли головы. Полковник посвистел ещё раз и один из козлов побежал к ним, остановился и стал поворачивать.

Комендант зашептал князю: «Веди, веди!» Выстрелы прогремели один за другим. Козёл упал в траву. Стадо понеслось прочь и скрылось за гребнем холма.

– С полем! – сказал комендант и вместе со стрелками пошёл к трофею. – Рога прямые без сучков. Первогодок. Попали отлично: один в шею, другой разбил лопатки.

Солдат потащил козла к повозке.

Урядник спросил коменданта:

– Забегаем, Никанор Иванович, как условились?

– Забегаем, Григорий Михайлович, – ответил комендант.

Казачи, не опуская собак с сёдел, «побежали» на конях по тропе вперёд и скрылись за поворотом. Стрелявшие прочистили ружья и зарядили.

Солдат кучер, надрезав шею у козла, пустил кровь и принялся потрошить, негромко приговаривая:

– Чекалкам и воронам будет что пожрать. Всё же божьи твари живые! Им, как всем кругом, радостно угощаться на дармовщинку. Пусть пируют и веселятся! Глядишь, звериные боги помогут нам с добычей, как было давеча.

Князь достал трубочку и кисет. Суеверный солдат, отирая нож о шкуру и не меняя голоса, рассудительно сказал:

– Не стоит, ваша светлость. Здешние козы, как собаки, враз почуют хоть с ветра, хоть с подветра. Только их и видели.

И положил козла на повозку:

– Хорош! Больше пудика потянет!

Охотники сидели в тени кустов. Комендант сказал:

– Скоро полдень. Косули уйдут отдыхать в лесную тень, чтобы переваривать съеденное утром. Нам пора. Надо застать их в поле. Сытые они бегают плохо!

Все сели на коней и, оставив солдата с повозкой, поехали вслед стаду. Солнце припекало. Коз видно не было. Повернули влево к леску в балке. Комендант негромко сказал: «Не шумите! Птиц не тревожьте!» Затаились в кустах, держа ружья наготове.

Послышался далёкий выстрел. На верху холма показалось стадо бегущих коз. Когда оно приблизилось, комендант негромко скомандовал: «Цельтесь! Пли!». Выстрелили и спешно зарядили.

Конная охота с преследованием
под Кисловодском в XIX веке (фотомонтаж)

«За мной!» – закричал комендант. Все поскакали вперед. *Маши* так шёл в гору в разгон, прибавляя почти до полного галоп. «Чудо! – подумал полковник. – Добрый конь!» Цель двигалась влево. Конь взлетел. Выстрел. Старый гусар умел стрелять на скаку.

Вдруг из-за гребня холма показались казаки. Козы кинулись в россыпь. Комендант закричал: «Отсекай от леса!»

Животные были рядом. Началась гоньба и разрозненная палба. Офицеры стреляли с правой руки, а казаки – с левой. Казаки зарядили и выстрелили ещё раз.

Надо быть отличным стрелком и наездником, чтобы попасть на бегу. Это была настоящая джигитовка! Урядник снова попал. Коза перевернулась через голову и покатилась по траве.

Козы падали, но большая часть стада прорвалась через засаду и скрылась в зарослях. За ними, лая, умчались собаки.

Полковник забыл о своей одышке. Маштак часто дышал, но вспотел не сильно. Для отличного коня скачка была недолгой. Подъехали казаки. Подали полковнику потерянную шляпу.

Оставив коней, казак и полковник побежали в лес на злобный лай собак. Продирались с трудом.

Березы, рябины, осины, другие деревья были мельче, чем в России. Но здесь они смешались с лещиной, колючим терновником, кизилом и боярышником. Дикий виноград, хмельник и плющ перевили эту древесную смесь. Чаща стала бы непроходимой, если бы её регулярно не объедали и не прореживали животные.

Полковник отстал. Впереди заверещало раненое животное и смолкло. Когда полковник добрался, косуля с раной в боку и с надрезанной шеей лежала, высунув язык, бездыханная, а рядом, так же вывалив языки, часто дышали собаки. Казак и полковник взяли козу за ноги и потащили из леса.

Можно было возвращаться. Четырех коз и одного козла поволокли по траве на арканах, привязанных к сёдлам.

Майор подъехал к уряднику и стал тихо ему выговаривать. Полковник расслышал только слово «спешили». Скоро встретили повозку на тропе. Добычу отвязали, и стали дружно потрошить. Тем временем майор поехал на вершину холма, чтобы оглядеть округу в трубу.

Туши положили на повозку, и урядник предложил полковнику делить добычу по охотничьему обычаю. Полковник отвернулся и, не видя, на какую козу указывали, называл стрелка.

Вторую козу полковник получил по жребию, вытянув

наощупь тёмный камень, положенный в шляпу вместе со светлыми. Солдат накрыл добычу тряпкой от мух и солнца.

Возвратился майор. Расположились завтракать. Запив завтрак водой, угостили друг друга табачком, рецепты которого не стеснялись нахваливать. Набили трубочки и закурили все, кроме станичников, повидимому, староверов. Собаки жрали потроха. Солдат достал из повозки лоханку и вылил в неё остаток воды. Собаки жадно лакали. Солнце припекало во всю, когда партия отправилась домой.

На обратном пути довольные охотники наперебой вспоминали недавние эпизоды и, забыв о сословном недоверии, дружелюбно обращались друг к другу, будто случилось братство по оружию. Все хвалили ловкость урядника. Князь глубокомысленно заметил, что гнать на охоте зверя – первое дело и короли во все века делали это с удовольствием.

Урядник смело возразил ему:

– Так-то оно так, может быть это по-королевски гнать одного косоного или серого и пусть даже рогатого громадной сворой алчущих псов и скакать впереди бессчётной свиты? Только оно – не настоящая охота. Обыкновенное развлечение и баловство!

Наступила многозначительная пауза, как бывает, когда высказывается резко отличное суждение. Естественная мысль казака-старовера была воспринята будто банальность, недостойная малейшего внимания.

Князь обратился к майору и переменял тему разговора:

– Удивительно, что такие большие стада косуль пасутся близко к людскому жилью!

– Это что! – объяснил комендант. – Как мне рассказывали, лет десять тому назад жители гоняли диких козлов со двора, когда они вечерами приходили за домашними козами, возвращавшимися с выпаса.

Вокруг публичного сада выставили плетень, чтобы горные козы не поедали молодые посадки по утрам и вечерам! Сторожа там в парке, случалось, добывали козлятину. Плетень сохранили, но это от домашней скотины.

– Олени и туры тоже приходили? – спросил князь.

– Рогачи часто появлялись на соседних горках. Да и ланки с

оленьями. Теперь не то, добыть надёжно удаётся лишь в удалении.

– А что про туров? Какие у них замечательные рога! Говорят, что здешние туры самые крупные на Кавказе.

– Это правда! С ними не сравнятся туры ни в Черкесии, ни в Дагестане, ни в Чечне. Наши горные косули тоже крупные. Вот только в горном Карачае и даже в Кабарде охотиться стало небезопасно!

– Война?

– Война, ваша светлость, война! В дальние горы на охоту ни-ни. Вблизи тоже бережёмся, в одиночку или вдвоём не ходим и оружие непременно носим. Уже пять лет как горцы с запада совсем от рук отбились. В горах бродят толпы черкесских абреков.

Вы, верно, слышали, что под Эссентукской недавно убили казаков. На защиту выдвинулся отряд генерала фон Засса Григория Христофоровича. В прошлом году его назначили новым командующим Кубанской линии. Разбойники теперь в страхе. Засс, как до него Алексей Петрович Ермолов, никому ничего не прощает, всё знает и справедливо карает не по нашим, а по татарским правилам, которые им понятнее!

Полковник вмешался:

– А, вспомнил! Остзейский барон Засс среднего росточка с длинными русыми усами и плутоватыми глазами. Он ещё в турецкую кампанию отличился.

Князь заметил про себя, что барон, наоборот, был не плутоват, но, скорее, хитёр и будто с загадкой в поведении, а лицо и глаза были у барона, как у настоящего рыцаря. И рост у него был высокий. Но он ничего не сказал. Его больше волновала охота на тура, нежели обсуждение командующего. И князь обратился к коменданту:

– Это верно, что выходов в горы на туров нет?

– Точно так! Однако, не волнуйтесь! Здесь у нас надёжная защита. Вы заметили, ваша светлость, что при кисловодской штаб-квартире войска достаточно? Два года назад третий батальон Тенгинского полка, что стоял в Кисловодске, переименовали в Кавказский батальон.

Прежде на курсовое время гарнизон усиливали двумя

ротами солдат, эскадронами драгун и сотней казаков. Теперь солдаты мне оставлены на весь год. Заметьте, зимой тут не повоюешь, но солдат оставили! Кроме Кисловодска батальон занимает четыре сторожевых поста в горах.

На Кавказе, как только снег ложится, войска всех родов, как медведи, барсуки и всякие байбаки, впадают в спячку. Чтобы с удовольствием снабжать солдат довольствием, простите за дрянной каламбур, я начинаю готовиться к зиме с лета! Покосом занимаюсь. Держу лошадей и всякую скотину. Охота, как и рыбалка, дают неплохую прибавку к нашему рациону.

Садики, огородики, коровки, козочки имеют семейные солдаты. Значит, и себя и семью снабжают продовольствием сами. Да ещё имеют доход от курсовых. Жильё-то летом сдают. Семейных у меня большинство. Жёны ещё и вяжут и рукоделием занимаются. Их работы тоже покупают курсовые.

Представляете, ваша светлость, какая экономия выходит. Только муку, зерно и крупы, как и спирт, мы не производим, а покупаем. Ещё у меня в штаб-квартире есть всякие мастера: кузнец, повар, плотники, каменщики, скорняк, шорник, портной. Какие хотите, все работы делаем сами!

Можете представить себе, зимой у меня солдатiki в свои полушубки и тулупы одеты. Вот только пока валенки да шляпы не валяем, хотя шерсть легко можем иметь в немеренном количестве.

Взволнованный сложностью собственных задач, майор перешёл на разъяснение, как живётся здесь народу:

– Центральный Кавказ – это вам не Альпы! Разнообразие здесь необыкновенное. Теснины, водопады, ледники и самые высокие крутые горы – не то, что в Европе. Речек множество. Есть пустыни. Есть леса, но всё больше богатейшие луга. На них пасутся бесчисленные лошади, овцы и другой скот местных.

Вы сами, ваша светлость, видели отару, которую пасли собаки, и любовались на косяк кобыл и жеребят, ведомых жеребцом. Летом скотина вольно бродит по горам и пастухи, живущие в полевых кошах, навещают её. На зиму пастухи спускают живность с гор вниз в долины, где снега меньше.

Большая часть скота принадлежит немногим знатным старшинам. Это главное богатство их семейств. Они охотно

продают свою живность, меняют и скупают. Простой народ служит знати и очень беден: имеет мало скота и плохое жильё.

К русским относятся по-разному. Некоторые русских ненавидят, но все уважают силу, власть и деньги. И, хотя вблизи Кисловодска тихо, гарнизон неустанно держу в готовности. Знаю, что творится кругом. Есть казацкие дозоры, есть наблюдательные посты и укреплённые пикеты.

Комендант был, несомненно, толковым хозяином и умелым командиром. Пока комендант объяснял с увлечением местные порядки, полковник догадался, что князю не терпится раскрыть, «что на сердце лежит». И он вмешался в разговор:

– Жаль, что туров не добыть и рогов не видать!

Комендант поспешил сообщить:

– Рога привозят на базар. Можно даже выбрать. Если не найдутся, поручу купить у татар. Только скажите!

Довольный князь любезно сказал коменданту:

– Благодарю! Давно хочу украсить свой каминный зал. Пусть торговец зайдёт на усадьбу Реброва. Куплю, не мешкая, ежели будут подходящие рога.

Комендант обещал:

– Не стоит благодарности, ваша светлость! И не беспокойтесь! Это сущие пустяки. Устрою в ближайшее воскресенье.

Поговорили о здешних обычаях, из-за которых горцы украшают рогами алтари языческих покровителей охоты. Там рога – всем рогам рога!

Увидев крепость, комендант скомандовал денщику:

– Кузьма, развезёшь добычу по домам.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – ответил солдат.

Полковник Иван Петрович обратился к князю и коменданту:

– Господа, первый выход на охоту нашей партии надобно завершить достойно. Приглашаю ко мне в семь пополудни на скромный ужин. Ваша светлость, надеюсь, что вы и Елизавета Фёдоровна окажете мне честь и придёте по-соседски! Никанор Иванович, не откажите!

Полковник чувствовал себя замечательно. Теперь он был занят интересным делом. Закончилось пустое времяпрепровождение. Куда-то исчезло раздражение от мелких неустроен-

ностей быта и глупости слуг. Были забыты пустые разговоры и натужные развлечения.

Он был чрезвычайно доволен. Рутинная жизнь перестала быть главной для него. Жизнь получила яркую цель и явный смысл. Полковник занялся любимой охотой. Не простой, как у всех, а редкостной, которой можно гордиться и рассказами о которой можно удивлять соседей и друзей.

Полковник будто побывал в стародавних временах, ещё до царствования Романовых. Тогда бояре и дворяне поголовно увлекались благородной охотой, но такую, какая ему встретилась в горах Кавказа, даже они не видывали.

Вечером у Ивана Петровича в номере собрались гости. Задержавшийся Никанор Иванович был встречен веселыми шутками.

«Извините, господа! – сказал он – Служба!» Продолжая оправдываться, достал из сумки бутылку, выставил деревянные стопки, инкрустированные медью и насечкой.

Наливая напиток, заверил, что его ерофеич – особое лечебное средство. Не единожды перегнанный и настоящий на травах Кавказа почти без заморских ингредиентов, он поставил бы на ноги графа Орлова в два раза скорее смеси, приготовленной когда-то цирюльником Ерофеем.

Сотрапезники задохнулись от душисто-горького золотого напитка и, невольно приподнявшись, потянулись за нарезанным овечьим сыром. Сыр был наисвежайший!

Пока закусывали, комендант объявил, что дарит стопки на память о Кавказе. Они сработаны из местной ольхи, держат влагу и, как видите, формой напоминают античные *скифосы*. У него умельцы в крепости делают не только деревянные ложки и бирюльки. Глотая сыр, гости восхищались и благодарили дарителя.

Когда гости перешли к лавашу, купленному на базаре, и закускам, принесённым из ресторации, Никанор Иванович продолжил:

– Чувствуете, господа, как ерофеич возбуждает аппетит?

Вкушающие гости закивали головами. Тогда комендант прибавил к своей устной сигнатуре патриотические слова:

– Ерофеич целебен по-кавказски и до и после еды! Это вам

не какие-то чужеземные *absinthe ou apéritif et digestif en français* ¹! Предлагаю повторить!» Предложение одобрили. *Скифосы* наполнили снова. Выпили.

На столе уже стояло большое блюдо с запечёнными в тесте маринованными козлиными ляжками, которые тут же нарезали ломтями.

Мясо было удивительно нежным и вкусным. Для любителей острого к мясу прилагался местный соус, называемый *тузлук*². Все кивнули, вдумчиво жуя и глотая мясо, приправленное острым соусом. Достоинства кухарки оценили должным образом.

Пока слуги меняли тарелки, состоялась короткая дискуссия о сходстве и различии горских кинжалов и греческих мечей *ксифосов*. Все согласились с князем, коллекционирующим холодное оружие, как он признался.

Князь пояснил, что из этих видов колющего и рубящего оружия кинжал несколько короче, форма его не листообразная и в бою он дополняет длинную рубящую саблю. Выводы делайте сами.

Упоминание майора об анаграмме «*скифос – ксифос*» не показалось интересным. В компании не нашлось любителей заумных буриме, да и княгиня Елизавета справедливо заметила, что по-гречески всё пишется не сообразно со старославянским.

Потом княгиня поблагодарила хозяина и попрощалась с гостями. Покидая общество, отказалась от провожатого под тем предлогом, что живет в главном доме в этой самой усадьбе.

Слуги Осип и Жан-Пьер принесли мясо на ребрышках с картофелем и положили в тарелки. Как объяснил полковник, стряпуха готовила в казанах, как делают в походах. Блюдо вызвало всеобщее восхищение. На Кавказе оно было редкостью. Его настоящее время ещё придёт!

Удовлетворив аппетит, все отказались от ерофеича, предложенного вместо *digestif*, но согласились с мнением, что французское вино не портит вкуса кавказских блюд.

¹ абсент или аперитив и дижестив по-французски (фр.)

² чесночный соус с пряностями и травами на айране

Выпив по полному стакану, новые камарады принялись увлечённо выяснять, чем местная охота отличается от правильной, которую они устраивают в своих имениях. Горячась под обильное вино, вспоминали случаи с гончими, легавыми и борзыми и сравнивали со здешними ищейками и зверовыми.

Разумеется, осетинский пирог от Найтаки и копчёный окорок от князя не помешали дискуссии. Кахетинское после французских вин доказало родство с кавказской кухней. Когда сменили свечи, выяснилось, что собрание желает, не откладывая, устроить охоту на кабанов в камышах на Подкумке.

Разошлись под утро. Теперь полковник, князь и комендант при малейшей возможности бросали всё и уезжали охотиться. Полковник забыл, что он собирался идти на перепелов.

Увлечённый охотой на копытных, он оставил теренкур и прогулки по окрестностям. Ванны перенёс на вечерние сеансы, заплатив некую мзду. Иногда даже пропускал купания в нарзане, жертвуя здоровьем ради увлечения.

Своего отрицательного отношения к здешним балам не переменял до самого конца курса. Уезжая домой в имение, поблагодарил князя и вернул одолженного коня.

Перед отъездом щедро пообщался с каптенармусом из крепости. Узнал рецепт кавказского ерофеича и захватил пару-тройку бутылок домой для дальнейшего изучения.

Дома его рисунки и рассказы, подтверждённые внешним видом загорелого, поздоровевшего и похудевшего рассказчика, произвели фурор.

События на Кавказской войне интересовали всех. Про войну знали из газет и из рассказов воевавших родственников. Сочувствовали «Кавказскому пленнику» Пушкина и знали стихи вступления: «Где пасмурный Бешту-пустынный величавый, аулов и полей властитель пятиглавый, был новый для меня Парнас», а некоторые даже успели прочитать «Путешествие в Арзрум» в первом номере нового журнала «Современник».

Удивлялись необычной горной природе и изобилию дичи, странным нарядам и обычаям горцев, красоте горянок. Аплодировали лезгинке, которую им показал полковник.

Размахивая рукавами черкески, Иван Петрович семенял на цыпочках вокруг дочки, накинувшей кружевную шаль и подражавшей плывущему шагу девушки с Кавказа. Супруга Авдотья Гавриловна играла танцевальную мелодию на рояле. Зрители били ладошами ритм вместо барабана.

В собирании народных танцев и обычаев полковник не был одинок. Присутствующие согласились, что народное искусство привлекает всеобщее внимание.

Все уже слышали о необыкновенном успехе оперы «Жизнь за царя». Государю она так понравилась, что он подарил бриллиантовый перстень композитору Михаилу Ивановичу Глинке.

Дамы увлекались народностью. Друг перед другом щеголяли якобы крестьянскими платьями. Вошли в моду сарафаны и кокошники. Они прекрасно сочетались с малым числом украшений.

«Теперь дам не спутаешь с новогодними елками, введёнными в обиход императором, чтобы порадовать свою супругу немку», – сказал полковник. Присутствующие с готовностью засмеялись.

О кавказских минеральных водах слышали все, но подробностей не знали и опасались ехать из-за военных действий. Рисунки полковника разглядывали и удивлялись, как всё устроено. Собравшихся изумляло, что коллекция целебных вод излечивает разные болезни в одной местности. Не могли вспомнить подобное в Европе.

Когда услышали, что хозяин повторно поедет в Пятигорск с женой, некоторые гости решили тоже полечиться кавказской водой. Тем более, что это лечение стало столичной модой.

Раут у генеральши

В Кисловодске в светлом мезонине дома Реброва княгиня Елизавета Фёдоровна занималась утренним туалетом, когда князь Андрей сообщил:

– Утром заходил майор Никанор Иванович и передал записку для тебя. Мерлини Екатерина Ивановна приглашает нас на вечерний раут у неё дома в 6 часов пополудни. Читай! –

И подал записку жене. – Майор советует пойти. Говорит, что не пожалеем! Будет не журфикс, а прием в нашу честь.

Она читала, а князь настойчиво продолжал:

– Приглашены также знакомые тебе майор Никанор Иванович, полковник Иван Петрович и ещё графиня Екатерина Алексеевна Урлова. Три пары составятся.

Княгиня поспешно перехватила речь мужа:

– Знаю, что графиня гостит у Мерлини после курса в Пятигорске. Муж её, как тебе известно, чрезвычайно занят в столице. Из уважения к графине стоит пойти.

Князь улыбнулся и хотел подтрунить над склонностью жены к визитам:

– В Кисловодске дом генеральши единственный, где устраивают приёмы. Посему выбора у нас нет.

Но передумал шутить и продолжил рассказ:

– Майор рассказал много любопытного. Екатерина Ивановна весьма экстравагантная дама. Овдовела три года назад. Её покойный муж генерал-лейтенант Станислав Демьянович Мерлини из довоенных поляков Преображенского полка. Был неплохой генерал. Командовал 22-й дивизией Кавказского корпуса. Последние годы болел, и они жили в Пятигорске. Из дома не выезжали.

Я сказал майору, что её бедную, несомненно, измучили заботы о больном, и теперь она отдыхает.

– Трудно сказать, – ответил мне майор. – Дом у неё регулярно полон гостей, а нет их, так и её нет тоже. Она сдаёт несколько домов над Ольховой, но главный дом имеет в Пятигорске.

Муж её был коллекционером и собирал картинную галерею. Неплохая итальянская и всякая другая живопись. Генеральша рада всякому, кто приходит смотреть. Ещё у неё нередко бывает большая игра в вист или преферанс для гостей. Она и сама не прочь составить партию.

Если она приглашает на *partie de plaisir*¹, не отказывайтесь! – советовал майор. – Она приветлива и вы не пожалеете. Кроме того в здешних краях вряд ли найдешь лучшую хозяйку!

¹ вечеринка (фр.)

– Ты говоришь, будто нашел чудо! – засмеялась княгиня.

Князь слегка смешался. После паузы пояснил жене:

– Ты же знаешь, что в этой глуши хорошая живопись – редкость! Вокруг примитивное народное искусство. *My soul, like yours, craves for true beauty and honest hospitality.*¹

Он непатриотично произнес чужеземные слова, чтобы угодить своей жене. Она продолжала смеяться, а он продолжал:

– Майор утверждал, что приемы генеральши превосходят верзилинские, где дочери на выданье.

– Хватит об одинокой вдове! Нам пора, и мы не одни, – поторопила княгиня.

Их ждали слуги, чтобы сопровождать на ванны, завтрак, прогулку, водопитие и обед в ресторации.

Когда курсовой день подошел к концу и процедуры закончились, Хасновы отправились к генеральше Мерлини.

Её дом стоял за речкой Ольховой в ряду схожих домов, сдаваемых в наем. Это были небольшие четырехстенные срубы из деревянных плах на высоких каменных цоколях и под четырёхскатными тесовыми крышами. Перед входной дверью к срубам была приделана галерейка.

Дом генеральши по сравнению с соседними был увеличен за счёт пристройки и расширенной галереи. На галерею вели ступеньки. Стены были оштукатурены и покрашены в желтое. Галерея – в белое. Ставни и железная крыша зеленые. Двор с конюшней, сараями и летней кухней был огорожен невысокой побеленной стеной с зелёными деревянными воротами и калиткой. Ограда заметно выступала вперёд за красную линию, нарушая строй домов.

– Как я рада дорогим гостям! – с явным удовольствием проговорила хозяйка, спускаясь во двор по ступеням галереи. – Не могу передать словами мою радость!

Она была одета в лиловое шёлковое платье простонародного вида с белой кружевной оторочкой. На жемчужном ожерелье выделялись серебряный *фермуар*² и

¹ *Моя душа, как и ваша, жаждет истинной красоты и искреннего гостеприимства. (англ.)*

² *fermoir (фр.) – застёжка*

серьги в древнеславянском стиле. Было заметно, что хозяйка старается произвести впечатление.

– Не чаяла принять вас, уважаемые Елизавета Фёдоровна и Андрей Мстиславич, в моей лачуге! Как я рада встретить вас прежде, чем уеду в Пятигорск! Пожалуйте за мной!

Бодро поднималась по лестнице, приговаривая:

– Спасибо Никанору Ивановичу, что привёл. Я очень рада! Вижу, представляться нет надобности. Вы все знакомы между собой. Теперь и мне оказали этот приятный почёт.

Проведя гостей по галерее к открытой входной двери, Екатерина Ивановна обернулась и, пропуская вперед, сказала:

– Заходите, дорогие гости, в дом!

Передняя комната представляла собой светлую гостиную. В задней части дома, похоже, находились спальня хозяйки и комната служанки.

Стены гостиной были оклеены светло-серыми шпалерами, разрисованными полевыми цветочками. Пол чистый, дощатый. Потолок окрашен в нежно-голубое. В красном углу на полочках киота стояли темные иконы в серебряных и бронзовых окладах, лежали книги в потёртых кожаных переплётках и светилась подвесная лампада. У двери висела вешалка для верхней одежды, и лежал коврик для обуви.

Мебель была из ореха. Стены украшали живописные полотна в рамах из красного дерева. Они изображали лошадей и горные пейзажи. В середине выступал конный портрет генерала в парадной форме с оружием и наградами.

Под портретом стояло кожаное кресло, а под пейзажами красовались китайские чернолаковые полочки в перламутровых цветочках. На полочках стояли восточные керамические и резные божки, слоники и другие безделушки. В простенке на стене висело зеркало, под ним стояло канапе¹.

У стены раскинулась отоманка. На ковре, висящем на стене над отоманкой, теснились кинжалы и шашки, по виду побывавшие в деле. Между ними выделялись пистолет, ружье и газырница. В одном углу находился сложенный ломберный стол, в другом – комод.

¹ *canapé* (фр.) – небольшой диван, софа; маленький бутерброд

На обеденном столе, выдвинутом в середину гостиной, на белой скатерти были выставлены вазы с конфетами, печеньем, блюдо с розанчиками и пирожками. Середину стола украшал пышный пирог и четыре разноцветных хрустальных графинчика.

Нетрудно было догадаться по насыщенному цвету – с наливками: вишневой, сливовой, абрикосовой и малиновой. Графинчик с водкой соседствовал с блюдом, заполненным канале. В них на маленькие гренки были пришилены деревянными шпажками наборы из ломтиков красной и белой рыбы, мяса, колбас, сыров, раковых шеек, селедков, яиц и так далее и тому подобное.

Среди этого бесконечного разнообразия мелькали маслины и виноградины, дольки лимона, огурцов, припущённых корений и листки зелени. Не была забыта икра всяких видов. Масло было там, где положено, на гренках.

По кругу располагались шесть кувертов из хрустальных рюмок, мелких тарелок, салфеток и прочего.

На отдельном небольшом столе жостовский поднос ожидал прибытия самовара, чтобы, наконец, началось заваривание и настаивание чая. Тут же были вазочки с медом, вареньем, сахарница, молочник, стопка ложечек и чайничек.

Пока господа рассматривали картины, слуга подал хозяйке лаковую коробку с чайным листом и спросил:

– Ваше высокоблагородие, нести самовар?

– Неси, Палыч, неси! – ответила хозяйка. – У меня по простому, господа, всё полезно и целебно. Не будем откладывать! *Je vous invite à vous asseoir à la table!*¹ Садитесь, где кому удобно, да наливайте, что кому угодно!

Дождавшись, когда все расселись, скомандовала:

– *Votre Grâce, lisez la prière! Messieurs, buvez en l'honneur des dames! S'il vous plaît prendre des collations.*² Закуски домашние, наилучшие! А я, пока вы заняты, займусь заваркой.

Исполняя приказания, князь и майор налили дамам

¹ Я приглашаю вас сесть за стол! (фр.)

² Ваше светлость, прочитайте молитву! Господа, пейте в честь дам! Пожалуйста, возьмите закуску. (фр.)

наливки, какую кто пожелал, свою укрепили водкой. Закусили не одним канапе, взятым на свои тарелки.

Готова заварку, генеральша решительно спросила:

– Никанор Иванович, почему вы, любезный, не пригласили полковника Ивана Петровича? Что случилось? Я передавала ему записку заранее, ещё вчера.

– Он уехал сегодня рано утром.

– Как уехал? Я знала, что он собирался в дорогу, но не думала, что так скоро. Какая досада! Жаль, что не встретились и не поговорили перед отъездом. Всё-таки он давно знал моего Станислава Демьяныча. Ещё до персидского похода. Значит, князь Андрей, ваши большие охоты закончились?

– Да! Полковник был настоящий охотник: прекрасный наездник, меткий стрелок и отличный товарищ. А лошади, такого поискать! Пожелаем ему благополучной дороги.

Господа наполнили рюмки. Выпили.

– Будем охотиться на пернатых, – сказал майор. – Близится осень, самое время приступить.

Князь улыбнулся и переменял тему, неинтересную для дам:

– А ещё полковник кроме охоты и лошадей увлекался фольклором. Собирал танцы. Он говорил, что уже нашел несколько разных лезгинок. По нотам напевал и объяснял, почему чеченская строгая, а у наших черкесов суховатая, но чёткая. Всё не мог найти грузинскую, украшенную. Говорил, что съездил бы в Грузию, если бы не болезнь.

Поставив на конфорку самовара чайник, Екатерина Ивановна вздохнула и сказала:

– Мой покойный муж тоже увлекался местным фольклором. Князь, не знаете ли вы адрес полковника? Напишу ему, тем более что он хотел приехать с супругой в будущем.

Князь поспешил ответить:

– Адрес есть. Я вам пришлю.

Княгиня сказала:

– А помните, у нас грузины торговали оружием? Надо было бы полковнику поспрашивать у них о лезгинке.

– Он хотел. Но эти грузины на другой день исчезли, и больше их никто не видел. Так он сказал, – пояснил князь.

Майор заметил:

– Любопытный танец. Весь Кавказ его танцует, а уж казаки увлечены невероятно! Впрочем, ничего нет удивительного – в наше время горцев часто принимают в казачьи полки. Этот танец, можно сказать, родной для новых казаков.

Хозяйка развила музыкальную тему:

– Скажу вам, что он был не единственный меломан. В Ставрополе поселился на церковном послушании регент при Свято-Троицком соборе Александр Александрович Алябьев. В Пятигорске он лечился от тюремных болезней. Его государь лишил прав и состояния за убийство карточного шулера. Верно, вы слышали об этом недоказанном случае? На Кавказе Алябьев собирал народную музыку как композитор.

Княгиня откликнулась:

– Слышали. Все знают его и Козлова романс «Соловей мой, соловей». Его пели даже в опере на сцене Большого театра. В салонах его тоже охотно исполняют. Он такой выразительный!

Князь Андрей многозначительно посмотрел на жену и сказал:

– Лиза, душенька, спой нам!

Обернулся и, взяв гитару с канапе, спросил хозяйку:

– Екатерина Ивановна, позвольте?

И, услышав разрешение, сказал майору:

– Никанор Иванович, сыграй сегодня, как вчера. Было замечательно сделано!

Майор проверил настрой гитары. Княгиня пела с удовольствием и с чувством: «Соловей мой, соловей, го-о-лосистый со-о-ловей!». Все аплодировали, кричали браво, шумели:

– Превосходное пение! Какая песня! Небесные звуки!

Графиня, воздев руки, произнесла восторженно:

– *Bravissimo! Questo è il vero bel canto italiano.*¹

Все замолкли. Растроганная хозяйка промолвила: – *Mon Dieu! Magnifique voix!*² *Bellissimo!*³ – и, тяжело вздохнув, стала рассказывать:

¹ *Брависимо! Это настоящий итальянский бельканто. (итал.)*

² *Боже мой! Великолепный голос! (фр.)*

³ *Очень красиво! (итал.)*

– Помню, ещё был жив Станислав Демьяныч. Но уже сильно болел. Поэтому в 1832 году в день коронации мы не были на празднестве, на котором отличился Алябьев. Друзья нам рассказывали.

В Кисловодске устроили великий *байрам*¹. Собрались все. Съехались триста горских старшин и *узденей*². Приехало начальство из Пятигорска. Вначале большой хор и музыканты исполнили торжественный полонез, сочинённый Александром Александровичем к случаю. Пели весёлые песни и танцевали. Конечно, состязались в лезгинке! Устроили скачки и угощение.

Уверена, что если вы посмотрите у Алябьева партитуры опер или музыки к спектаклям, то лезгинку вы там найдёте. А из романсов мне нравится «Вечерний звон», особенно, как его поёт Никанор Иванович.

Никанор Иванович, не споете ли нам? Уверена, гости наши ещё не слышали вас! И не откажутся послушать!

Княгиня, обычно бледная, но сейчас порозовевшая после пения, смущенно поддержала просьбу хозяйки. Видимо, заранее полагала, что обрекает слушателей на музыкальные мучения.

Майор вздохнул и запел. Пока он пел – и хорошо пел, с чувством, – хозяйка, растроганная до слёз, сняла толстую утепляющую кукольную бабу с заварочного чайника, дождалась, когда служанка зажгла свечи в шандалах на столе и комод, и поставила чайник на стол. За окнами темнело. Служанка сменила посуду на чайную.

Князь и княгиня очень хвалили певца. Однако о том, что меланхолический романс им не понравился, они тактично умолчали. В отличие от «Соловья» в нем не было искры страсти. Они подумали, что меланхолия, как бы её ни просила русская душа, была неуместна в доме энергичной вдовы.

Хозяйка пригласила гостей к чаепитию. Чай и пирог с вишнями произвели сильное впечатление, в чём гости признались чистосердечно, а майор не удержался и сообщил,

¹ праздник (тюрк.)

² В Кабарде и на Западном Кавказе дворянин, прислуживающий князю. В Дагестане свободный поселенец общинник.

что чай настоящий цветочный прямо от купца Боткина из Москвы. Хозяйка налила им по второй чашке и предложила попробовать пирожки с вишней.

После спросила княгиню, какие красивые места они осмотрели в Кисловодске. Похвалила, что съездили на Кольцо-гору. Заметила, что могли бы добраться верхом на дальние синие горы Джинала. Оттуда виды завораживающие! Стоит пройтись пешком и посмотреть близкий водопад на Ольховой, если найдется часа два свободного времени. Идти надо от терренкура, а можно из слободы.

Пока гости пили чай и ели вкуснейшее угощение, хозяйка нахваливала красоту Медового водопада, расположенного под Кисловодском. Он доступен для всадников и экипажей, и поездка туда интересна. Очень советовала побывать и огорчалась, что не сможет присоединиться к ним.

Она собирается в Пятигорск. Необходимо присмотреть за осенними работами, иначе эти бестолковые работники оставят дом без запасов на следующий год. Она вернётся в Кисловодск лишь в конце сезона, чтобы здесь подготовить всё к зиме.

Князь ей посочувствовал, а княгиня подумала: «Хорошо, что эта говорливая особа не поедет на водопад вместе с нами!»

Прощаясь под луной и звёздным небом с дорогими гостями, Екатерина Ивановна сказала:

– В следующий раз жду вас всех в Пятигорске! В любое время буду рада принять вас. У меня всё по-простому. Можете приходить в любое время. Но удобнее всего в вечернее, и пораньше. Только известите заранее, чтобы я смогла быть дома. Надеюсь, мы встретимся снова, и я буду счастлива оказать вам настоящее кавказское гостеприимство!

Никанор Иванович, простясь, ушёл. Слуга с фонарём проводил княжескую чету через мостик над шумной Ольховой, провел мимо колодца нарзана, булькающего в темноте, сопровождал в гору и оставил у порога ребровского дома. Готовясь ко сну, княгиня сказала, улыбаясь:

– Хорошо, что ответный раут устраивать не надобно! Не состязаться же в кавказском хлебосольстве. На курсе врачи не советуют чревоугодие, и я согласна с ними!

На её простодушное замечание князь ответил откровенно:

– Почему, когда объешься, тогда французские канапЭ ассоциируются с египетскими канОпами? Понаследили везде языком эти чертовы французы! Из-за последствий обжорства не позабыть бы отослать генеральше адрес полковника!

Всё у тебя юмор солдатский! – возмутилась княгиня. Он не отвечал. Видимо, обиделся. Тогда она, замолила свой грешок, и получила от него обещание, что они посетят водопады, когда она пожелает, и он устроит пикник, какой она захочет.

Поездка на водопад

Княгиня Елизавета Федоровна пожелала насладиться природой в окрестностях Кисловодска. Считала, что пикник следует провести обязательно на английский манер. В шутку сослалась на библию:

– «В начале было слово...». Слово было записано. Но англичане, записывая его, отказались от изысканного французского *la pique-nique* и жесткого немецкого *ein Picknick*. Приняли простое *picnic* и доказали, что лучше британских пикников ничего быть не может.

Но она была не права!

Первооткрыватели пикников устраивали складчину, а её забавы с друзьями оплачивал муж. Скупым англичанам, французам и немцам подобная щедрость даже не снилась. Потому, что князь Андрей Мстиславич был патриот и безоговорочно любил молодую жену Лизоньку. Он сказал ей:

– Они поют «правь Британия морями», а мы на это ответим «гром победы раздавайся».¹

И князь с чувством пропел куплет и припев екатерининского гимна российской империи:

– Гром победы раздавайся!/ Веселися, храбрый росс!/ Звучной славой украшайся,/ Магомета ты потрёс!// Славься сим, Екатерина!/ Славься, нежная к нам мать!

Допев, сказал:

– Дорогая, заверяю тебя, у нас пикник будет намного лучше, чем у британцев!»

¹ старинные патриотические песни 1740 и 1791 г.г., соответственно

Первой в поездку позвали графиню Урлову. Графиня не думала отказываться. Наоборот, была рада побывать *sul vero Caucaso naturale*² вместе с любезным семейством.

Пригласили также коменданта кисловодской крепости майора Никанора Ивановича, с которым князь хорошо сошёлся на охоте. Сразу исчезли сложности с лошадьми и повозками.

Майор обещал наилучшую охрану – двух знакомых по охоте казаков и вооружённых кучеров-солдат к двум телегам из крепости. Посоветовал князю непременно взять оружие, а себя, младшего по званию, предложил в начальники экспедиции. Всё-таки ему здешние места не в новинку! Князь согласился.

Ресторатора Петра Найтаки намерение князя устроить пикник обрадовало. Получалась репетиция отдыха на природе, который Петр Петрович Чайковский, новый директор Строительной комиссии, замыслил для императора.

Пётр Петрович говорил, что государя привлекает необычное, и Найтаки рассчитывал провести императорский пикник интересно. Предстоящие хлопоты были удачей, обещавшей внимание государя и благоприятное будущее.

Князь Андрей решил совместить пикник с поездкой на водопад. Он не сомневался, что должен увидеть эту природную редкость собственными глазами.

Княгиня пожелала, чтобы на пикнике играли восточную музыку. Пётр сказал, что на примете есть и барабанщик и зурнист. Для полного ансамбля он поищет домриста.

Составили меню. От ягод, фруктов и арбуза отказались. Пётр не удивился. Он знал, что так делали, чтобы исключить неудобства, испытываемые вследствие сильного действия нарзана на желудок.

Князь сообщил, что вино он привёз своё и передаст бутылки Петру. Настаивал на покупке местной запеканки. Княгиня выказала сомнение. В ответ князь сказал, что после трудной поездки рюмочка запеканки будет полезна, а людям стаканчик придаст бодрости и настроения. Он сам её пробовал, и она ему понравилась.

Пётр заверил, что запеканка будет наилучшая. В прошлый

² на настоящем природном Кавказе (итал.)

сезон он знакомился с местной обстановкой, когда начал заниматься ресторацией. Выбирая поставщиков, узнал, где делают запеканку хорошо. Теперь это знание пригодились.

Меню княгиня одобрила. Пётр рассчитал расходы по обычным ценам, не забывая, конечно, свой доход. Князь оплатил всё наперёд. Петр был доволен. Исчезла нужда тратить лишнее и рисковать своими деньгами.

Княгиня огорчилась, когда узнала, что до водопада в экипажах добираются объездным путём и что такая далекая поездка в военное время опасна. Лучше ехать верхом по короткому пути через ущелье вдоль реки.

Она не боялась путешествовать на лошадях, однако, выразила беспокойство по поводу сёдел. Дамское седло для гор не годилось, а черкесским, удобным для мужчин, дамы не пользовались. Княгиня Лиза решила надеть мужские панталоны под юбку.

Князь Андрей одобрил её решение:

– Ты, голубушка, едешь верхом так превосходно, что никакой наряд тебе не помешает. Во всяких нарядах ты хороша! Да и графиня, хотя в возрасте, тоже неплохая наездница.

И заботливо прибавил:

– Лазать по горам в длинной амазонке было бы не с руки. Поступим разумно. Для движения по пересечённой местности одежду выберем самую удобную.

Наконец, хлопоты закончились, и пришёл назначенный день.

Выехали пораньше по холодку. Не доезжая до казачьей станции, переправились через речку Берёзовую.

Перевалили невысокую холмистую гряду водораздела и оказались в неширокой долине. По её каменистому дну бежала речка Аlikоновка. Вскоре долина превратилась в неглубокое ущелье, по местному, «балку».

Малоезженная дорога или, правильнее назвать, тропа извивалась между грудями камней и пересекала каменистое русло по легко проходимым бродам. Причудливые скалистые края балки то сужались, то расширялись, пока не привели к

зелёной поляне, окруженной кустарником и редкими деревьями.

Здесь отряд разделился. Пётр, солдаты и слуги остались, чтобы обустроить бивак. Майор приказал солдатам слушаться Петра. Господа двинулись дальше по дну балки.

Впереди ехали настороже князь и майор, вооруженные пистолетами, шашками и кинжалами. За ними двигались дамы. Замыкали группу, чуть отстав, два казака. Заряженные ружья расчехлили.

Перед всадниками открылась выгоревшее под солнцем пустынное пространство между скальных стен, осыпей и упавших камней. Ветер стих и стал ощущаться солнечный жар.

Ближе к левой стене балки бежала быстрая речка. Монотонный шум потока воды заглушал стук копыт.

Графиня сказала:

– Странное место!

Княгиня не расслышала приятельницу изза речного шума, подъехала ближе и громко спросила:

– Катиш, что ты сказала?

Графиня, напрягая голос, призналась:

– *Betsy, ce désert de montagne m'a rappelé Nevsky. En été, c'est le même désert. Les maisons sont comme des rochers locaux et la perspective est sans équipages, sans piétons ni cavaliers.*

Je ne peux pas oublier les habitudes urbaines même dans le lointain Caucase. Cette année, j'ai reçu peu de traitement à cause de mon Sergey Semenovitch. Vous savez qu'il travaille beaucoup tout l'été.¹

Княгиня Елизавета, перекивая шум реки, согласилась:

– Ты права, дорогая. Твоему умному супругу не мешало бы отдохнуть. Должность его трудна, а дела, знаешь ли, могут измучить даже крепкого человека! Хорошо, что ты о нём

¹ *Бетси, эта горная пустыня напомнила мне Невский. Летом это та же пустыня. Дома похожи на здешние скалы, а перспектива без экипажей, без пешеходов и всадников.*

Не могу забыть городские привычки даже на далеком Кавказе! В этом году я мало лечилась из-за моего Сергея Семеновича. Вы знаете, он много работает все лето. (фр.)

заботишься и поддерживаешь. Жаль, что он не приехал.

Обе собеседницы перешли на французский и увлеченно стали делиться светскими сплетнями.

Княгиня сказала:

– Ты заметила верно, что здешнее место похоже на летний Невский! Так же величественно и просторно. Город пуст летом, почти, как эти скалы.

Весной, едва погода теплеет, императорский двор переезжает в Царское. Все тянутся за ними, как птички перелётные. В пригороде дачи переполняются. Общество торопится на природу!

В это время замечательные пикники проводятся! – воскликнула княгиня. – Помнишь тот с танцами и цыганами, который был у нас в прошлом году на Иванов день?

Тут княгиня перешла к главному:

– Где сейчас император? Здешние жители его ждут, не дожудтся.

Графиня охотно сообщила, что узнала от мужа:

– Напрасно ждут. В этом году, наверное, он не поедет на юг. Император Николай Павлович только что вернулся из поездки в Казань. Там шли такие дожди, что дорогу, приготовленную для его проезда, развезло – не проехать. Ему и свите пришлось спускаться из Нижнего по Волге на срочно переделанном грузовом пароходе.

– А что в Казани? Всё ли удалось осмотреть?

– Город государю понравился. Ты же знаешь, что он в своих поездках по России, заботясь о народе, всегда интересуется состоянием медицины. В Казани осмотрел университетскую клинику.

Когда не обнаружил там больных, удивился, что у богоугодного заведения бывают каникулы. У бога-то нет перерывов! Государь оценил по заслугам новое ученое слово в медицине. Говорят, попало кому надо и как следует!

Княгиня, узнав, что хотела, переменяла тему:

– Скажи, в свете всё ещё говорят о спектакле «Ревизор» в Александринке? Он мне очень понравился. Было так смешно!

Государь прекрасно разбирается в сатире. Он смеялся и после сказал: «Всем досталось, а мне более всех!» В близком

кругу государыня уверяла, что в домашнем спектакле ему особенно удавалась комедийная роль квартального надзирателя.

Графиня с готовностью рассказала, что слышала:

– Автор этого наисмешнейшего сочинения Николай Васильевич Гоголь-Яновский, оказывается, чудная личность. Представляешь, после спектакля не вышел на комплимент! Артисты, видите ли, не поняли его пьесу и неправильно играли.

Как можно? Всем и государю было удовольствие, а ему нет! Право слово, чудак! А ведь пьеса, по правде сказать, лучше мольеровых!

Говорят, что он из среднепоместных Полтавской губернии. Но высокомерие, как у важного лица! Верно, в предки гонористые поляки затесались. Разобидевшись на театр, уехал в Германию. Представляешь себе!

Милая, ты слышала, что в этом году в «Современнике» будет напечатана его сатира под названием «Нос»? Вроде нос какого-то майора гуляет по Петербургу. И нос имеет высокий чин! Статский советник! Каково? Похоже, что насмотрелся на собственный нос! Ты знаешь, он у него весьма длинён.

Княгиня вернула разговор к главной теме:

– Скажи, что было после возвращения государя?

Графиня продолжила:

– После того, как я уехала, в Гатчине он занялся большими военными маневрами. Да ты, верно, сама читала в газетах! Войска с весны переместились из столичных казарм в летние лагеря. Как всегда, при государе маневры проходят отлично!

И услышала новый вопрос:

– А как поживают твои подопечные кавалергарды?

Графиня ответила, перебивая шум реки:

– Молодцы кавалергарды ея императорского величества расположились, как обычно, на Васильевском острове. Они в наилучшей боевой форме, и радуют свою царственную попечительницу Александру Фёдоровну.

Княгиня спросила, улыбнувшись:

– Как там боевая форма у шалопая красавчика Жоржа Дантеса? Он по-прежнему волочится за госпожой Пушкиной?

– Откуда ты знаешь? Тебя же не было в столице!

– Э, кто на Кавказских Водах не знает, что делается в столицах? Скажи мне, чем нынче заняты серьёзные умы?

Графиня стала громко рассказывать:

– Скажу самое интересное. Пушкины сняли не по чину дачу на Васильевском. Представляешь, пятнадцать комнат! Александр вывез туда Натали с детьми. И вопреки приличию поселил там же своячениц Александрин и Катрин.

Видать, Гончаровы после сомнительного замужества младшей торопятся найти женихов для оставшихся старших дочерей. Что же. Бывает! Не их вина! Обе-то сёстры долгонько невестятся, потому как не богаты и не красавицы. В обществе полагают, что вряд ли что у них сладится!

Рассказчица перевела дух и продолжила:

– На даче весь полк перебивал. Без конца приёмы. Танцы, шум и гулянья. Говорят, что Жорж увлёкся хозяйкой. Заметно, что Натали он тоже нравится. По томному виду определяют, что она влюблена, но, я слышала, ей неможется после четвёртых родов.

А новорожденную-то, представляешь, тоже назвали Наташкой. Второй Сашка у них уже есть, да ещё Машка и Гришка.

Ты не поверишь, оказывается, все знают, что этим летом от Жоржа без ума Катерина, сестра Натали. Я удивляюсь, какие надежды она питает при сестре-красавице?

А сам съёмщик дачи, наш знаменитый поэт и любимчик императора камергер Пушкин, всё ездит в город по делам. Деньги достаёт. Кругом расходы! Весь в долгах! За всю родню расплачивается.

Помнишь, как он выкупил под вексель у Энгельгардтов скандального братца Льва. Представляешь, братец не заплатил за полгода проживания в гостинице на Невском и сидел сиднем, не выходя за порог. Боялся, что выкинут на улицу и обратно не пустят! Как настоящий Хлестаков из «Ревизора»!

Опять же Пушкину двух своячениц содержать приходится. Спасибо ещё, что жену опекает на свой счёт тётка фрейлина Загряжская

А дома у него такие шашни творятся! Будешь тут мрачнеть, когда Жорж везде болтает, что приезжает к Екатерине, а сам тайком ухаживает за Натальей.

Княгиня согласилась:

– Помнишь, каким мрачным был Александр Сергеевич, когда прошлой зимой на балах скромница Натали, наряженная благодаря заботе тётки фрейлины, краснела и глазки опускала перед расфуфыренным французским петушком, а тот вёл себя нагло и развязно настолько, что все это заметили.

Внезапно князь Андрей выпалил по-русски:

– Ох, бабы, бабы! Разве можно ожидать разумного поведения от вас, когда дело касается чувств. Прямо с ума посходили! Как же! Кгасавчик, фганцуз, танцог да ещё багон! Поганец и больше ничего! Сплошное г...!

Какой он барон? Все знают, за какие заслуги старый вертопрах посланник Геккерн усыновил парижского курсантишку. Прости, господи!

Неприлично такое говорить при дамах! Но того вы не предвидите, что всё это плохо кончится! Или из любопытства вы хотите увидеть гадкий конец г...юка? Пушкин-то дуэлист известный, и спуска не даст.

Побережь бы благоверных! Где найдёте других дураков, которые полюбят вас со всеми вашими причудами? Прощения прошу! Вырвалось, знаете ли!

Князь запыхтел и послал лошадь вперёд. Поражённые внезапной тирадой князя, дамы замолчали.

Комендант, возглавлявший отряд, едва удержался, чтобы не обернуться. Делал вид, что ничего не слышит.

Он будто бы поправлял что-то у седла и искал повод, который вроде бы потерял, но не мог подхватить, как не исхитрялся, потому, что конь не шёл ровно. Сам же майор незаметными наклонами и шенкелями понуждал коня сбиваться с шага.

До водопада кавалькада продвигалась молча. Когда ущелье сужалось, они поднимались по склону выше бурной речки. Когда ущелье расширялось, спускались к воде.

Тропа то и дело исчезала. Заметно было, что её редко топтали люди и скотина. Броды преодолевались без затруднений, подковы не скользили по камням, чистым от водной зелени.

Опытные всадники знали, что при переправе нельзя

смотреть на быстрюю воду. Перед глазами старались иметь неподвижный предмет.

Путь показался длиннее, чем предполагали. Ущелье продолжало суживаться и углубляться. С правой стороны наверху поднялась огромная скала.

Майор сказал:

– Почти приехали. Эту скалу за её высоту называют Орлиной. Она служит ориентиром, поставленным природой у водопада. Слышите шум падающей воды? Шесть вёрст пути остались позади.

Всадники продвинулись вперёд и увидели, как слева со скал в речку падает толстая струя воды. Чуть дальше по речке среди нагромождений огромных камней виднелись водопады меньшей высоты, но более мощные.

Поражённый видом, князь воскликнул:

– Красота! Сюда бы Гавриилу Романовича Державина, если бы он давно не помер. Как звучно он воспел бы здешние красоты и кавказские победы в одах! Наши великие старики умели восхищаться красотами и героями в полный голос.

Графиня с чувством произнесла:

– Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи! – и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжжённый гром и чёрный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

– Bravo, bravissimo, Гаврила Романыч! – похвалил князь графиню.

Графиня заключила свою декламацию моралью:

– Тайны и красоты природы открываются поэтам!

А княгиня восхитилась:

– Памятные строфы! Как мило, как чудесно!

Проехать к водопадам на лошадях через нагромождение камней было невозможно. Оставили лошадей казакам и осторожно пошли в расщелину, поддерживая дам. Спуск к воде оказался несложным.

Снизу водопад производил внушительное впечатление. Летящий с высоты девяти саженей и распадающийся в воздухе на мощные струи поток прозрачной воды окружали клубы мелких брызг. Низвергающиеся струи непрерывно били в бурлящее ложе реки, покрытое облаком тумана. Грохот стоял оглушительный.

Медовый водопад в Ореховой балке и Орлиная скала
(фотомонтаж)

Рядом зеленели кусты и трава. Цветы всё украшали. От буйства природы и мерцания летящего потока кружилась голова, и тело будто покачивало.

Князь зачерпнул ладонью воду. Галантно стал на колени и поднёс открытую ладонь с водой княгине, изобразив покаяние. Майор и графиня рассмеялись.

Княгиня со склоненной головкой и лукавым взором положила на ладонь князя букетик полевых цветов, который она держала в руке. Графиня и майор аплодировали состоявшемуся благословению семейного счастья цветами и водой.

Настроение прибывших улучшилось, и размолвка была оставлена. Князь прокричал:

– Давайте попробуем, насколько сладки эти воды.

Сполоснули руки, и попили из ладоней. Ледяная вода показалась приятной на вкус, но не мёдовой, как они думали. Спросили майора почему.

Майор рассказал, перекивая грохот:

– В расселинах скал возле водопада когда-то часто находили гнёзда диких пчёл. Пчёлы то ли замёрзли, то ли их варварски извели, когда добывали мёд. Пчёл нет, но осталось красивое название Медовый водопад.

Уловив внимание слушателей, майор принял вид *чичероне* и, указывая на падающую воду, продолжил, не переводя дыхания, поэтический рассказ:

– Перед вами низвергается мощный поток воды потому, что в горах прошли дожди. Можно сказать, что нам повезло наблюдать поток в его наилучшем природном виде.

В сильные дожди получается нечто невообразимое, мощное и шумное. Природа обнаруживает свою страшную силу, чтобы люди не забывали своё место на земле. Я не советую вам спускаться сюда в такое время. Бурлящий поток всё ломает и перемалывает так, что скалы дрожат.

Но, если с небес поступает мало воды, что обычно бывает в середине лета, водопад утрачивает грозный вид, становясь обманчиво тихим и ласковым.

Зимой он едва журчит и неспешно творит причудливые наледи и огромные сосульки, сверкающие под лучами солнца. Они тают, и от капли мокрая ледяная гора переливается цветами радуги.

Княгиня лукаво спросила *чичероне*:

– Майор, разве зимой вы тут тоже бываете? Что здесь делать, водопад-то останавливается, не правда ли?

Майор не обиделся, и объяснил, что зимой они наезжают

сюда, чтобы охотиться. Князь, перекрикивая водопад, стал пытаться майора про зимнюю охоту на Кавказе.

Но княгиня поспешила прервать их беседу, напомнив, что пора возвращаться на пикник. Верно замечено, что *a picnic is the best hunting for the ladies*¹.

Полюбовавшись играющими струями текущей воды, путешественники пошли к оставленным лошадям.

Казачи указали на двух всадников на верху горы. Всадники были неподвижны и, кажется, наблюдали. Подняться к ним по крутому склону было невозможно, и казаки помчались в объезд.

Князь и комендант осмотрели пистолеты. Казаки вернулись ни с чем, соглядатаи успели скрыться.

На обратном пути все внимательно вглядывались в окружающие горы, но больше никого не заметили.

Кисловодский пикник

До возвращения господ было много времени. Тем не менее, Пётр, по своей привычке, не мешкал и распределил людей по работам.

Однако прежде осмотрел свои пистолеты и заставил солдат вспомнить об оружии. Заряженные ружья выставили пирамидой и приготовили запасные заряды. В горах оружие надобно всегда иметь под рукой.

Ему помогал Кузьма денщик коменданта, и солдаты исполняли приказания быстро.

Одному солдату велел взять оружие и отправиться дозорным наверх по ближнему склону. Отдав приказ, Пётр отошёл, чтобы не слышать возражений.

Солдат недовольно проворчал, что ездят тут всякие шпаки, без нужды гоняют людей. Но полез исполнять. Пётр не переживал из-за глупых слов, дело делалось.

Кучер Тохтар отвёл на лужок и стреножил ездовых лошадей. Слуга князя, денщик майора и солдат кучер первой телеги загнали в тень кустов повозку с едой, привезённой из ресторации.

¹ пикник - лучшая охота для дам (англ.)

С телеги сняли связанного барана. Им занялся денщик. Со второй телеги сгрузили дрова, расставили походные треноги на кострище, сложили костры и повесили казаны.

Слуга князя принёс вёдра с чистой водой, которую привезли с собой из ресторации, учитывая, что воду из речки не будет времени отстаивать.

Хотя она в речке текучая и питьевая, и дожди её не замутили, но Пётр к воде относился очень строго. Даже в ресторации следил, чтобы колодезную отстаивали.

Не дай бог, если узнает, что этого не сделали и у посетителей песок может заскрипеть на зубах. Чистота на кухне была его слабостью.

У костров командовала Лукерья, новая повариха. Она позвала Петра Афанасьевича ради самой важной заботы.

Пётр достал из носимого непромокаемого кожаного мешочка кремь, кресало и трутницу. Высек искру на сухой трут и раздул огонёк. От кусочка трута запалил пучок сухой травы и растопку костра. Перенёс огонь на второй костёр.

Слуга и солдат установили стол для поварихи. Слуга остался следить за огнём, а солдат отправился собирать хвост, так как дров могло не хватить. Девушки, оставленные господами, помогали поварихе готовить плов и баранину.

Тохтар и музыканты принесли из подводы военную палатку. Разложили её в подходящем месте, указанном Петром. Затем на угловых стойках подняли и растянули тент, дающий тень от яркого солнца.

Рядом устроили небольшую загородку для дам. Разложили в тени ковры и подушки для отдохновения. Собрали разборные столы, взятые из крепости. Расставили привезённые стулья.

Солдаты принесли нарезанных веток и позвали девушек, освободившихся от приготовления еды. Пересмеиваясь и перешучиваясь, они украсили стойки палатки ветками и повесили зелёные гирлянды.

Пётр отнёс бутылки и кувшины к речке и устроил в воде, чтобы охладить.

Накрыл белыми скатертями столы. На обеденном столе разложил простую сервировку.

Господа вернулись почти в то время, когда их ждал Пётр.

Лошадей у них приняли кучер Тохтар и денщик Кузьма. Не расседывали, а лишь привязали к деревьям, ослабив подпруги. Казаки использовали ту же природную коновязь. Коней также не расседывали.

Размяв ноги, затёкшие от долгой езды в седле, устроились отдыхать на расстеленных бурках. Ружья положили подле себя.

Пётр доложил коменданту, что всё спокойно, на горе выставлен дозорный, и пришла пора его сменить. Майор послал сменщика.

Князь и комендант сходили в кусты туда, «куда царь ходит пешком». Вернулись, сняли и аккуратно положили рядом оружие. Обнажились до пояса.

Слуга и денщик облили смеющихся господ ледяной водой из речки и растёрли рушниками. Весёлые князь и комендант надели чистые рубахи. Причесали мокрые волосы и усы перед зеркальцем.

Их сложенная в армейском порядке одежда была увенчана *casquette en français*¹ князя и *kpis de l'infanterie*² коменданта. В загородке девушки переодели барынь *en rustique de style russe*³.

Оживленные господа сели за стол. На тарелках перед ними красовались сочная говяжья шейка и свиной окорок «со слезой». К ним прилагались уксус, горчица, хрен и малосольные огурцы. Их поддерживала квашеная капуста на меду.

Салатницы заполняли солёные грибочки, светлая продельная белужья икра и свежее сливочное масло в каплях ледяной воды. Не забыт был швейцарский сыр, нарезанный листочками. Тёплый хлеб прибавлял свой сытный аромат к резким запахам закусок.

Но главная гордость Петра помещалась в кокотницах. В ресторации кокот из куропаток с шампиньонами томили в русской печи. Готовили по торжественным случаям, хотя могли бы делать каждый день, ведь на лугах под Кисловодском куропатки и грибы имелись в изобилии.

Отставной солдат Нефёдыч, работавший при ресторации

¹ каскетка по-французски (фр.)

² пехотная фуражка (фр.)

³ в деревенском русском стиле (фр.)

сторожем и дворником, натаскал свою дворняжку на поиск грибов и теперь торговал добычей на базаре. Он брался поставлять также в ресторацию, сколько потребуется.

Но кокот не стал дежурным блюдом в ресторации потому, что нелегко было найти опытных работников для кухни. Пётр надеялся, что за один-два курсовых сезона новая повариха наберётся опыта, и со временем меню удастся расширить.

В ресторации гости отмечали необыкновенный вкус его кисловодского кокота. На похвалы он отвечал: «Мы на Кавказе тоже не лыком шиты!»

Русские поговорки он знал лучше греческих, ведь он и его предки давно были российскими жителями.

Пётр не скрывал секретов кухни от любопытных. Однако, когда говорили, что кокот полезен, он улыбался и произносил: «Полезен, но в меру!» Потому что ему тут же приходила на ум скабрёзная шутка ресторанных подавальщиков.

Он не рассказывал её никому, чтобы не подорвать доверие к блюду и кухне. И был прав: подавальщики объясняли в крепких выражениях, что кокот – еда, полезная для лечения пиписок.

Мол, тупым лягушатникам «хвантазии не хватило», и они от больших чувств назвали полезную еду как мужскую пиписку. А нам ихний *kokot* или *cocotte*, «как струйкой написать три буквы на песке»!

На сервировочном столе в запотевших кувшинах стояла чистая вода. Холодные графины были заполнены квасом и запеканкой.

Шамбертен, любимое вино Наполеона, и розовый креман хранились в темных бутылках. Бутылки кремана, как полагалось, ожидали в ведёрке со льдом.

Князь Андрей руководил застольем. Негромко проговорил перед трапезой молитву «Отче наш...». Сотрапезники перекрестились.

Господ обслуживал Пётр. Первым делом взялся за графин с запеканкой. Госпожи спросили холодной воды. Квас они пить не стали. Закуске оказали должное внимание.

После закуски принесли и поставили на раздаточный стол казаны с варёной бараниной и татарским пловом или, как

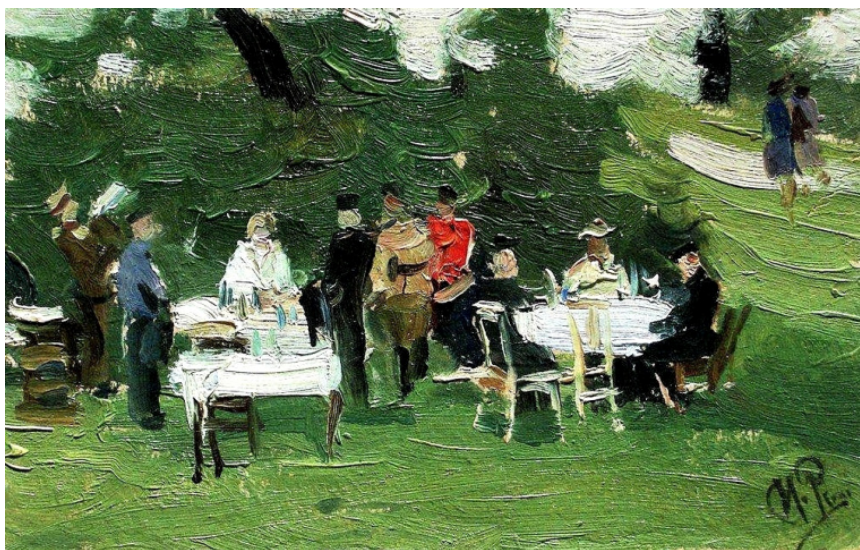
выразился князь, «с пищей восточных кочевников». К баранине шли тёплые кукурузные лепешки.

– Что это? – спросил князь.

Пётр знал главное правило ресторанного обслуживания – всеми способами возбуждать аппетит клиента. Чтобы поощрить аппетит князя, он сказал:

– *Нартюх гыржын* или, по-нашему сказать, чурек из маисовой муки. Настоящий карачаевский хлеб, испечённый по-походному в горячей золе, – ответил Пётр.

Он умолчал, что хлеб пекли сначала в печи, а в золе лишь допекали, чтобы придать «походный» вид.

Пикник (этюд, Репин И. Е., 1890 г.)

Князь Андрей отломил кусок, пожевал и сказал:

– Необычный хлеб и очень вкусный!

– Много же в нас сохранилось азиатчины! – усмехнулся он про себя.

Голодный после прогулки и возбуждённый аппетитными закусками, князь перешёл к главной части походного обеда. Он

принялся старательно проверять, как бургундское сочетается с горячими кавказскими блюдами.

Ему показалось, что он никогда не ел ничего вкуснее. Подумал, что простой кавказский плов «от кочевников» намного лучше, чем модные в обществе итальянские, даже лучшие неаполитанские макароны с пармезаном.

На десерт было подано холодное бланманже и ледяной шипучий креман, приятные в жару. Когда пирующие занялись десертом, Пётр Афанасьевич попросил прощения, что отвлекает, и сказал:

– Господа, у меня есть необыкновенное сообщение. Поляна, где мы находимся, и скала перед вами знамениты в этом краю.

Вы видите, что скала похожа на старинный замок, над разрушенными стенами и башнями которого возвышается *донжон*. У этой необычной природной декорации несколько лет тому назад произошла история, как по Шекспиру.

Её вам расскажет мой друг и кунак Тохтар Заурович. Он поведаёт эту повесть о трогательной любви так, как её рассказывают местные жители. Конечно, коли вы пожелаете послушать!

Все пожелали. Тохтар начал:

– *Аллахны иглигинден*¹. Недавно в этих горах молодой *чагъар* по имени Хасан пас овец местного *бия*. По-нашему *чагъар* значит иногородний, а *бием* называют князя. *Урус* начальники называют князя *старшиной*.

Хасан был хороший человек, храбрый и добрый, но несчастный, потому что полюбил бийскую дочь. Она была скромна, приветлива и прекрасна, как гурия рая. Он терял разум, когда видел её.

Мужественный и красивый Хасан нравился женщинам. Скажу вам откровенно, что женщины Карачая и Балкарии пользуются свободой и уважением почти такими, какие даются урусским женщинам.

Аллах предусмотрел это, чтобы наши женщины могли совершать добрые дела. Кроме сохранения домашнего очага и рождения детей, они ещё спасают мужчин.

¹ По божьей милости (карач.- балкар.)

Да, да! Поверьте! Джигиты народ горячий и, бывает, сорются насмерть. Неважно, по пустякам или по делу.

Братоубийство останавливает женщина. Она спешит бросить платок, когда обнажаются кинжалы. Хотя платок не обязательно бросать. Бывает достаточно слова. Вот какой силой обладают наши женщины над джигитами!

Нашему маленькому народу это помогает сохраниться. Ради этой силы женщина должна вести себя осмотрительно даже, когда мужчина ей нравится.

Однако продолжу. Случилась история страшнее ссоры и поединка, потому что *бийче кыыз*...

Он приостановился:

– Как сказать порусски? Да, спасибо, Афанасич! *Княжна* была молода и легкомысленна.

Тут князь прервал рассказчика и сказал:

– Точно! Юные княжны бывают очень неразумными. – Посмотрел на княгиню, улыбнулся и вздохнул.

Тохтар продолжил:

– Верно! Княжна и пастух встречались тайно на этой красивой поляне. У нас подобное считается неприличным. Все осуждают. Княжне нельзя выходить из дома без разрешения, а надо ткать красивые ткани и шить одежды для отца и братьев.

А пастуху, принятому в наш народ из пришлых, очень позорно нарушать обычай и выступать против княжеского рода.

Наш бий, конечно, тоже так считал. Но об этих встречах он не знал, как и все мы. Влюбленные хорошо прятались от чужих глаз.

Тут приехал сын другого князя, привёз калым или, как у нас говорят, «плату за кровь». Семьи сговорились о браке год назад.

Княжич не нравился княжне с самого детства. Но князь считал, что в замужестве дочка... Как это урусы говорят? Да, спасибо, Афанасич, «стерпится – слюбится». Назначили день скорой свадьбы.

Княжна не смела отказываться и должна была идти за нелюбимого. Спасение было в бегстве. Побегала княжна на поляну, где вы сейчас находитесь, чтобы встретиться с

пастухом.

Просила спасти её. Сказала, что согласна даже на похищение. У неё и приданое готово и деньги отложены, чтобы заплатить эфенди¹ за благословенную запись о браке.

Но за ней следили по приказу отца. Всегда так делается перед свадьбой, чтобы чего нехорошего не случилось. Например, похитили бы невесту не те люди или не там, где сговорились.

Поскакали слуги князя по следу и погнали молодых по горам, будто непослушную скотину, которую всю жизнь гонял Хасан. Видит молодёжь, что им не спастись. Полезли на самый верх скалы. Слуги, конечно, за ними.

Спрашивает храбрый пастух княжну: «Любишь ли ты меня?» «Люблю, – отвечает, – навсегда!» «Нет нам спасения, – говорит пастух. – Отдадимся на волю Аллаха.

Я прыгну первым, а ты за мной». И прыгнул. Увидела княжна разбившегося возлюбленного и замерла от ужаса. Слуги схватили её и отвели к отцу.

Тело нашли и похоронили. Злые языки говорили, что слуги князя убили пастуха. Но народ не обвинял слуг. Аллах убивать не позволяет!

Следуя Корану, князь приказал бы схватить и судить, а не убивать! И не убили бы, а лишь навечно изгнали виновного.

Через некоторое время люди узнали правду от проговорившейся служанки княжны. Храбрый пастух был влюблён так сильно, что прыгнул первым, а княжне оставил свободный выбор, как поступить.

Многие жалели пастуха и порицали княжну, погубившую того, кто так сильно её любил, хотя был не прав.

С тех пор скалу, на которую вы смотрите и где погиб пастух, люди стали называть Замком коварства и любви, а речку Аликоновкой.

Из семьи Аликоновых был несчастный *джашкай*². *Джигитни аты ёльмейди!* Так у нас говорят: «Имя героя не умирает!»

¹ почтительное название духовного лица или чиновника (тур.)

² сынок (карач. - балкар.)

Имя княжны люди как бы забыли. Иногда нарочно называют как-нибудь, но это всё неправда. Имя князя, её мужа, тоже не имеет значения, и я о нём умолчу. Да ниспошлёт Аллах милость погибшему от любви! *Аллахым айыб этмесин!*³

Тохтар замолк. Молчали и слушатели.

Пётр Афанасьевич сказал, показывая рукой на причудливые скалы:

– Господа, посмотрите на эти скалы! Местные жители верят, что в них обитают духи.

Взгляните вон на ту скалу внимательно! Видите, что она похожа на профиль человеческого лица? Говорят, в этом профиле запечатлен образ молодого пастуха, когда его несчастную душу принимал и судил всевышний.

Все посмотрели, но не удивились. Они прежде повидали много чудес. Продолжали молчать.

Наконец княгиня Елизавета сказала:

– Какой грустный случай! И какой бедный сюжет! Ничего романтического нет, ведь тут отсутствует красота свободных чувств, – заключила она.

Майор Никанор Иванович поддержал её:

– Ваша светлость правильно сказали о чувствах! Настоящую любовь они возвышают. Безграничная верность в любви доказывает это.

Но давайте разберёмся в сути дела. В любовных коллизиях, кого бы они ни касались, хоть горцев, хоть наших деревенских, да и кого угодно, есть всего четыре сюжета для любовных пар.

Первый счастливый – долго жить обоим, пока не помрут, как говорится, «в один день». Второй сюжет несчастный – умереть сразу обоим в начале истории. Оба случая не интересны.

А интересно становится, когда кто-то (он или она) умрёт первым, а другой – вторым. Тут и случается настоящая коллизия счастья и несчастья!

Княгиня и графиня рассмеялись. Княгиня сказала:

– Вы, Никанор Иванович, невозможны. Препарируете любовные истории, будто разбираете сражения и оцениваете

³ *Прости меня, господи! (карач. - балкар.)*

потери. Так делает истинный военный!

Князь перебил с усмешкой:

– Душа моя, что касается любви, то нам надобно, во-первых, вспомнить любовные треугольники, четырёхугольники и прочие фигуры, вроде той, о которой столько говорилось во время нашей недавней поездки, – он не мог забыть светскую сплетню о любви кавалергарда к замужней даме, рассказанную на водопадах.

Графиня тоже помнила размолвку и возразила:

– Князь, или по местному *бий*, не смейте уводить нас в сторону геометрически! Так мы не дойдём до главного.

Я думаю, что наша история о влюблённых лишена интересных подробностей. И поэтому она настолько скучна, насколько бывает скучной сама жизнь, и, следовательно, эта история может быть познавательной, но не может быть интересной.

Сравните, например, наш кавказский сюжет с шекспировской любовью Ромео и Джульетты в итальянской Вероне. Не правда ли, похоже! Один умирает прежде другого, но театральная пьеса рассказывает не о том.

Она представляет необыкновенные времена, героев, нравы и характеры. Все действия на сцене пронизаны высокими чувствами и страстями. Вот что интересно зрителю!

Никанор Иванович поспешил галантно вмешаться:

– О, милые дамы! Одни вы можете правильно судить, где истинная любовь, а где лёгкое кокетство!

Вам интересен путь к счастью, но победа или поражение вас волнуют меньше. Любовные пертурбации – ваш конёк! В них нет вам равных!

Господа допили игристое вино, согревшееся в бокалах, и доели оплывшее бланманже. Пётр счёл момент подходящим, чтобы объявить выступление певицы:

– Кавказские песни о любви споёт Лукерья, наша лучшая певица. Она ещё и прекрасная кулинарка, блюда которой вы отведали только что.

Князь перебил:

– Блюда превосходные! Надеюсь певица не хуже!

Пётр продолжил, чтобы отвести грубость князя:

– Мы с Тохтаром будем подпевать. Если песню уже слышали, то скажите. Мы споём другую.

Музыканты заиграли по-восточному. Солдат, бывший в кавказский барабан, был из музыкантов кисловодской крепости. Из Пятигорска привезли ловкого домриста вместе с искусным трубачом на дудке, называемой сарнаем.

В крепости трио сыгралось под надзором капельмейстера. Получился ориент ансамбль.

Стучал барабан. Его дробь пронзал тягучий звук сарная. Мелодию нежно поддерживало тремоло одинокой домры.

Две домры были бы лучше, но нашелся лишь один приличный игрец! Сарнай умолк и сильный женский голос запел:

– Как по горкам по горам белый лебедь летал, лебёдушку выкликал ...

Трио певцов вместе с трио музыкантов исполнили несколько душевных казачьих песен.

Господа внимали, не прерывая. Напротив, аплодировали. Солдаты, слуги и казаки приблизились к певцам и тоже хлопали в ладоши.

К Петру пришло вдохновение, как от пения во время купеческих поездок. Когда закончили очередную песню, он переждал аплодисменты и обратился к публике:

– Друзья, теперь припевы песен пойте вместе с нами.

Лукерья спела вместе с хором шуточную «Пчёлочка златая...» и, наконец, затянула величальную «Чарочка моя серебряная...».

Хор поддерживал солистку с энтузиазмом. Выпевая имя каждого гостя, певица подавала рюмашку запеканки на блюде. Пётр наливал новую.

Господа были в восторге. В прежних застольях они не раз слышали величальную песню цыган, но казачью, несомненно, слышали впервые.

Пикник в горах и повторенная величальная запомнились им навсегда. Казачьи песни были удивительно хороши даже в любительском исполнении!

Закончился концерт, и стол сервировали для чаепития. Когда Пётр ставил розетки с мёдом, графиня спросила:

– Этот мёд с Медового водопада?

– Нет, ваше сиятельство. Но такому мёду не зазорно получить также особое название. Он вобрал в себя редкую целебную силу кавказских горных трав. Недаром так плодovitы здешние животные, поедающие у нас траву круглый год.

Графиня взяла ложечкой немножко мёда, осторожно лизнула и вежливо похвалила:

– Прекрасный и ароматный! Откуда он?

Пётр пояснил:

– Этим летом его получили пятигорские пчеловоды. Под Кисловодском тоже скоро станем брать.

Чай из самовара пили долго. Уделили внимание мёду, дорогим вареньям на сахаре, вишневому и абрикосовому, а также бисквиту и сладким фруктовым пирожкам. Птифур и конфеты остались нетронутыми.

Князь сходил к речке, освежил лицо и руки, обтёрся, улёгся в сторонке на ковёр, положил голову на свёрнутый плед, прикрыл лицо платком и заснул.

Слуги выпили по чарке пожалованной князем запеканки. Перекусили тем, что осталось. По расчёту хватило всем! И устроились отдыхать, найдя тень под повозками и возле кустов. Казаки и Тохтар не пили вино, так как одни были старообрядцами, а другой магометанином, но от плова, свежей баранины и хлебного кваса не отказались.

Графиня расспрашивала Петра о кухне. Выясняла, какие блюда считаются полезными на курсе.

Пётр сказал:

– Мы работаем под наблюдением врачей. Наш главный доктор находится в Пятигорске. Случается, что больному назначают особые блюда. Тогда мы их делаем. Обычно, однако, готовим традиционные русские блюда. Для этого у нас на кухне имеется русская печь. Замечено, что при лечении нарзаном русским людям полезна русская кухня.

Собеседники принялись сравнивать русскую и кавказскую кухню с французской и английской. Обсудили поданный кокот.

– Вы правы, ваше сиятельство, можно оставить шампиньоны вместо белых. но добавить сушеных белых. Вкус блюда обогатится. И особое блюдо «жюльен Найтаки» будет

замечательно выглядеть в меню ресторации!

Графиня вспомнила традиционное швейцарское сырное блюдо ле фондю, вкус которого можно оттенить грибами. Разговор стал интересным. Пётр спросил разрешение и стал делать записи карандашом в карманный блокнот. Иногда переспрашивал графиню.

При этом Пётр не терял из вида все остальное, происходившее вокруг. Ему привычно было заниматься одновременно несколькими делами и он, конечно, видел заботливость кучера.

Кучер Тохтар позвал солдата музыканта, и они двинулись к лошадям, которых донимали бзыки¹. В дальнем углу поляны стреноженные лошади усердно махали хвостами и дёргали гривами. Требовалось перегнать страдальцев туда, где ветерок отгонял кусачих насекомых.

В это время княгиня предложила по-свойски майору танцевать. Майор позвал музыкантов. Те совещались недолго, и пара стала вальсировать. Непривычно звучал вальс, исполняемый на горских инструментах.

Тохтар, покинутый солдатом музыкантом, продолжал один перегонять лошадей. Тёплое чувство согрело душу Петра. У него не было никаких замечаний к работавшим людям. Все заметно старались.

Он был прав, когда сказал им перед поездкой под самым большим секретом, что они все вместе, и каждый в отдельности, готовятся к пикнику с государем. И чтобы об этом не болтали!

Место было непригодным для танцев, каменистым и неровным. Танцоры остановились. Пётр взял на заметку, что придётся всё расчистить и выровнять к следующему пикнику. Музыка смолкла, и Пётр услышал, как княгиня спросила:

– Продолжим танец на балу в ресторации?

– Благодарю, ваша светлость! С полным удовольствием ангажирую вас! – ответил майор и вернулся к столу попить. После обеда было довольно жарко.

Графиня, наблюдавшая танцы, тихо сказала подруге:

¹ *слепни и оводы*

– Бетси, душенька, не сочти, что завидую. Ты у нас *la femme émancipée*², пока князь почивает. Берегись своевольничать! Ты знаешь, он ревнив!

Не посмотрит на твою красоту и назовёт Лизеттой, как кобылу Петра Великого! Будет тебе эмансипе!

Ты лучше послушай рецепт совершенно нового блюда, который я узнала у ресторатора Петра.

Между тем Пётр ещё раз убедился, что новая повариха годится для ресторации. Она без напоминания мыла посуду в речке, а девушки драили казаны песком.

Потом девушки уложили казаны в повозку, а повариха принялась вытирать и убирать посуду и сервировку в корзины. Сложила скатерти, полотенца, салфетки и тряпки.

Видно, её не мучали тревоги, что она забудет положить в блюдо соль или специю, как мучилась Параша.

Теперь на кухне всё находится на своем месте и в достаточном количестве, а не в чрезмерном избытке. На эти лишние запасы столько денег потрачено!

Закончив с казанами, девушки поспешили к барыням, которые звали их с нетерпением. Покорно выслушав строгие внушения, помогли господам устроиться на коврах для отдыха и затем, присев в изголовьях, принялись отгонять мух.

Наступило послеобеденное затишье. Господа спали, слуги дремали.

К вечеру посвежело. Господа, полежав на коврах и отдохнув, переоделись в обычное платье, сели на лошадей и уехали в сопровождении казаков.

Слуги и солдаты, не мешкая, убрали всё и уложили в повозку и в телеги. Увязали груз.

Под контролем Петра ничего не забыли, даже мусор, даже палки от навеса. Гирлянды тоже захватили с собой. На будущее надобно было оставить чистую поляну.

Пётр заставил всё убрать, хотя солдат, ходивший в дозор с оговорками, опять ворчал, но уже негромко, помня, какое внушение в виде наряда вне очереди он получил от майора.

Залили водой тлеющие угли. Солдаты взяли оружие. И обоз

² женщина, стремящаяся к равноправию с мужчинами (фр.)

поспешил вдогон господам.

Приблизились кислородские сумерки. Солнце было готово скрыться за Боргустанским хребтом. Кучера усердно погоняли лошадей, зная, что в горах темнеет быстро.

Оставшись с малой охраной, они торопились вернуться засветло. Недаром пословица напоминает, что тати не жнут, и ночи ждут! Все знали, что возле города бродит особенно много абреков.

Трясаясь и подпрыгивая на облучке, Пётр радовался успешному пикнику, хотя устал, как никогда прежде.

Теперь он знал точно, чем заинтересовать императора. Мог правильно подготовить развлечение на природе, когда прикажут. Он был уверен, что сделает его незабываемым.

Ещё он задумал показать джигитовку. На поляне места достаточно, а найти отличных наездников в станицах не составит труда. Многие казаки проделывают замечательные трюки в стрельбе и выезде!

Государя, несомненно, удастся необыкновенно удивить.

Возвращение кунака

Князь, никогда прежде не хваливший Петра, поблагодарил за прекрасный пикник, закончив глубокомысленно: «*Ton dieu est dans les détails*»¹.

Пётр были доволен, и отпустил Тохтара на три дня на семейный праздник, но сказал, что пришлёт за ним, едва придет известие о приезде государя.

Последнее время в *атауле*² Марá Тохтар бывал редко из-за дальности расстояния. Но пропустить праздник *бешикге салыу*³ было недопустимо. Тохтар с женой Фатимой, сыном и дочкой везли подарки.

К середине дня они добрались до перевала. Предстоял спуск по рискованному серпантину, который лошадки преодолеют

¹ *Твой бог в деталях (фр.)*

² *поселение или его часть, где живут близкие родственники, у которых обичий предок и собственность на землю*

³ *этнический тюркский обряд; первое пеленание младенца (карач.)*

легко при умелом управлении. Он передал поводья юному сыну Джамбулату. Тохтар приучал его к самостоятельности. Но жене и дочери приказал пройти пешком. Сам по привычке пошел впереди, как велел обычай.

Перед ним открылась незабываемая картина. Вдали сиял Эльбрус. Внизу виднелась обширная долина, покрытая холмами, лесами, полянами и ручьями. Русские офицеры говорили, что это кавказский Шварцвальд, но Тохтар считал, что его родина бесконечно лучше заграницы.

Как только они въехали в открытые ворота, отовсюду сбежались, крича и радуясь, дети. Фатима стала наделять их сладостями.

Пока продолжалась радостная суматоха, подошли братья, старший Хазрет и младший Тувай. Здраваясь, обнялись с Тохтаром по горскому обычаю. Справились о дороге, о самочувствии и делах. Потом распрягли лошадей и откатали повозку в угол двора. Тувай повёл коней за узды к коновязи.

На краю большого двора стоял длинный дом. Перед домом располагалась летняя кухня. Фатима, захватив мешок с подарками, направилась туда. Там хлопотали женщины. Они радостно зашумели.

Рядом был сложен запас дров и кизяка. Под навесом мужчины разделявали мясо.

Внизу двора кони стояли у коновязи и у повозок. На дальней стороне двора находились погреб, сараи для коней и скота, а также ворота для выхода на огород и сад. В одном из сараев размещался хозяйственный инвентарь. Ещё в углу двора виднелся сеновал.

Отеческий дом был похож на семейный *Blockhaus*¹. Он был приземист, сложен из сосновых стволов с замазанными щелями и маленькими окнами. Под каменный фундамент отец положил кусочек священного камня *Карчи*² Двускатную крышу

¹ *Blockhaus* – блокгауз; небольшое деревянное укрепление (нем.)

² Чёрный камень из магмы вулкана Эльбруса вблизи аула Карт-Джурт. По легенде в конце XII века на нём сидел Къарча родоначальник карачаевцев и балкарцев. Он привёл из Золотой Орды людей, которые перемешались с местными жителями.

покрывал аршинный слой земли с порослью травы. Из трубы, обмазанной глиной, поднимался легкий дымок.

Тувай ушёл с конями, а Тохтар и старший брат отправились к дому. По пути Тохтар передал брату деньги. На заработок Тохтара семья восстанавливала отару после угона черкесами.

Дверь дома украшал и охранял резной солярный оберег – круг с двумя перекрещенными лучами. Брат открыл дверь, нагнулся под притолокой и вошёл. За ним, привычно наклонясь, прошёл Тохтар в помещение, знакомое с детства. Это была комната старшего брата, главы дома, а до него отца.

В главной комнате горел очаг, похожий на камин. Потолок подпирал деревянный столб. К столбу был прибит «на счастье» череп отцовского коня. На покрытых глиной стенах висело оружие.

У задней стены на длинном диване, покрытом *кийз*¹, сидели седобородые дядья и сваты. Они ждали, когда проснётся младенец и можно будет приступить к церемонии.

Поздоровавшись со старцами, Тохтар разоружился. С кинжалом на поясе он, как все, не расставался. Брат аккуратно поставил в угол его ружьё и положил пистолет.

Подарки лежали на топчане, где раньше спал отец, а после него стал спать брат. Тохтар открыл мешок, вынул и положил на топчан отрез ситца для детских пелёнок, пояснив, что он куплен в Пятигорске по заказу дядьёв.

Потом вынул ползунки, шапочку и пинетки и сказал, что вязаные вещи были сделаны руками жены и невестки хозяина Найтаки. Они желают здоровья малышу и его матери.

В конце показа положил кинжальчик и рассказал, что купил у заезжего мастера грузина в Пятигорске. «*Къамачыкъ*² сделан хорошо, – оценили старики, – и подойдёт будущему джигиту».

Старший брат, выслушав рассказ, спросил:

– Тебе не показался тот грузин странным?

Слова брата удивили Тохтара:

– Нет, не показался. Умелый оружейник из Грузии с

¹ войлочный ковёр (карач.- балкар.)

² къама – кинжал, къамачыкъ – кинжальчик (карач.- балкар.)

прекрасным оружием. Что ты хочешь сказать?

Брат ответил:

– Пастух из Учкулана, перегонявший баранов на пятигорский базар, останавливался на обратном пути у нас и уверял, что видел на базаре разбойника Али Хырсыза, переодетого в грузинского оружейника, и вроде бы с ним был ещё один человек. Я расспросил, как оружейник выглядел. Пастух описал похожего человека, но с другой бородой

Тохтар задумчиво проговорил:

– Странно! Ладони были, как у настоящего кузнеца, тёмными от металла. И борода другая, и одежда. Зачем Али так рисковать? Нет, это не он. Иначе я отомстил бы за отца. Если бы не проклятые черкесы, отец праздновал бы сейчас с нами!

Женщины внесли люльку и проснувшегося ребёнка. От детского крика мужчины смолкли. Хозяйка мать Тохтара выразила радость, что все собрались. Спросила стариков:

– Почтеннейшие, как вы предлагаете назвать малыша?

Хотя все знали имя давно, но хранили его как бы в тайне, молчали и ждали, что скажет старший дядя.

– Мне снилось, – сказал дядя, – что я лежу на перевале Хасаука и *сал болургъа*¹. Сон о смерти заставил меня вспомнить сражение, которое открыло нам дорогу в новую жизнь. Защищая ворота в Старый Карачай, ополчение карачаевцев храбро билось целый день, хотя нас было меньше нападавших русских войск. Многие из нас погибли, и мы потерпели поражение².

На следующий день наш предводитель *олий*³ Ислам Крымшамхалов сдался генералу Эммануэлю и спас нас от разорения. Мы отказались от договора с османами и стали подданными русского императора. Твой муж Заур и сыновья, как и все присутствующие, остались живы.

¹ умер (букв. стал трупом) (карач.)

² Бой 20.10 (1.11) 1828 г. между русскими войсками генерала Георгия Эммануэля и карачаевским ополчением во главе с князем Исламом Крымшамхаловым на перевале Хасаука. 1653 солдата и офицера при десяти пушках против примерно 500 горцев бились более 12 часов.

³ умный, учёный, эрудит (карач.- балкар.)

Бий Ислам защищает нас до сих пор. Недавно он, старик, вместе с людьми перебил в горах банду абреков цебельдинцев, захвативших трёх мальчиков и стадо скота.

Я думаю, что нашему малышу надо дать славное имя Ислам. Пожелаем ему вырасти храбрым и мудрым, как уважаемый *таубий*¹. *Джазака-Ллаху Хайран! Субханаху ва Та'алья*².

Хозяйка сказала *инша Аллах* и положила спеленатого малыша на руки старого дяди. Тот пошептал молитву на ухо ребёнку. Имя было дано.

Пока шла церемония, в деревянную люльку, украшенную оберегом из волчьих когтей, пустили кошку на счастье.

Следуя обряду, мать обратилась к *келинни анасы*:

– Может быть, ты перепеленаешь ребёнка?

Про себя Тохтар подумал:

– *Келинни анасы* переводится «мать невестки», а по-русски «сватья».

Прозвучал отказ, предусмотренный обычаем:

– Нет, милая, сделать это мы просим тебя.

Дядя вернул ребёнка матери Тохтара. Привычными движениями старушка распеленала внука, вытерла попку и посыпала целебным порошком из трав.

Устроила подгузник. Положила ребёнка на новую пелёнку, быстро запеленала, завернула в одеяло и опустила в люльку, прогнав кошку.

Тохтар подумал: «Похоже, что Тувай позаботился о зубе волка на шею сына. Сын будет носить оберег не хуже других». Малыш молчал, даже не хныкал.

Все заулыбались: «Видно, имя ему понравилось!» Мать Тохтара глянула на *келин* (по-русски «невестку», – подумал он). *Келин* пошла к люльке, чтобы дать грудь малышу.

Мать пригласила присутствующих:

– *Стол артына олтуругъуз*³

Перед домом были постелены *кийизы* для сиденья и

¹ *горный князь (карач.)*

² *Да воздаст тебе Аллах благом! Свят Он и Велик. (араб.)*

³ *Садитесь, пожалуйста, за стол! (карач.)*

расставлены столы *тепси*⁴. Когда мужчины сели по старшинству, их обошли с полотенцем, тазиком и кувшином теплой воды для омовения рук.

Женщины, живущие в отцовском доме, принесли чуреки, мамалыгу, тузлук. Хлеб ножом не резали, а ломали руками и на землю не роняли.

Младший брат раздал варёную баранину, разделанную на куски согласно старшинству едоков.

Праздник карачаевцев (Раев Г.И. 1908 г.)

Все угостились вкусным и нежным курдючным салом. Главным блюдом были горячие *хычины*, которые ели, привычно держа руками. Поев, мыли и вытирали жирные руки.

В заключение пили чай с мёдом. Курили и беседовали о том, что волновало: об окончании стрижки овец и покоса; об уборке урожая и перекочёвке животных с гор в долину, пока нет снега; о нападении волков; о делении стад для стойлового и

⁴ низкий круглый трехногий столик (карач.)

вольного содержания и об иных важных общих делах. Женщины и дети праздновали отдельно в другом конце двора.

Тохтар ушёл отдыхать рано. Завтра чуть свет вставать и идти с братьями на кладбище проведать отца. Затем он возьмёт на повозку барана и другие подарки и поспешит в Кисловодск, чтобы не подводить Петра Афанасьевича.

Надобно сообщить, что появилась черкесская разведка. Кунак просил, чтобы я не мешкал в этом случае. Хорошо, что Фатима и дети остаются в Марé на месяц по просьбе матери. Потом Хазрет привезёт их обратно.

Раздеваясь и ложась в приготовленную постель, он думал, что дядя, рассказывая о выборе имени племянника, не мог не сказать о потерях на войне. Но в семье старались не вспоминать об этом вслух, щадя чувства матери, очень любившей погибшего отца.

Война длится так долго, что, наверное, малыш Ислам успеет вырасти и обнажит кинжал, как и мы, в настоящем бою. Помоги ему, Аллах, и помилуй!

Доносился шум со двора. Там веселилась молодёжь. Зашла мать, села рядом, взяла за руку, вздохнула и пожелала доброй ночи.

Возложив опасения на бога и ни о чём не беспокоясь, Тохтар сладко уснул, как в детстве.

Его баюкала тихая колыбельная. Было слышно, как в соседней комнате нежную песню напевала *келин* своему сыну, названному мужественным именем Ислам: «*Белляу, белляу, белляу, бёлейим\ Сени насыблы болуб а кёрейим.*¹»

Ранним утром Тохтар ехал по дороге в Кисловодск. Он вспоминал, как погиб отец, и мечтал отомстить черкесам.

Рядом в повозке лежало расчехлённое заряженное ружьё, а на поясе висел отцовский кинжал, который он взял у брата Хазрета. Проклятый черкес не уйдёт от него!

После того, как произошло замирение с русскими, черкесы вместе с османами стали говорить всем племенам, что карачаевцы предатели. Свою вину перекладывали на невиновных.

¹ *Баю, баюшки, бай, бай\ Полный счастья, засыпай. (перев. с карач.)*

В 32-году банда черкесов убила казачьих пастухов и угнала стадо в Ессентукской станице. По дороге они вышли на кош, где отец с соседом пасли овец атаула.

Черкесы схватили пастухов и зарезали, как баранов, потому что опасались, что они их выдадут. Отару угнали. Люди говорили, что главным у черкесов был Али Хырсыз.

Теперь он узнает, какова месть карачаевца! Разбойнику не поможет волшебная кольчуга, которую он получил от злых горных духов, продав душу шайтану.

Исполню святой отеческий завет «правда и справедливость сильнее демонов». Хороший заряд пороха и серебряная пуля мне помогут. Аллаху акбар!

Только предупрежу кунака Петра, чтобы не ждал меня и пока управлялся один. Пётр помнит моего отца и знает бедственное положение моего большого семейства. Он поймёт. И Тохтар стал вспоминать, как он подружился с Петром.

Начало было деловое. Двадцать лет назад, когда Тохтар был молодым и несемейным, они с отцом нашли работу у Петра.

Пётр добывал соль из соленого озера недалеко от Медвеженского хутора, чтобы обменивать её на камень для постройки казарм в Александровской крепости в Усть-Лабинске.

Удачное было начало! Соль, известно, нужна всем. Петру она обходилась намного дешевле, чем привозная из Астрахани или Крыма. Камень горцы везли просто за соль. При этом за камень хорошо платила казна. Срочность была большая.

Как все, я ломал камень на Лабе, а отец и другие возили его вдоль Лабы на арбах и волах в крепость. Пётр привозил готовую соль на обмен. Отец большую часть получаемой соли выгодно менял на овец.

Когда весь нужный камень добыли, отец попросил Петра найти работу для меня, чтобы я мог собрать калым за мою Фатиму. Пётр спросил отца, что я умею делать. Отец сказал, что я люблю лошадей. Это правда!

Пётр взял меня к себе кучером в дальние поездки. Казна хорошо платила за снабжение армии. Где мы только не бывали! Добирались до Сам-Петербурга и на Урале были. Через какие приключения прошли – не хватит времени

рассказывать! Не раз бились с разбойниками!

Выручали друг друга. Тогда-то и подружились домами: русские говорят «покумились», а по-нашему стали кунаками. Теперь пришло время снова выручать друг друга. Неужели *тенгим* меня не поймёт?

Занятый мыслями, он почти забыл следить за окружением.

Внезапно ударил раскатистый гром. В потемневших горах, покрытых клубящимися чёрными тучами, засверкали яркие молнии. Раз за разом оглушительный грохот разносился над кисловодской котловиной. Порывы ветра поднимали пыль над дорогой.

Тохтар поспешно убрал ружье в чехол, надел и замотал башлык. Начался грозовой ливень. Поливаемая сверху повозка преодолела брод через Подкумок. Река пока ещё не успела переполниться. На гравийной дороге грязь на колёса почти не наматывалась.

Когда Тохтар подъехал к ресторации, водопад с небес внезапно прекратился. Дождь был недолгий, но промочил насквозь.

Во дворе ресторации люди занимались обычными делами. С Тохтаром обменялись приветствиями. Кто-то заметил ему, что на кухне можно обсушиться. Появился Пётр Афанасьевич. Поздоровались за руку и обнялись по горскому обычаю.

– Какой ты мокрый! Пойдем ко мне! Расскажешь!

Повел его к себе. Они счистили грязь с обуви о железную скобу у порога. В комнате Пётр спросил, как здоровье мамы и братьев. Поинтересовался, как прошёл праздник. Имя Ислам ему понравилось. Спросил, из-за чего Тохтар вернулся, ведь они договорились встретиться на другой день.

Тохтар сказал:

– Ты знаешь, как погиб отец. Так вот, люди сказали, что на пятигорском базаре видели Али Хырсыза. Кони отдохнут чуток, и я погоню в Пятигорск.

– Так, – сказал Пётр, – понимаю! Дело серьёзное.

Расспросил подробности и таким образом немного успокоил кунака. Сказал:

– Надо собираться в дорогу. Только давай возьмём коней и повозку Митрича. Плохо, если твои кони не дойдут. Ехать-то

нам в ночь. Пока пойдёшь и замени одежду на сухую, а я всё приготовлю.

Тохтар ушёл, а Пётр Афанасьевич позвал Митрича и приказал найти и привести Ксеню. Передал Митричу дела в ресторации и велел заняться конями и повозкой, когда они уедут.

Ксенин сказал, чтобы бежала в станицу и передала дяде станичному атаману, что Пётр просит снарядить двух казаков для охраны ночной поездки в Пятигорск. Пусть ждут перед станицей.

С Митричем проверили повозку и запрягли коней. Пётр принес оружие и ночной фонарь, помощница поварихи поставила в повозку воду и еду в дорогу. Вернулся Тохтар с оружием, и они отправились.

Дорогу до Эссентукской проехали засветло. Кони отдохнули за станицей в сумерках. От Эссентукской пришлось ехать в темноте. Грязи не было. Гравий, укрывавший дорогу, помогал.

Накатанная дорога была светлее, чем окружение, но плохо различалась, когда тучи закрывали свет луны. Поэтому ехали медленнее, чем хотели. Добрались до Пятигорска далеко полночь.

На въезде в город были остановлены казачьим патрулём, но старший узнал Петра Афанасьевича и пропустил, не вызывая караульного начальника.

Визит к коменданту

Рано утром вооружённые Пётр Афанасьевич и Тохтар Заурович делали покупки для ресторации на пятигорском базаре, чтобы прикрыть свои истинные намерения. Они обошли все ряды, но грузинского торговца оружием не нашли.

Петр прикрывал мешком пистолет в корзине, а Тохтар то и дело брался за рукоять кинжала. На расспросы им сказали, что грузина никто не видел третий день.

Когда они складывали покупки в повозку. Пётр видел, каким раздосадованным был Тохтар. Учитывая расстроенные чувства кунака, сказал:

– Скорее всего, Али уже и след простыл. Я пойду к коменданту Пятигорска. Может быть, что-то узнаю.

А ты поспеши в ресторацию и приготовься в дорогу. Поторапливайся! В Кисловодске ждут с нетерпением. Обещаю, что мы ещё вернемся, и поиски этого ядовитого гада не бросим!

Петр решил рассказать о ложном торговце директору Строительной комиссии, временно исполнявшему обязанности военного коменданта.

Знал, что тот находится в присутствии. Там спешно обновляли карту города по распоряжению командующего барона Розена для государя на утверждение.

По дороге к коменданту Пётр Афанасьевич здоровался со знакомыми, идущими навстречу, иногда останавливался и разговаривал. Это почти не задерживало его, но прерывало важные мысли.

Он думал: «На базаре нет лука порея и шалота. Придётся посылать в Каррас к колонистам. У этих немцев найдётся всякая овощ.»

Тут его остановил очередной встречный и сказал:

– Здравствуйте, любезный Пётр Афанасьевич! Как здоровье? Как сыновья? Супруга?

Услышав ответ от приветливого Петра, продолжил:

– Очень рад за вас!

В свою очередь Пётр задавал положенные вопросы и выслушивал ответные слова «Благодарю!» «Спасибо!» и тому подобные. Окончив ритуал, продолжал свой путь.

Убрав дежурную улыбку, Пётр продолжил прерванную мысль: «Попробуем сварить овощной соус, предложенный графиней Урловой для форели. По словам повара, он готовил похожий не единожды. Выйдет ли в этот раз, проверим!»

Пётр понимал, что необходимо улучшать или хотя бы изменять меню, чтобы интерес посетителей не ослабевал. В этот раз он собирался добавить форель «по-женевски» к блюдам, подаваемым по *prix fixe*.

Его не смущало, что блюдо было из всем известной книжки знаменитого Корделли “Новейший и совершенный парижский повар...».

Если правильно приготовить соус, то рыба получалась особенно вкусной. Петр были уверен, что все получится. В свежих форелях и овощах не было недостатка. Повар был

опытным. Во время пикника Пётр слышал рецепт с модными поправками от графини. Расходы на блюдо были умеренными.

На Большой Средней улице Петра окликнули. Он обернулся, и увидел полковника Петра Петровича, взмахами руки приглашающего к себе в пароконную коляску.

«Легко на помине, – подумал Пётр. – Мне сегодня не повезло с покупками и поисками, зато везёт с начальством! Ну, что ж, поедем, коли мой арендодатель приглашает, хотя тут до присутствия осталось пройти два шага!»

Когда Пётр сел рядом, полковник воскликнул:

– Ну, Пётр Афанасьевич, ты меня удивил!

Пётр насторожился: «Почему называет по имени с отчеством! Как-то не по-дружески? Что произошло?»

Полковник Пётр Петрович продолжал:

– Твой пикник сразил княгиню Елизавету и графиню Екатерину. Вернувшись из Кисловодска, графиня во всех гостиных рассказывает о пикнике и восхищается, как романтично расстался с жизнью кавказский Ромео. Все растроганы.

Молодец, Пётр! Пришли-ка мне слова песен, которые вы пели на пикнике. Велю стряпчему переписать красиво. Он у меня редкий каллиграф! Подарю дамам и тебе передам, чтобы на концерте государь мог разобрать, что вы поёте.

И полковник рассмеялся. Пётр почтительно выслушал своего покровителя, засмеялся и ответил:

– Ваше высокоблагородие, сегодня же напишу и пришлю. Спасибо за столь лестную похвалу!

Потом продолжил серьезно:

– Только, знаете ли, меня не оставляет одно сомнение, которым я обязан с вами поделиться.

– В чём дело? – спросил полковник.

Пётр сказал:

– Рад, что пикник, который мы готовим государю, понравился дамам. Однако, смею напомнить, прошу прощения, что государь не дама, а мужчина. Для него надобно прибавить что-то мужественное. Например, показать настоящую казачью джигитовку.

– Э, Пётр, ты хватил не туда! Всё испортишь! Будет перебор. Ведь, согласишься, в каждой станице, где государь остановится на

проезде, ему покажут конные умения: и выездку, и джигитовку, и рубку, и стрельбу. Зачем нам быть, как все?

Коляска остановилась у дома в Нижнем переулке, который занимала Строительная комиссия. Вошли. В зале их ждал секретарь комиссии Снесарёв.

За конторкой сидел стряпчий и писал бумаги, а за большим столом чертёжники и инженер-полковник Баумер рисовали карту.

Поздоровались. Когда направлялись в кабинет, секретарь стал негромко докладывать начальнику. Петр Афанасьевич шёл следом. По пути увидел карту со знакомыми очертаниями города.

Пётр Петрович отдал распоряжения секретарю и, когда тот вышел, обратился к Петру Афанасьевичу.

Полковника не смущали ни внешний вид Петра, ни его мощные бакенбарды. Наоборот, их живописность ему даже нравилась.

Он находил оригинальным, что большие греческие бакенбарды отца и сыновей-близнецов были устроены «как под копирку».

Наедине посмеивался над тем, что посетители принимают сыновей за Петра. Однажды сам пошутил, как он думал. И сказал Алексею:

– Пётр, ты сегодня как бы помолодел! Или ты уже не Пётр?

Признайся-ка по секрету, что с тобой произошло! Где целебный источник, воду которого ты пьёшь, чтобы молодеть?

Предполагаемый Петр, а на самом деле Алексей, ответил:

– Ваше высокоблагородие! Ничего не произошло. Минеральную воду я, как все местные, не пью. Вы же видели, что у себя в доме я её не держу.

У нас на неё нет желания, вы уж извините! Да и вы тоже не пьете, как я заметил.

Гостям вашим я с оказией бываю привожу бутылки нарзана во льду. И улыбнулся.

Тут они оба расхохотались.

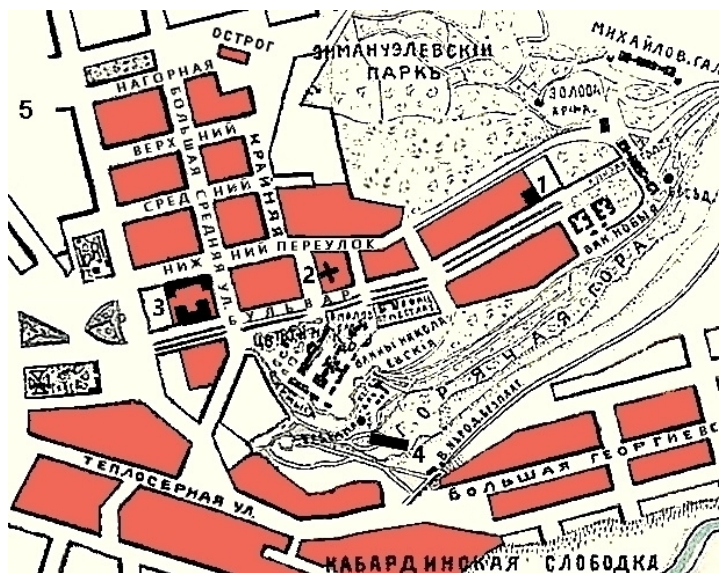
Недавно познакомившись с Петром, полковник быстро оценил его редкую старательность и личное дружелюбие.

Публика, плохо знавшая ресторатора, видела одну

услужливость, помноженную на деловую хватку, – черту, обычную для купечества, – но не видела истинного человеческого характера. Может быть потому, что Пётр оделял дружбой исключительно тех людей, к которым был особо расположен.

Улыбнувшись, полковник сказал:

– Вижу, тебя интересует карта. После того, как Пятигорск по указу 1830 года стал уездным городом, потребовалась новая карта. Прежняя, составленная Бернардацци, устарела.

Пятигорск в 30-е годы XIX века
(по схеме Г.Г. Москвич, Практический путеводитель
по Кавказу, 1913): 1 – усадьба Найтаки, 2 – церковь,
3 – гостиница, 4 – госпиталь, 5 – базар.

В новой мы, улучшая идею этих архитекторов, запланировали просторные жилые кварталы.

Но командующий Розен посчитал, что обширное пространство будет трудно защищать в случае нападения. Конечно, он был прав!

По его требованию сократили обороняемую площадь и предусмотрели фортификации. Придётся теснить дома или застраивать все свободное пространство, почти как в столице.

Будем жить поблизости друг от друга. В тесноте, да не в обиде!

Скоро закончим рисовать копии карты и отправим медицинскому департаменту при Министерстве внутренних дел. Он, как ты знаешь, руководит нами и даёт средства на развитие города и лечебных заведений.

Департамент представит карту императору на подпись собственной рукой. Дальше Пятигорск будет строиться не как попало, а по утверждённой императором карте.

Познакомив Петра Афанасьевича с городским будущим, Пётр Петрович вернулся к прежней теме разговора:

– Пётр, скажи по правде, ты согласен забыть джигитовку?

– Согласен. Вы правы! Забуду!

Петр счёл, что подошел момент сообщить начальнику главное, ради чего пришел:

– Для вас, ваше высочордие, есть важное и срочное сообщение. Дружественные горцы передали, что распознали на пятигорском базаре известного разбойника Али Хырсыза со спутником. Сказали, что он скрывается под видом торговца оружием из Грузии.

Сегодня Тохтар и я искали его, но, извините, не нашли! Думаю завтра пораньше ещё поищем.

Полковник вздохнул:

– А... Так вот почему ты с пистолетом ходишь!

Мы тоже подозревали, что в городе побывал черкесский разведчик.

Торговец не пришёл в управу на запись и скрылся под шумок, когда случился пожар на окраине города. Так что дальше можешь его не искать. Спасибо! Теперь это моя забота.

Оказывается, что у нас побывал сам Али Хырсыз. Черкесам не хватает рассказов армянских и прочих купцов, и они посылают серьёзных лазутчиков.

Недаром генерал Засс предупреждал о большом набеге осенью. Черкесы давно на город зубы точат. Пусть попробуют! Мы готовы. Урок они запомнят надолго!

О соглядатае Хырсызе скажу, что он давно ходит по краю, а народная мудрость гласит: «Сколько верёвочке не виться, а конец будет один...». Мы поможем народу оборвать эту верёвочку. Не правда ли, Афанасьевич?

Своему агенту передай положенное пособие. Пусть и дальше будет бдительным. Деньги тебе, как обычно, выдаст под роспись секретарь. До свиданья! Ты в Кисловодск?

Пётр ответил:

– Да! Буду ждать ваш сигнал. Приготовлю всё в наилучшем виде! Будьте уверены! Непременно сообщите моему Алексею в ресторанцию. Он тут же поможет мне!

Пётр отправился в гостиницу. Там его ожидали Тохтар и казачий конвой, чтобы ехать в Кисловодск.

Спускаясь по Большой Средней улице, он размышлял об обновлении меню. Идея его была добавить к обеденным блюдам больше антреме¹. Решал стоит ли заняться этим всерьёз.

Оба сына поддержат его. Он был уверен, что они непременно добавят что-нибудь интересное от себя. Надобно посоветоваться также с поварами.

Может быть, даже приготовить что-то вроде особенного блюда на пробу.

Алёша обязательно придумает красивое название на французский лад. Это важно для привлечения публики!

Своими мыслями Пётр управлял не хуже, чем делами. С божьей помощью у него всё получалось как-бы само собой.

Он повернул на Бульвар.

Входя в ворота ресторации, решил, что завтра же сходит к заутрени и поблагодарит господу за удавшийся пикник и за временное спасение кунака от смертельной стычки.

Неизвестно, чем бы закончилось сегодняшнее столкновение, если бы проклятый черкес не пропал.

Буду смиренно просить у господу нового содействия.

В гостинице Пётр быстро записал слова песен и с мальчиком отправил листок Петру Петровичу.

¹ от *entre mets* – между блюд (фр.); лёгкий десерт – пирог, каша, овощное, сыр или даже сладкое – между любыми основными блюдами.

Когда проверял повозку, сообщил кунаку, что рассказал коменданту о черкесском лазутчике. В ответ услышал, что наше сообщение не первое. За лазутчиком ведут наблюдение, и поэтому каждое новое сообщение очень важно.

Передавая серебро Тохтару, прибавил, что полковник Чайковский благодарит его за бдительность и награждает денежным пособием от лица императора.

В конце дня Пётр и Тохтар вернулись в Кисловодск.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Успехи разведки

Осенним утром 1252 года *хиджры*¹ (1836 года от рождества Христова) в дремучем лесу на черноморском побережье Западного Кавказа двигался небольшой отряд черкесских всадников.

Кони изредка всхрапывали. Подковы ударяли о камни. Звякал металл, когда сталкивались оружие и сбруя.

Огромные буки накрывали высоким зелёным пологом дорогу, проложенную между замшелыми глыбами камня и упавшими стволами деревьев. Обвитые лианами светло-серые стволы выступали из полумрака подобно украшенной колоннаде старой мечети.

Лучи солнца падали через ветви, как через просветы в куполе, а мхи и лишайники на каменных глыбах вспыхивали разными оттенками зеленого цвета. Негромко шумела листва под дуновением морского бриза, освежающего лица всадников. Берег моря был неподалеку.

Впереди ехали двое: *пщы* и *орк*². Позади них двигалась, чуть отстав, группа *нукеров*³.

На спокойном обветренном лице *пщы* выделялась длинная клинообразная седая борода. Пронзительные светло-серые глаза выглядывали из глубоких морщин. Голову венчала белая

¹ от переселения Пророка в Медину (араб.)

² *пщы* – князь; *орк* – дворянин (адыг.)

³ *нукер* – телохранитель, слуга, товарищ, дружинник (тат.)

чалма из турецкой шали на мохнатой шапке.

Статный орк ехал слева от старца. Он был под большой мохнатой папахой. Его загорелое гордое лицо украшали каштановая борода и длинные усы. Карие глаза смотрели на мир со смешанным выражением искренности и хитрости.

Темную добротную одежду всадников украшал полинялый серебряный галун. Это был общепринятый стиль благородных черкесских джигитов.

По торжественным случаям, как и перед боем, знатные джигиты надевали лучшие одежды. Но от толпы их отличало другое.

На оружии сверкала богатая инкрустация, искусная резьба и драгоценные камни. Золотые цепочки, протянутые к газырям, и отличные кони с дорогими подседельными попонами подтверждали высокий статус всадников.

Пщы и орк ехали уже несколько часов и коротали время в неспешной и доверительной беседе. Темой была, конечно, война с русскими.

Не то, чтобы беседующие хотели найти способ, как устранить причину войны. Они понимали бессмысленность этого намерения. И не то, чтобы они хотели открыть древнюю тайну войн между людьми. Ничего такого! Просто тема войны была для них непроходящей болью, а философический разговор ослаблял душевные страдания.

Разбирая причины войны, они сравнивали невоенные обычаи урысов и адыгов потому, что гордились своими самобытными привычками, а военных успехов почти не имели, несмотря на свою отчаянную храбрость.

Их радовали братские отношения между адыгами, которые не зависели от положения и богатства, глубокое уважение к старикам, взаимопомощь, переходящую в щедрое гостеприимство, скрытность брачной жизни, а также привлечение лучших семей к воспитанию детей.

Семьи, даже беднейших адыгов, нельзя было разрушать, и надо было помогать с калымом, если женятся. В долг, конечно!

Они отметили особо, что адыгов, даже подневольных, нельзя было продавать без их согласия, как делают проклятые

моски¹ со своими крепостными.

Урысы лгут всему свету, что у них нет рабства, а нас презирают за то, что мы держим невольников!

Старый адыг сказал:

Переправа (Ф.А. Рубо, 1889 г.)

– В чём отличие обычаев я покажу на примере. Старик и молодой стоят перед речкой. Урыс видит, что речка опасная.

¹ *обиходное название русских, видимо, от «Московского княжества»*

Берёт повод и переводит лошадь со стариком на другой берег.

Воспитанный адыг поступает иначе. Спешивается, спрашивает разрешение и, чтобы старик не попал в поток, поднимает старика на плечи и переносит. Уважать старость для него почётно!

Потом переводит лошадей. Добавлю, что нарты сделали бы лучше. Они перенесли бы на своих плечах старика с лошадьёю.

Наши обычаи доведены до совершенства народным опытом. Дальше, полагаю, некуда! Они древние.

Возьми, например, наш *гьугьудэгьазэ*¹! Народ мудро сохранил его. Адыги помнят свои обычаи с детства.

Нарушение обычаев строго наказывается на *хасэ*², где выборные судьи выражают мнение большинства народа.

У русских этим занимаются назначенные чиновники. Законы у них записаны, но народ плохо их знает. Чувствуешь разницу?

Судьи назначают наказание тоже по разному. Наши по *алкунуну*³ или, по-турецки сказать, *шариату*, то есть по божьим заповедям. А враги наши по законам, придуманным людьми.

Результат очевиден и не может быть иным. Из-за ошибок в придуманных законах творится зло: осуждаются невинные и прощаются виновные. Лишь божьи законы безошибочны и насаждают добро!

Старик замолк. Молодой адыг выждал почтительную паузу и, не дождавшись других мудрых слов старца, спросил:

– Не правда ли, что народы при всех различиях, волей-неволей, уживаются друг с другом и редко воют?

Старый адыг согласился и добавил с печалью:

– Думаю, что военные обычаи и сноровка придают

¹ *разворот в пути (адыг.): 1) адыг, встретив путника, не знающего пути в аул, сопровождает его с левой стороны из уважения, пока тот не достигнет аула или пока не отпустит; путник благодарит; 2) встретив князя или старшину, сопровождает его всюду, куда бы тот и свита не ехали, пока не отпустят.*

² *совещание, съезд (адыг.)*

³ *[правильный] путь, образ действий; закон (араб.)*

кажущийся смысл злым свойствам людей. Но, по сути, война это божье наказание за первородный грех. Отняв бессмертие, боги позволили людям убивать друг друга.

И это будет продолжаться до Судного дня, когда все мы получим по заслугам нашим, и побеждённые, и победители.

Из почтения к старику орк промолчал. Негромкий лесной шум перебивали лишь удары копыт и позвякивание оружия.

Пщы засмеялся по-доброму и проговорил:

– Кажется, ты хитришь, как греческий Улисс? И не следуешь примете «не стричься и не бриться перед сражением».

Молодой орк ответил:

– Я решил, что позову цирюльника перед походом и сделаю это ради уверенности товарищей, а не из-за волнения женщин. Для друзей требуется привычный вид.

Скажу об одежде. Некоторые занасивают платье до дыр, чтобы целое не досталось врагу. Я же просто не хочу срамиться, когда Азраил взмахнёт сверкающими крылами и примет мою смятенную душу.

Уверен, что нукеры подберут мое брненное тело и отвезут на родину, чтобы ангелы смерти помогли судить меня по небесному *алконуну* как доброго и верующего мусульманина!

Потом, помолчав, признался:

– Однако, ты угадал. Хитрость есть. Старшины, которые ждут нас, меня прежнего не видели. Пусть и дальше не знают моего настоящего облика.

Урысы требуют моей выдачи. Пусть ищут человека с рыжей бородищей! После похода спросить будет не с кого.

Старик согласился:

– Ты прав! Таинственность твоя растёт. Утверждают ещё, что кольчугу твою заколдовали духи гор, и она непробиваема.

Молодой усмехнулся:

– Ах, если бы такое было возможно! Невежи в кузнечном деле не знают, что такое панцирная кольчуга. Но пистолетная пуля её, точно, не пробивает. Проверено на телёнке.

Старик вздохнул:

– Невежи путают ложь с правдой. Для нашего дела это бывает полезно.

Недавно распространился слух, что генерал Засс ненавидит тебя за то, что ты украл его дочь и полгода учил адыгейскому языку, обычаям и вышивке золотой нитью. А выучив, вернул отцу в целости, чтобы напомнить о благородстве.

Когда ты её вернул, тебя не убили, потому что дочь пригрозила покончить с собой. Все тобой восхищаются! Смеются и говорят, что дочь стала для отца толмачом.

Оба рассмеялись. Старик заключил:

– Весёлую историю придумали! Люди утверждают, что именно поэтому генерал-шайтан обзывает тебя разбойником, мечтает отомстить и обещает заплатить предателям.

Молодой заметил:

– Некоторые старшины ищут выгоду во всём и мечтают помириться с русскими. На хасэ хотели совсем отказаться от малых набегов. Мы им не позволим чернить всех, кто стоит за народную войну. За нами вера народа. Ложь не спасёт трусов!

Старик *пцы* спросил, чтобы переменить тему:

– Али, расскажи лучше, как ты в разведке продержался столько времени и близко подобрался к дальним урысам.

Ведь разведчик должен знать, что разведываешь долго – скоро попадешься. Не прекратишь разведывать – попадешься непременно!

Али согласился:

– Ты прав, мудрый мой дядя Керендук! Я нарушил правила и нас двоих едва не схватили.

Спасало то, что мы появлялись в новых местах неожиданно и ненадолго. И скрывались в горах у кунака, пока выздоравливал мой помощник Аслан.

Я взял с собой в поездку Аслана Семеза. Ты его знаешь. Он хорошего черкесского рода.

Особых хитростей мы не применяли. Так распорядилась судьба. Она по воле Всевышнего нам благоприятствовала.

Али улыбнулся:

– Скажу ещё, что, как всегда, не думал ни минуты, что враги глупее, чем они есть на самом деле! Знаю, что почетно иметь врагом умного человека.

Помнишь, ты советовал мне изображать мастеровитого оружейника, торгующего собственными поделками.

Спасибо за торговое свидетельство ремесленника, купленное в Тифлисе! Оно помогло.

Также мне помог покойный *аталык*¹ Хуцэ. Если бы не он, я бы не смог сойти у врагов за ремесленника и торговца. Даже бог *Тлепи*² не спас бы!

Хуцэ, как ты помнишь, отлично разбирался в оружии. Чинил не хуже настоящего кузнеца! Он обучил меня этому.

У *аталыка* были знакомые мастера в разных местах. У одного из друзей абхазов я купил оружие, а у другого поделки из самшита.

Поэтому в разведке меня принимали за настоящего оружейника. Даже советовались о выборе оружия и починке.

Да и помощник подходил для моего дела. Он имел обманчивый вид увальня и неряхи грузина, однако был крепкий и сильный парень, находчивый и быстрый джигит. А как воин, был как раз такой, какой нужен в мгновенных стычках.

Впрочем, тебе известно, что есть у него один недостаток – не любит думать о последствиях своих поступков, а любит играть на *шычепцыне*³. Удивительно, сколько песен знает. Да, ты его слышал не раз!

Али засмеялся, а дядя заметил:

Ему все благодарны. Люди говорят, что он придумывает благозвучные речитативы к *уджам*⁴.

Прекрасные слова мы поём в *Шибле эдж*:

– *Элле, Элле, мы все разом тебе пляшем,*

*Элле, Элле, дерево Тхашага обтанцовываем.*⁵

Али сказал, вздохнув:

– Да, пришлось в разведке и танцевать, и таиться!

Дядя Керендук улыбнулся и спросил:

¹ глава семьи, в которую отдавали мальчика на воспитание (тур.)

² бог покровитель оружейных мастеров (адыг.)

³ *шыкЭпцын* - адыгская двухструнная скрипка (адыг.)

⁴ *удж* – хоровод пар; *Шибле эдж* - ритуальный танец, посвящённый богу грома, молнии и дождя *Шибле* (адыг.).

⁵ *Кадыр Натхо, Черкесская история, с.55.*

– Верно, ты хорошо исполнял роль опытного *сатыушч*¹?

Али ответил:

– Следуя твоим верным советам, пришлось потрудиться!
Расскажу по порядку.

Начали мы с Кисловодска. Действительно, кое-что продали.

Я заметил, что на Водах стало совсем не так, как прежде, когда мы помогали несчастным пятигорским черкесам, которые восстали против предателей биев. Тогда в аулах вокруг Бештау были убийства, голод, грязь, беспорядок.

Как божье наказание в тех краях началась *эмина*², и мы уехали. Да! Ты там тоже был!

Сейчас иное. Куда ни поедешь, всюду видно, как всё украсилось в ожидании царя. Будто прежней разрухи никогда не было!

Какая ужасная эта болезнь *эмина*, божье наказание! Человек харкает кровью и на третий день умирает. Болезнь не выбирает никого, а косит всех подряд.

Семьями умирали и дети, и старики, и сильные и слабые. Одно было спасение – бежать.

А эти проклятые шайтаны урысы нарочно поставили воинские кордоны и не выпускали никого. Ты знаешь, что они, исчадья ада, хотят. Они добиваются, чтобы наши люди умерли поскорее и освободили земли для них.

Погибших страдальцев хоронили не по-людски, а сваливали в общие ямы.

Ничего, мы припомним им все злодеяния и будем мстить. Извини, дядя, я не сдержался!

Мы с Асланом заехали также в несколько станиц. Торговля шла плохо. Народ там, как у нас, доверяет лишь тем чужакам, кто имеет известного поручителя.

В случайной стычке Аслан был ранен. Да я тебе рассказывал, каким молодцом он себя проявил и как нас задержало это ранение. Повторять не стану.

А вот в пятигорской оплошке я тебе тогда не признался, хотя должен был. Но не хотелось при людях откровенничать.

¹ *сатыушч* – купец (адыг.)

² *мор, чума, холера* (карач.-балкар.)

Сейчас, когда мы одни, расскажу откровенно. Будешь знать всё!

Так вот, рану Аслана мы с божьей помощью подлечили.

В Пятигорске в первый день нашей удачной торговли полицейский, обходивший продавцов, взял с нас базарную плату, отметил наше свидетельство и приказал зайти к полицмейстеру, чтобы нас там записали.

Заметь, не к приставу, а сразу к полицмейстеру! Это было подозрительно.

Торговавший оружием на базаре русский сказал, что нам надобно будет получить особое разрешение на продажу. У нас, мол, слишком много оружия. Мои подозрения усилились.

Урыс предложил купить всю нашу партию товара. Это было кстати, так как разведывать дальше я не собирался. Но я сделал вид, что не решаюсь продавать, и мы хорошо поторговались. Довольный урыс купил наши выюки вместе с лошадьми и даже заплатил за палки.

На другой день мы решили не испытывать судьбу и не торопиться с посещением полицмейстера, а отправились на край города к дому, где жили.

Накануне мы сняли для жилья сарай у сапожника, починявшего обувь на базаре. Оказалось, что это был сарай для скота, а по-русски хлев.

Жена уехала к родственникам. Одинокий он опасался пускать нас в дом.

Но мы ему хорошо заплатили, и он решился. Но в дом все равно не пустил.

Когда мы вернулись с базара и стали собираться в дорогу, пришёл пьяный сапожник и стал ругаться, почему мы не сходили в управу.

Почему уезжаем, не записавшись? Надзиратель на базаре грозился оштрафовать его и даже посадить в холодную за то, что пускает в дом негодных людей.

Десятский теперь озлится на него, дурака, из жалости взявшего к себе на постой неверных.

Этот невежа-сапожник не извинился, что поселил гостей в хлев, а бесстыдно поносил нас по-всякому. Невозможно передать его пьяные слова!

Мой долго молчавший горячий Аслан не стерпел

оскорблений и стукнул его по башке.

Ударил крепко, и тот упал замертво. Что было делать?

Мы снесли его в хлев и забрали деньги, которые заплатили. Оседлали коней и поспешили со двора.

Но не через улицу, где наш отъезд могли бы увидеть, а прямо по полю позади двора. Переправились через неглубокую речку Подкумок и, наконец, оглянулись.

Признаюсь, когда мы уезжали, я поджёг соломенную крышу сарая, чтобы уничтожить следы. Когда мы оглянулись, то увидели, что вслед за сараем загорелся дом, ветер-то был сильный.

Дело шло к ночи. Быстро темнело. Загорались другие дома. Ветер вздымал и уносил снопы искр. Урысам стало не до нас, и никто за нами не гнался.

Мили через две мы с радостью увидели, что Пятигорск горел, будто захваченный урысами адыгейский аул. Подножие горы и округу освещали впечатляющие отблески мстительного пламени.

Как мы возвращались, я не буду рассказывать. Это неинтересно!

Во время переправы через Лабу нас увидели казаки и обстреляли. Меня ранило, и конь мой прекрасный Алас погиб.

Спас он меня, как спас нарта Уразмака его конь, тёзка моего. Но увы, моему Аласу не было дано обмануть стража страны мёртвых.

Не будет мне прощения за то, что я подрезал ему хвост и гриву, чтобы он походил на русского коня. Теперь в *джаннате*¹ он бродит смешной для других коней!

Он меня любил и не заслуживает такого отношения на том свете. При этих словах голос Али задрожал. Глубоко вздохнув, он замолчал. Чтобы отвлечь племянника от грустного воспоминания, дядя сказал:

– Мы почти приехали.

Потом добавил ободряюще:

– Хватит тебе водить разведки. В этот раз поведёшь большой отряд. Тысяча джигитов — не то, что десяток или

¹ рай (араб.)

сотня!

Если наш поход удастся, то ты окончательно убедишь хасэ доверить тебе большие силы. Глядишь, сбудутся твои мечты, и ты сможешь превратить эти силы в настоящую армию, подчиненную твоему полководческому гению. В этом деле всегда рассчитывай на меня, как прежде на *аталыка* Хуцэ.

Всадники преодолели подъём на высокое плато возле впадения реки Шахе в Чёрное море.

Наверху перед ними раскинулся *Тагапк*. Так назывался обширный луг с редкими дубами, которые сам адыгейский бог *Шибле* отметил ударами молний. Это было священное место для народных собраний, а также для празднеств, церемоний и молений племени убыхов.

Совещание черкесов

Прибывших встречали князья и старшины соседних племён бисленеев, шапсугов, садзей и абадзехов¹.

На Кавказе князья и старшины не чурались работ в поле. Урожай был убран и подати собраны. В роще не допускалась никакая работа. Поэтому воинственные черкесские вожди, сидевшие на *Тагапке* под священным деревом, были уверены, что пришло естественное время для набегов.

Заповедная роща убыхов *Тагапк* была признанным местом для военных совещаний разных племен.

Вожди ждали хаджи Керендука Догомукова старшину из знатного рода Берсеков и его названного племянника Али, получившего в народе прозвище Хырсыз, то есть Разбойник.

Один из старшин играл на *апешине*² незатейливую мелодию и напевал однообразный речитатив, чтобы скоротать

¹ Часто упоминают 12 племён по числу звездочек на зелёном знамени адыгов, подаренном англичанами: абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, егеруковцы, темиргоевцы, мамхеги, махашевцы, натухайцы, жанеевцы, кабардинцы, шапсуги и хатукаевцы. Современники находили намного больше племен, например, называли маленькое племя садзей в районе Сочи и большое племя убыхов, жившее севернее современного Сочи (последний носитель языка убыхов умер в 60-х годах 20 века).

² *Гапэшынгэ* – адыгская балалайка

время. Едва хаджи и племянник появились, все встали.

Старый хаджи Керендук опоздал, как обычно. Он делал это намеренно, чтобы люди не забывали его высокое положение. Хаджи поздоровался, произнеся короткое: «*Уимафа шу!*¹».

Извинился за опоздание и затем, разрешая сесть, уверенно сказал слово, похожее на «*шукатысых*²» с ударением в конце. Признано всеми, что выговорить слово «садитесь», как надо, могут лишь природные адыги!

Совещание а священной роще вблизи аула Соче
(Дж.С. Белл, 1840 г.)

Собравшиеся неспешно обменялись новостями и передали приветы и сообщения от знакомых. Наконец, подошло время намаза. Без возражений согласились продолжить разговор после молитвы.

Мулла в белой чалме и белых одеждах, исполнив вместе со

¹ *Уимафэ шу!* – *Моё почтение! Добрый день! Здравствуй!* (адыг.)

² *Шъукъэтгысых!* – *Садитесь!* (адыг.)

всеми *зухр*¹, приступил к краткой проповеди:

– В семьдесят второй суре Корана сказано, когда Мухаммед, *Салла-л-Лаху алейхи ва салам*², начал молиться, демоны окружили его и слушали.

Таким же способом во время откровений они кружили вокруг Посланника Аллаха, *aleyhi salam*. Теперь они нападают на правоверных.

Среди них есть джины мусульмане.

Джины, подобно неверным, хотят подчинить себе наши души и помешать нам исполнить дела, угодные Аллаху.

Познайте святые слова, которыми пророк Мухаммед, *aleyhi wa salam*, сказал женщине, обратившейся к нему с жалобами на бесчинства джинов:

«Если ты будешь терпелива в борьбе своей, то предстанешь в Судный День пред Аллахом безгрешной и не будет тебе наказания».

Это значит, что для нас, истинно верующих в Справедливого, откроется рай за борьбу против джинов. Кто терпеливо борется с наваждениями демонов, тот испытает райское блаженство! Аминь!

Когда мулла закончил, все произнесли «Аминь!», поднялись с колен и восславили Прощающего.

Затем убрали молитвенные коврики и уселись на травянистом дёрне под деревом один против другого. Образовался привычный *хасэ*, похожий на застолье без стола. По факту, столом была святая земля *Тагапка*.

Когда все устроились, хаджи Керендук спросил, не будет ли кто против, если он возьмёт на себя обязанности *тамада*.

Все оживились. Они знали: у черкесов слово *тамада* было бы просто свёкор, у кабардинцев – глава застолья, только у них, адыгов, всё правильно – тамада станет мудрым жрецом.

Дождавшись спокойствия, хаджи Керендук сказал:

– Братья! Разговор нам предстоит серьезный. Будем говорить на *такобза*³, чтобы утаить сказанное от

¹ полдневная молитва (араб.)

² Да благословит его Аллах и приветствует (араб.)

³ тайный язык, на котором могло говорить дворянское и княжеское

непосвящённых. Вы не зря приехали издалека, оставив дела и заботы. Здесь мы встретились под сенью этого святого дерева, отмеченного крестом с крючьями для мяса жертвенных животных! *Псатха*¹ дерева поможет вам во всем.

Мнение каждого присутствующего будет услышано. Если должное решение будет принято, одобренные составят наказ *раису*², передадут джигитов ему и, когда придёт время, присоединятся сами по желанию.

На большом общенародном *хасэ*, собиравшемся весной, мы обещали устроить поход и отомстить генералу демону Зассу.

Храбрый князь бесленеев Айтек Каноков, присутствующий среди нас, рассказывал тогда, как в прошлом году проклятый Засс перешел Кубань, разорил и сжёг аулы, убил стариков, женщин и детей, уничтожил урожай и угнал скот. Души погибших взывают к мщению!

Все выхватили кинжалы и стали кричать «Кровь за кровь!» и другие негодующие слова. Некоторые вскочили.

Хаджи Керендук махнул рукой, успокаивая собравшихся, и продолжил:

– В этом году Засс на отнятой земле строит крепости и прокладывает просеки и дороги. Захватывает джигитов, чтобы менять на пленных урысов. Этот демон бесчинствует с востока.

С запада генерал Вельяминов в мае опять выводил своё войско и отбирал земли у натухайцев и шапсугов. Призовём богов и уничтожим демонов, которые кружат вокруг нас!

Хаджи замолк.

Князь бесленеев Айтек Каноков негромко проговорил:

– Доля наша горькая и нетрудно предположить, что этой осенью демоны опять нападут с востока и запада, чтобы устроить нам голод и разруху.

Раздался общий крик: «Уничтожим Шайтана царя и его демонов! Прикуём их ко льдам Эльбруса!»

Хаджи Керендук снова успокоил всех и продолжил речь:

– Братья! На весеннем собрании *раисом* избрали моего

сословия; остальным черкесам знать его запрещалось

¹ бог души; *псэ* – душа и *тхъа* – бог (адыг.)

² *раис* – глава (араб.), военный начальник (турец.)

племянника Али, прославленного джигита.

Вы слышали, что он получил ранение, когда разведывал москов за линией и выбирал место и время нападения. Всевышний оказал ему милость! Он излечился и может сам рассказать, что дала разведка и как исполнить волю хасэ.

Слава его велика! Урысы пугают детей его именем. Скоро их самих вместе с проклятым царём мы испугаем насмерть!

Слушайте райса Али, прославленного адыгэбатыра.

Али начал среди общего внимания:

– *Уимафэ шу!* Уважаемые братья, благодарю за доверие! Сначала расскажу, что я узнал. В рассказе добавлю также сведения, разведанные другими храбрыми людьми. Спасибо им! Они благосклонно поделились знаниями со мной.

Этой осенью урысы ждут императора. Однако когда он придет, точно не известно. Говорят, что это случится до осенней распутицы. Он поедет по дороге между Владикавказом и Ставрополем с большим воинским конвоем.

Урысы туда подтянули войско. Кордоны ослаблены, но усилена разведка. Боятся нападения. Помнят силу, которую мы показали в год императорской коронации.

Заставим их снова почувствовать, что истинные хозяева Кавказа – это адыгэхэр!

Все дружно поддержали:

– Пусть шайтан страшится храбрых адыгов! Аллах акбар!

Переждав крики, Али продолжил:

– Для похода всё складывается неплохо. За линией люди достаточно беспечны. Об этом, братья, я говорил вам раньше и теперь убедился снова. Даже торговцев на базаре проверяют редко и плохо!

Урысы съезжаются, чтобы увидеть императора. Значит, собирается богатая добыча и много пленных для наших джигитов. Хватит на всех!

Все одобрительно зашумели.

– Напомню, – продолжил Али, – что вы доверили мне выбрать время и место нападения. Всё подготовлено и продумано.

Я рассчитываю незаметно пробраться через кордон, что устроен урысами вдоль реки Лаба. Там есть хорошие лесистые

места.

Проверены переправы через Уруп и Кубань. К тому же перед зимой эти реки, как вы знаете, сильно мелеют и во многих местах позволяют без труда переправляться вброд всаднику.

Для быстроты пойдём одвуконь и налегке. Напоминаю, что скорый поход будет дальний, поэтому прошу всех участников обратить особое внимание на подготовку коней.

Об этом мы договорились заранее, и я понимаю, что мог бы не напоминать, поскольку вы все, благослови господь, – люди надёжные и ответственные!

Все одобрительно закивали.

После совещания сообщу каждому, кто присоединится, когда и где мы соберемся.

Совершив нападение, вернёмся другим путём, чтобы сбить с толку преследователей. Пленных привезем на заводных лошадях.

– Мы внимали! Аллах нам поможет! – сказали все.

Али закончил. Старшина шапсугов Ислам Тхаушев, опережая старших, поспешил сказать:

– Наши джигиты – лучшие конники на свете и твой план они, без сомнения, выполнят. Но в этом плане нет главного.

Ты, брат, не сказал, когда и куда ударит отряд. Не зная цели, я не могу рисковать джигитами.

Скажи, племянник, тебя учили, что ум хорошо, а два лучше? Ты должен сообщить мне, хотя бы на ухо, то, о чём спрашиваю. Влиятельный Али-бей, пославший меня, желает того же.

Ответ орка Али был прост и обдуман заранее:

– Помнишь, мы договорились о тайне? Если я скажу одному, а не всем, то найдутся обиженные, и мне придётся сказать каждому. Поверьте, я вас всех уважаю! И также уважаю нашу общую тайну!

Сказанное слово – что пуля, выпущенная из ружья¹. Куда после этого денется наша тайна? Никто не знает!

Вот ты говоришь о почтенном Али-бее. Ему ты обязательно

¹ Жэм кыдэкЫгыгъэ псалъэрэ шхончым кыкЫгыгъэ щэрэ. (адыг. послов.)

расскажешь. Люди верно говорят: «Тайна, известная троим, – уже не тайна»¹. Кому ещё?

Любопытных много и слухи разлетаются быстро. Вы все знаете, что урысские разведчики не дремлют. Что будет, когда они узнают о нашем плане?

Старшина шапсугов Ислам Тхаушев сказал с обидой:

– Подобно присутствующим, я не робкий *пцылт*², но ответственный человек и свой страх оставил с Аллахом.

Своё мнение поддержу твердой рукой! Первое – он поднял правую руку и покачал указательным пальцем – на *хасэ* не заставляли идти в большой поход и лишь советовали избегать мелких набегов. Второе – он подвигал в воздухе всеми пальцами руки – забыто братство адыгов.

И теперь главное, – я кладу руку на рукоять кинжала – мой кинжал сообщает мне, что молодёжь, вроде тебя, Али Хырсыз, не должна нарушать *орк Хабзэ*³!

Как свободный человек, я говорю тебе, что после таких нарушений идти в поход нельзя! Свой кинжал дважды не вынимаю, свое слово дважды не произношу.⁴

Все схватились за рукояти кинжалов, но старшина абадзехов Гасан Бидхев поспешил сказать:

– Братья, успокойтесь! Нельзя отказываться от договорённостей. Слава адыгов вырастает из согласия и доверия. В единстве наша сила, в раздоре слабость!

Мы верим Али Хырсызу и братьям убыхам. Боги благоприятствуют их начинаниям. Предприятие опасное. Император будет рядом. Если моски узнают о наших намерениях, они устроят нам такую встречу, что ни один джигит не вернётся!

Все высказались по поводу разногласия. Шапсуг Ислам остался в одиночестве, остальные поддержали Али. За

¹ *Нэбгырищы ашГэрэр шьэфэп.* (адыг. послов.)

² *пцылт* – невольник, раб (адыг.)

³ *Хабзэ* – неписанные традиционные законы взаимных отношений, поведения и мировоззрения, строгие в адыгском обществе; *уоркъ Хабзэ* – кодекс чести адыгейского дворянства

⁴ *Сикъамэ тло къысхырэн, сигуцылэ тло слорэн.* (адыг. послов.)

секретность громче всех ратовал князь разорённых бесленеев.

Хаджи Керендук поднял руку, призывая к вниманию. Все сразу замолчали.

Чтобы предотвратить дальнейшую ссору, он сказал:

– Окончательно определились участники похода. Это хорошо! Благодарю всех, кто поддержал наше решение!

Возражавших благодарю за участие в совещании. Надеюсь, что вы передумаете и присоединитесь позднее. Время ещё есть, и все будут вам рады».

Пока шло совещание, один из нукеров, что постарше, посвятил богам привезённых молодых барашков. Нукеры быстро разделали животных для торжественной трапезы, головы повесили на крючья креста и украсили цветами. Мясо жарили вне *Тагапка*. И уже сварили котёл пшённой *пасты*.

Исполняя действия жреца, хаджи Керендук опрыскал жертвенные головы питьём и положил немного еды на землю, смоченную кровью. Прошептал мольбы к богам *Тагапка* и сказал собравшимся:

– Уверен, что нас ждёт успех с храбрым и удачливым Али защитником веры, чести и народа.

Перед священными жертвами скажем вслух слова клятвы, которые адыги возносят богам, вступая в битву:

– Всемогущий *Тха*¹ и все *псатхи Тагапка*, услышьте нас!

Сидящий хор с воодушевлением произнёс речитатив:

– Враги отняли наших жен и детей, сожгли аулы, уничтожили отары и стада, разорили наш *Аттехей*. Отомстим врагам! Кровь за кровь! Смерть за смерть! *Мардж*²! *Мардж*!

С воодушевлением спели мольбу к верховному богу:

*Тха! Царствующий свыше,
Защити нас в борьбе.
Закатывающееся солнце расплеснет
Над морем свою кровавую красноту;
Прежде чем его луч взлетит,
Он блеснет на врага, убийственный.
Отомсти, отомсти за наши смерти!*

¹ *тхьэ* – бог (адыг.), *Тхьэ* – создатель всего, чей дух рассеян повсюду

² *Мардж!* – *Вперёд!* (адыг.)

Настал час кары!

*Тха поддерживает нас!*¹

Нукеры подали жертвенные кукурузные лепешки *жсамэ*. Затем принесли на низких деревянных столиках с короткими ножками густую *пасту*, окруженную кусками жареного мяса, и расставили посередине.

Компания неспешно и с удовольствием поела, облизывая пальцы. Выпила приятный напиток *цхьцу*, известный татарам, как *йогурт*. Одни его присаливали, другие перчили, третьи добавляли мёд – кому что нравилось.

Во время трапезы спрашивали Али, что он видел в разведке. Обсуждали сказанное. Сравнивали с тем, что было прежде. Али узнал много полезного для себя. В сторонке нукеры заканчивали обедать.

Старшины стали прощаться. Одни сказали *Шэча тызаочух* другие кратко *Хьярча*²

Вставая, Али охнул и пошёл, прихрамывая. Прощаясь, обнимал каждого и шептал на ухо время и место сбора отряда.

Дядя увидев, что он прихрамывает, спросил:

– Что, рана беспокоит?

Али не выносил жалости к себе и сказал:

– Нет, просто отсидел раненную ногу.

Дядя сказал:

– Видишь, я прав. Ты, кажется, поспешил с походом. Давай-ка, предложим вместо тебя другого *рауса*. Может быть, наши старшины согласятся с этим?

Волнуясь, Али перебил:

– А кто защитит народ и отомстит захватчикам? Демонов становится всё больше на земле и на море. Нельзя не спешить.

Но не все жалуют закон победы. Если обдумал и решил, то не медли и действуй быстро Хватит совещаться. Промедление смерти подобно!

Дядя спокойно сказал:

– Али, не горячись! Пора уже тебе привыкнуть, что у нас нет единства. Приходится преодолевать разногласия, подобные

¹ *КадырНатхо, с.189*

² *Шуклэ тызэлоклэх! – До свиданья!; Хьярклэ! – Пока! (адыг.)*

сегодняшнему.

Я узнал, что доверенные люди шапсугов ведут переговоры с урысами. Надеются, что приедет император и пощадит их, оставит жить на прежних местах и сохранит законы предков.

Поэтому старшина Ислам не идёт за тобой. Они не понимают, что цель императора неизменна – усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных.

Несомненно, шапсуги ещё вернуться. Ты обратил внимание, что садзы на совещании промолчали? Они, вероятно, откажутся в последний момент.

Племя небольшое и у них едва затих конфликт из-за пастбищ с убыхами, живущими в ауле Сочи. Они побоятся отпустить своих джигитов.

Али кивнул:

– Ты прав! Наше несчастье в том, что нет единства. Ссоримся и тычем растопыренными пальцами во врага вместо того, чтобы бить всей рукой. Он махнул рукой, будто в ней был кинжал.

Замолк, наблюдая, как нукеры на краю рощи возьмётся с пушкой. Задумчиво произнёс:

– Я давно говорю, что нужна настоящая армия! Собрал же войско в Чечне имам Шамиль. Так говорили урысы на базаре.

Дядя вздохнул:

– У нас такое не сделать. Князя не выберут *сераскира*¹, и никакой вождь не объединит *Аттехей*.

Все разругаются, потому что согласие с мнением соперника принимают за слабость. Хорошо ещё, если не изрубят друг друга.

Видел, что случилось на совещании? И грустно заключил:

– Наш жалкий кисмет определён богами!

Али лихо сдвинул папаху на затылок и сказал:

– Ты слышал, что Посланник Аллаха, *алейхи ва салам*, советовал в Коране не прекращать борьбу с джинами, чтобы попасть в эдем?

Продадим пленных – добудем деньги на пушки. Ты же сам говорил, что англичане обещали прислать корабль с пушками и

¹ заместитель Великого визиря и командующий войском

порохом. Вот тогда и побеседуем с царём урысов как надо!

И показал на нукеров, занимавшихся возле *Таганка* пушкой:

– Видишь, наши люди становятся артиллеристами. А научим их, они будут делать все, как в армии! Тогда победят!

Посмотрел, вздохнул и сказал:

– Зови джигитов, пусть седлают, и поедем.

На выезде из рощи их ждали знакомые турецкие купцы Эмин-Аге-Язычи Дигсабах-оглу и Гуссейн Сулейман-оглы. Поздоровались. Гуссейн напомнил черкесам:

– Уважаемые мудрый *бей* и храбрый *раис*! Вы, конечно, знаете, что согласно неисполняемому секретному запрету повелителя, да не будут прерываться дни его драгоценного здоровья, нашу торговлю в Трапезунде поддерживает благословенный *сераскир* Осман-паша.

Он ждёт невольников от вас, уважаемые. Заказал прислать красивого мальчика лет 15. Надеюсь, вы, уважаемые, понимаете, что ваше и наше благополучие зависит от благосклонности трапезундского *сераскира*?

Эмин-аге-Язычи прибавил:

– Смеею напомнить храброму Али, что самый выгодный товар – казаки. Я всех куплю! За одного дам сто *курушей*¹, вдвое и втрое по сравнению с прочими невольниками.

Мы будем ждать вас с нетерпением. Желаю удачи в походе!

Когда черкесы скрылись, купец Гуссейн-Сулейман сказал купцу Эмин-Аге-Язычи Дигсабах-оглу:

– Хитёр же ты, Эмин! Судьбу пленных определяет князь, но ты помнишь шапсугскую поговорку, что после *аталыка* «племянник для дяди – то же, что хан для своего народа»!

А цена казака в Стамбуле раз в десять выше, чем твоя! Десятикратный хитрец! Купцы рассмеялись.

Два черкеса, молодой и старый, ехали домой. Старик задумчиво сказал:

– Купцы знают о походе, будут знать и урысы. Скрывать время и место нападения – верное решение! Без сомнения!

Роща опустела. Береговой бриз сдувал лёгкий пепел с

¹ *серебряная монета, её начал чеканить Сулейман II в 1687 г.*

потухшего кострища и шелестел листвою огромного дуба, едва поворачивая и покачивая тяжелый висящий крест с головами трёх баранов и венками цветов.

То были следы смешения религиозных верований адыгов. Вслед за крещением от Византии язычники приняли ислам от Крымского ханства.

Прежние и новые обряды исполнялись небрежно, потому что люди хранили верность богам предков. Народ поклонялся природным явлениям, камням и деревьям, как по сию пору делают друиды.

Кровавое солнце или в черкесском толковании бог *Тыгъэ* нырнул в иссиние-черное море. Зелёный луч из-за горизонта последний раз осветил небо. Бледный брат *Мазэ*, бог Луны, понял, что пора скрываться за дождевыми тучами, присланными сердитым *Шибле*. Предстояла тёмная ненастная ночь с громом и молниями.

Купцы и доверенные лица совершили *магриб*¹ на берегу моря. поприветствовали стороны света, проговорив направо и налево «*Ассалямю аляйкум уа рахматуллах*»².

И под покровом ненастья и темноты приступили к чёрному делу – работорговле.

Она была отлично отлажена и взаимовыгодна для черкесов и турок. Турецкий невольничий рынок был известен всему Востоку.

На небольших турецких и черкесских каботажных судах торговцы и доверенные люди проникали через редкий заслон русских парусных крейсеров и отправляли в рабство мужчин, женщин и детей. Несколько тысяч в год на десятках судов. Однако самих черкесов не продавали, опасаясь кровной мести.

Кроме рабов из *Аттехея* вывозили мёд, воск, кожи, рыбу, серебряную руду, скот, коней и древесину. Ввозили соль, готовые ткани, предметы роскоши, прекрасные доспехи, много пороха и оружия.

Как известно, во время войны торговля бывает особенно выгодной. Самой доходной была работорговля. Она

¹ *молитва после заката солнца (араб.)*

² *Мир вам и милосердие Аллаха (араб.)*

поддерживала черкесскую войну. Поэтому контрабандисты упорно не бросали страшную торговлю людьми, хотя точно знали, что урысы убьют их, если поймают.

Крестины внука

Пётр понимал, что сегодня случилась досадная накладка. Вместо того, чтобы присутствовать на крещении внука, он ждет императора в Кисловодске. Хуже всего, Пётр уверен, что император не приедет, но не может отказать коменданту Чайковскому. Надобно помочь принять государя.

Пётр не стал менять назначенного крещения на сороковой день после рождения, чтобы избежать ненужных пересудов среди прихожан. Это повредит его семье, ведь они пока ещё новички в этом городе. Вот и получилась досада – он сидит в Кисловодске, а в это время крестят его первого внука в Пятигорске.

– Решили назвать внука Григорием, – думал Пётр, – Имя хорошее и на Кавказе распространённое. Барон генерал Григорий Владимирович Розен здесь всем командует, а на нашем участке воюет храбрый генерал барон Григорий Христофорович Засс.

Впрочем, мы выбирали имя не из-за этих совпадений с генералами и баронами, – усмехнулся Пётр, – просто, батюшка Павел нашел, что в церковных Святцах на сороковой день рождения упоминаются вместе святые Григорий, Алексей, Мария, да ещё и Пётр.

Редкое слияние имён произошло! Алексей и Мария – так зовут родителей Григория.

– С выбором имени для внука получилось удивительное волшебство, – повеселел новоиспечённый дед Петр.

В ресторации наступил перерыв между обедом и ужином, когда приехал сын Алексей с подробным отчётом о торжественном событии.

Во-первых, – сказал он отцу – отчитаюсь перед тобой, как идёт строительство дома. Можно сказать, что к зиме дом будет готов.

Железную крышу почти закончили и уже прибили

покрашенные водосборные желоба, водосточные трубы и сделали на печной трубе красивый конёк. Кровельщики сказали, что ещё день-два, и они начнут красить всю кровлю.

Я поставил под углы крыши со стороны двора пожарные бочки для сбора дождевой воды. Теперь от дождя и пожара, избави нас, господи, мы защищены. Когда вернёшься, сразу освятим дом, как наметили.

– Какой конёк сделали на трубе?

– Над дымоходом на укрытии от дождя укрепили флюгер. Предлагали слелать в виде лошадки или повторить петушка, как у соседа. Но я предпочёл красивый кораблик.

– Это правильно! Нашей фамилии лучше подходит, – согласился Пётр.

– Во-вторых, расскажу тебе о крестинах. Обряд совершил батюшка Павел в нашей городской церкви Всех скорбящих радость. Пришлось прервать послеобеденный сон сыночка.

Держал перед купелью и принимал наш Егор. Он теперь крёстный. А крёстной матерью, как ты знаешь, захотела стать Мария Николаевна, супруга Ивана Ефремовича Дроздова твоего друга.

Добрые у Гриши крёстные появились! Со временем они будут приобщать Гришу к церкви и помогать в жизни, если потребуется.

После погружения в купель сын расплакался и долго не мог успокоиться на руках у ласкающей и нежно уговаривающей Маруси. Дома при купании он обычно не плакал.

Когда Маруся вынесла его из церкви, он затих. Мне показалось, что обрадовался солнечному свету. Я спросил его:

– Гришенька, солнышко, посмотри какой замечательный день стоит. Ты рад погулять с мамочкой?

Папа, он посмотрел на меня и заулыбался.

Похоже, Гришеньке не нравится шум и темнота. В церкви-то дымный сумрак стоял! Шумно было, да ещё и пели громко. Раньше я как-то не обращал на это внимание.

В других-то храмах поют чувствительно, а у нас солдаты глотки драли изо всей мочи. И регент не мог их пыл сдержать. Признаюсь, я им приплатил. Вот они и старались.

Пётр подумал: «Сынок, сынок! Что ты болтаешь?»

Но сказал доверительно:

– Сынок! Похоже, от попойки никак не отойдешь?
Подожди чуток.

Вышел и через минуту вернулся с двумя рюмками запеканки. Они чокнулись, выпили и поцеловались. Алексей увлечённо продолжал рассказывать о Гришутке, а Петр радовался:

– Папа, представляешь, какой удивительный малыш растёт?

Пятигорск, церковь иконы Божией матери Всех скорбящих радость (кадр фильма «Мери», Грузия-Фильм, 1926)

Как-то его перепеленовывали. Слово какое заковыристое! И не выговоришь! Пере-пеле-новы-вали!

Короче говоря, меняли мокрое на сухое. Из одежды осталась одна распашонка.

А он не обращал внимания на эту суету и продолжал спать.

Ты знаешь, он спит почти всё время. Просыпается лишь, когда Маруся берёт его, чтобы дать грудь! Во сне он подвигал ручками и ножками, будто разминал их.

Едва он перестал двигать ручками-ножками, я протянул к нему руку, чтобы поправить ему распашонку. Конечно, медленно и осторожно. И тут он, спящий, схватил меня маленькой ручкой за большой палец.

Представляешь, сделал это спящий и с закрытыми глазами! Удивительно, как он почувствовал, что я собираюсь прикоснуться к нему? Чудо, да и только!

Признаюсь тебе, папа, за ним необыкновенно интересно наблюдать. Да времени всё не хватает! Когда он родился, было много работы. Одна поездка с обозом чего стоила. И мы отложили крестины. Сомневаюсь, правильно ли сделали?

Хорошо, что ты помог с медиками во время Марусиных родов. Что бы она без тебя делала одна со своими болезнями?

Пётр спросил:

– А кто пришёл отметить крестины?

– Курсовых в городе осталось немного. Поэтому наши работники, свободные от обслуживания, были в церкви и смогли прийти к нам домой. Они были первые.

После пришел твой покровитель Пётр Петрович с супругой. Сказал, что сейчас наступили решительные дни, после которых будет понятно, приедет ли государь в этом году или не приедет.

Ещё были Егор с Верой. За их домом в Ставрополе присматривает бабка, Верина мать.

Конечно, пришёл твой друг доктор Дроздов с Марией Николаевной. Потом отец Павел и купец Челахов. Знакомые греки были недолго.

Были работники из ресторации. Принесли с собой торт. Столы накрыли во дворе, благо погода была теплая. Посидели хорошо. На подарок собрали больше ста рублей.

Пётр выслушал отчёт и сказал:

– Хорошо, что расходы на крестины окупились!

Потом вдруг громко рассмеялся:

– По части хватания за палец ты в своё время был решительнее, чем твой сынок. Не стеснялся и хватался сразу двумя руками, а потом держался очень крепко. Сразу показывал

характер.

Не сомневаюсь, что ты будешь превосходным родителем, если будешь чаще протягивать ему руки. Пусть Боже поможет тебе и Марусе! Мы тоже поможем, чем можем!

Дед снова засмеялся. Лицо его перестало быть мрачным. Из бакенбард отца и сына глядели широкие улыбки.

В этот день в кисловодской ресторации ужин был недолгим, потому что ужинать пришло всего несколько человек. Это были последние задержавшиеся курсовые.

Гостиница закрылась, и колокол не призывал на ванны, но Пётр продлил работу ресторации на два дня по просьбе этих людей.

Сегодня продление закончилось, и вечером работники собрались, чтобы поздравить счастливых Петра и сына.

В буфетной сдвинули и быстро сервировали общий стол. Горничная Ксения поставила в середину сладкий фруктовый пирог, испечённый дома её мамой. Зажгли свечи в шандалах.

Лукерья и Анна подали мёд, конфекты, печенье и сладкие пирожки. Митрич достал и открыл две бутылки портвейна. Нефёдыч внёс со двора пышущий жаром самовар.

Из крепости зашел ненадолго майор с рекрутом Александром. Майор поздравил обоих Найтаки и передал им подарок – деревянную лошадку на колесиках, сделанную солдатами в крепости. Лошадка была разрисована «яблоками» и украшена хвостом и гривой из настоящего конского волоса.

Пока все рассматривали и восхищались детской игрушкой, Прасковья просила Петра Алексеевича простить её и принять назад. Клятвенно обещала «ни капли в рот не брать на работе».

Пётр ей сказал:

– Садись за стол. Тебе все рады! О работе поговорим после.

Затем Петр раздал каждому по куску пирога. Благословил с молитвой трапезу.

Торжественное чаепитие в честь Гришутки, его родителей и деда с бабкой началось.

Присутствующие поздравляли Алексея. Он благодарил.

Как только все немного успокоились, Пётр сказал:

– Некоторые из вас, как вы знаете, будут вместе со мной готовить дом к зиме. Другие останутся ждать императора.

Когда сообщат из Пятигорска, чтобы не ждали, тогда я сделаю окончательный расчет и отпущу всех, а сам уеду в Ставрополь.

А сейчас наша общая работа – дожидаться государя!

Все примолкли. Общее настроение было неопределенным. Прерывая молчание, Ксения по своему обыкновению начала рассказывать байку-талалайку:

– Верно сказано! Судьба бывает разной. Жил как-то на хуторе молодой казак с серьгами в ушах, то-есть последний в роду. И была с ним одна дряхлая его нянька.

Утром прибежали со станицы мальчишки и передали казаку, чтобы он после обедни зараз был на майдане готовым к походу. Атаман собирает круг.

В станице казак бывал нечасто, – хватало работы и в поле и дома. Он решил отдохнуть: пропустить обедню и заглянуть в кабак.

Нельзя сказать, что он был большой любитель выпить. Просто ему вдруг захотелось с неведомой силой.

Войдя в кабак, казак перекрестился на угол и огляделся. В зале было пусто. Сидел один фигуристый дед без руки и с серьгами в ушах. Дед показался казаку знакомым, но он не мог вспомнить, где видел раньше. И решил его угостить.

– Дед, – спросил молодой. – Не возражаешь? – и подал старику стопку полугарного.

– Сидай, милый, сидай! – ласково пригласил дед.

Услышав ласку в голосе, казак решил спросить:

– Дедусь мы с тобой встречались?

– Угадал! Я Судьбина твоя, а зовут меня Рок!

– Рок, никто не знает своей судьбы! – молодой подумал, что старик шутит. Выпил свою рюмку. Дед сумно сказал:

– Предвещаю! На круге ты пойдёшь спроть всех и встретишь положенную тебе судьбу.

На круге атаман объявил, что посылает отряд на выручку окруженного черкесами поста. Пост может не выстоять, и казаки окажутся одни против большой партии разбойников. «Есть добровольцы?» – спросил он.

Все шагнули вперед. Атаман сказал: «Начну с молодых неженатых». Указал насекомой на молодого казака с серьгами, последнего в роду:

– Ты остаёшься в станице по воле круга.

Все казаки прокричали «любо».

– Нет, – вскричал молодой, – я товарищей не брошу!

Отобранные казаки отправились вершки в бой. Ночью скрытно подкрались и кинулись разом. Постовые их поддержали, и враги разбежались. Во время атаки молодой казак был, как велено, при уряднике в арьергарде, но пуля – дура. Вдарила в руку. Руку отрезали напрочь.

Стал он инвалидом. Бедствовал, не женился, и ненька его вмерла.

Тут Ксения замолчала и вздохнула:

– Не могу продолжать. Грустно. Придумайте сами конец!

Все задумались. Александр рассудил категорически: «Не мог казак бросить друзей, каялся бы всю жизнь. Он был честным до конца!»

Митрич промолвил задумчиво:

– Выхода у малого не было. Он пошел против судьбы!»

Сторож Нёфёдыч, уже «под мухой», рассудил:

– Ученые люди говорят, что судьба человека зависит от его характера. Но в этом случае было не так! Характер был золотой, а судьба хуже некуда. Это называется парадокс.

Кухарка Прасковья высказалась всердцах:

– По кабакам не надо ходить! Тады судьба будет доброй планидой!

Все неволью засмеялись.

Петр Афанасич сказал:

– Слава богу, у нас есть вера. Принял решение, уповай на господу. Он укажет верный путь.

Прасковья заключила:

– Суеверия до добра не доводят!

Долго молчавший Алексей определил:

– Старец Рок не был предсказателем. Он сообщил то, что давно известно каждому, – казаки выбирают волю!

В конце концов все согласились, что предсказание Рока не могло быть иным. Ксения была довольна, – она прогнала уныние.

Нёфёдыч вздохнул и поспешил сказать:

– Нальём-ка ещё дворянского портвейна. Иначе не

разберемся в сложностях жизни.

После пели дружно. Гитара Алексея и хор, повторяя репертуар пикника, уверенно поддерживали Лукерью.

Анна решила и спела новый романс «Что мне жить и тужить», услышанный Александром в госпитале. У Анны обнаружился голос! Хлопали, но Петру её пение показалось простоватым. Он всё ещё искал сильных солистов для хора, которым рассчитывал удивить императора.

Она пела, а он думал:

– Что значит – молодость? Всё нипочем! И петь может. И кружится, взмахивая платочком. И ничто её не заботит. Для неё свет в окошке – это любовь и милый дружок. А ведь ей сироте не просто живётся! Может быть для императора сопроводить пение народными танцами?

Закончив празднование, все разошлись. Счастливые Анна и рекрут Александр, задержавшийся с разрешения майора, устроили посиделки на лавочке в опустелом парке. От холода парочка накрылась лоскутным одеялом, шептались и целовались. Поцелуи были жаркими.

Им было что обсудить. Они были уверены, что будущее сулит им необыкновенное и единственное в мире счастье. Их невинная любовь вызвала сочувствие у майора, мечтавшего о собственной женитьбе.

Набег на Кисловодск

Наши деды – славные победы!
Песня суворовских солдат

После курсового сезона кисловодский гарнизон готовился к зиме. Команда подпоручика Фёдорова доделывала работы на ваннных самоварах. Оставались работы по парку и бульвару.

Особая солдатская команда заканчивала заготовку и подвозку дров от Бештау в крепость и в слободу. Провизию и фураж уже запасли, даже с небольшим избытком на непредвиденный случай.

Всё шло налаженным армейским порядком, и у майора Никанора Ивановича, командира батальона и начальника

крепости, наконец, нашлось время для охоты с собакой.

Рано утром 24 сентября (6 октября по григорианскому календарю) 1836 года он отправился в близлежащее урочище.

Кисловодск уже просыпался, когда довольный майор поднимался верхом по тропе к вершинам синего Джинала. В небе над Джинальским хребтом ясно различалось величественное созвездие охотника Ориона.

Майор рассуждал: «Звёздный охотник скроется в лучах солнца и придёт время *homo sapiens* стать *venator sapiens*¹» Засмеялся и заключил:

– Буду охотиться по небесному благоволению согласно врождённому инстинкту. Погода подходящая – бабье лето.

Трава полегла и Весте будет удобно челночить. Перепела отлетели на зимовку. Но куропатов изобилие прежнее. Птица нажировала. Не будем скромничать, нас ждёт большое удовольствие!

Легавая бежала впереди, принохиваясь. Радостно подпрыгивала и виляла репицей. Сонный денщик Кузьма ехал сзади.

Майор погладил подсумок на поясе:

– Достаточно зарядов с дробью и пуль найдётся, если кто попадётся! В Кисловодске все стреляют. И добро бы, метко! Да, и дисциплина хромает. Ничего, найду им дело на стрельбище!

В утреннем полусвете всё замерло в ожидании солнца. В тишине слышалось позвякивание сбруи. Глухо и мерно ударяли копыта.

Над горами Кабан и Большое седло появились первые солнечные лучи. Станный тихий шум послышался сзади. Майор обернулся, и неожиданная картина открылась перед ним.

Сверху было отлично видно, как с переправы через Подкумок на город движется конница.

Майор крикнул денщику: «Возвращаемся!» Повернул рывком коня, позвал собаку: «Веста, ко мне!». И поскакал вниз.

Хорошо было видно, как внизу несколько всадников гонятся за одним, скачущим к сторожевому посту, а остальное

¹ охотник разумный (лат.)

войско неотвратимо движется мимо молчащей станицы к городу.

– Накаркал я, – думал на ходу майор. – Дело нашлось само! Как могли пикеты не заметить такой огромной партии горцев?

Донеслись звуки одиночных и вскоре частых выстрелов. Он видел, как люди выскакивали из домов и в панике бежали в крепость.

Поток конницы задержался на нарзанной площадке перед гауптвахтой, окутанной пороховым дымом.

Когда стрельба разгорелась, майор уже прискакал к ресторации. Он знал, что здесь были надёжные люди из отставных солдат, и в сложившейся ситуации ресторация могла задержать нападавших, когда они пройдут гауптвахту.

Набег конницы (фрагмент панорамы
Ф.А.Рубо «Штурм аула Ахульго», 1890г.)

Сейчас всё решало время, пока пушки крепости не начнут палить! Нападающих много и спасение было в пушках. Он был уверен, что офицеры крепости не замешкаются.

Солдаты подпоручика Фёдорова снимали крышки с самоваров во дворе ваннх сараев, когда прогремел выстрел, и мимо ворот промчался верховой казак, громко крича: «Тревога! Нападение!».

Казак переправился через речку Берёзовую и с криком поскакал в гору к воротам сторожевого поста. Его нагоняли всадники.

«Хей! Хей! Хей!» – слышалось боевое гиканье черкесов. Сверху на казачьем посту сделалась пальба.

В команде подпоручика солдаты были без оружия, лишь двое, престарелый унтер-офицер и молодой рекрут, успевшие забежать в ворота, были при оружии.

Это дневной наряд направлялся к въезду. Пост у шлагбаума содержали в ожидании приезда императора.

– Василий, дружок, – сказал подпоручик унтеру, – беги к Реброву, что есть мочи, и поднимай тревогу!

А рекруту приказал: «Молнией в ресторацию. Пусть бьют в колокол и спасаются!» Остальным солдатам он велел бежать во всю мочь в крепость к пушкам и заторопился за ними.

В крепости забил «тревогу» барабан. Когда пробежали мимо окутанной пороховым дымом энергично стреляющей гауптвахты, им крикнули, чтобы прислали подмогу.

Разбойники грабили дома на въезде. Там кричали люди.

Вскоре убегающие солдаты были на другой стороне речки. Ещё чуть чуть и, поднявшись на крутой косогор, солдаты скрылись в воротах крепости.

Едва держащийся на ногах и задыхающийся старый подпоручик прибежал последним на ближний бастион, обращённый в сторону нарзанного колодца.

Противник находился в секторе этого бастиона. С других бастионов он наблюдался плохо, и там стрельба задерживалась. У бойниц на эскарпах солдаты с ружьями были наготове.

Артиллеристы уже развернули орудие в нужном направлении. Старший фейерверкер¹ доложил, что картечь до горящего поста не достанет и поэтому зарядили ядром.

¹ чин в артиллерии, как старший унтер-офицер в пехоте или старший урядник у казаков

Подпоручик проверил прицельную дистанцию.

– Вот молодец, – подумал он о фейерверкере, – точно исполнил наставления. Отстреливающаяся гауптвахта располагается на безопасном удалении от настильной траектории.

– Ребятушки, сейчас поможем, как следует!» – обрадовался он.

Но точка прицеливания, к его досаде, оказалась в стороне от толпы всадников, крутившейся перед гауптвахтой.

По правилам, составленным императором Павлом в Гатчине и действующим попрежнему, первый выстрел делается как можно скорее, даже если прицел плох. И офицер не стал перенацеливать.

Прибежали с огнём. Второй номер зажёл фитиль пальника.

Подпоручик снял прицел. По команде «Орудие, пали!» все отодвинулись от пушки, номер стряхнул пепел, раздул губами и поднёс пальник к скорострельной трубке¹.

Вперед вылетела мощная струя пламени. Ядро улетело. Ударил мощный раскатистый грохот и орудие откатилось.

Дым скрыл мишень. Позади барбета села на землю женщина. Прижимая плачущего младенца, закричала охрипшим голосом:

– Ратуйте, люди добрые!»

Женщины стали её успокаивать:

– Не бойся! Наши отобьются! Не бийся!

Рекрут Александр Симонов взбежал по лестнице на входной балкон ресторации. С балкона было видно, как на горке за Берёзовой горит казачий пост.

Ему открыли дверь. Он прокричал, что сторожевой пост горит, а разбойники грабят дома.

В зале хозяин Найтаки и слуги, одетые для ремонтных работ, заряжали ружья и пистолеты, сложенные на столах. Майор, его начальник, смотрел в окно. Александр доложил, что подпоручик сказал, чтобы звонили в колокол.

¹ *вставляемая в запальное отверстие тростниковая трубка с чашечкой, набитые пороховой мякотью*

Пётр Найтаки послал приказчика Митрича бить набат, а майор приказал Александру командовать обороной заднего входа, объяснив, что лишь на Александра он может положиться, как на военного человека. Велел взять со стола заряженное ружье и приготовленные заряды.

Черкесский князь (Ф.Д. Монпере, 1833 г.)

У заднего входа готовились кучер Тохтар с кинжалом на поясе и сторож старик Нефёдыч с саблей на перевязи. Ружья стояли у подоконников, готовые к стрельбе.

Старик уступил место Александру, и встал сбоку окна, чтобы хорошо видеть въезд во двор. Поварёнок, брат Анны, с

обнажённым кинжалом подошёл с другой стороны окна, выглянул и сказал:

– Командир Саша, я готов к бою!

Со стороны фасада послышались выстрелы, и колокол прекратил бить набат. С последним ударом во двор въехали вооружённые всадники.

В сверкающем низком шлеме с красным флажком, в красной куртке, наброшенной на блестящую кольчугу, в красных ноговицах и чувяках узнавался бий.

Его гордое лицо украшали короткая чёрная борода и усы. Позади него всадник держал зелёное знамя.

Нефёдыч напомнил негромко:

– Без команды не стрелять! Целить!

Мирному карачаевцу ещё дед завещал ненавидеть грабителей и конокрадов черкесов. Отец погиб от их рук.

Александр шептал тайное заклинание, завещанное покойным другом, и наводил ружьё. Тохтар, выбрав цель, внятно проговорил:

– *Аллах болушсун!*¹

Тут из кухни на двор вышла помощница поварихи Анна с ведром. Наверное, за работой в закрытой кухне не обратила внимания на частую пальбу и колокольный набат.

Увидела черкесов, бросила ведро, кинулась назад и захлопнула дверь. Ведро загремело, всадники остановились.

Бий засмеялся и один из нукеров поехал к кухне. Неожиданно поварёнок влез на подоконник, спрыгнул на галерею и с криком «*Не займай, проклятый! Тримайся, сестричка! Тримайся!*»² побежал к кухне, размахивая кинжалом.

Ветеран Нефёдыч отдал команду, как заведено в армии, начав протяжно и резко закончив:

– Целься! Пли!

В пороховом дыму они разглядели, что конь у кухни вздыбился и повалился, а черкес спрыгнул на землю. Бий покачнулся и начал падать с седла.

¹ *Да поможет бог! (карач.- балкар.)*

² *Не трогай, проклятый! Держись, сестрёнка! Держись! (укр.)*

Ближний нукер подхватил его и закричал:

– *Щэр раисым тефаг!»¹*.

Спешенный черкес подбежал, помог удержать раненого и вскочил на его коня.

Всадники закричали

– *Ар уага!*²

И разрядили ружья по окнам ресторации.

Пули ударили в стены. Обороняющиеся, укрывшись за подоконниками, поспешно заряжали ружья.

Всадники повернули и выехали со двора. Нефёдыч выстрелил вслед. Мальчишка отчаянно стучал кинжалом и кулачком в дверь кухни и истошно кричал: «Нюся! Нюся! Це я!

Тохтар тихо и удовлетворённо сказал:

– *Аллах, бек сау болугуз!*³

Совершил Всевышнему короткую *дуа*⁴ словами любимой суры «Корова»:

– *Раббана такаббаль мина иннака анта ас-сами уль - алим»⁵* – и, собрав мысли, воздевая руки на уровень плеч произнес – *Уа туб аляйна, иннака анта т-тауабу р-рахим.*⁶

Случилось чудо! Он не был уверен, что Али Хырцыз ему встретится, и страшился упустить шанс. Помнил, как советовал отец положиться на волю Всевышнего. Обращаясь с молитвой к Аллаху, увеличил заряд с серебряной пулей против заговорённой брони. И шанс пришёл по воле Аллаха. Спасибо тебе, отец!

Подпоручик, видя готовность артиллеристов, скомандовал:

– Бань орудие!

Тут к бастиону прискакала охлюпкой на коне местная

¹ *Щэр раисым тефаг!* – Раис поражён пулей! (адыг.)

² *Ар улагъэ!* – Он ранен! (адыг.)

³ *Аллах, большое спасибо тебе!* (карач.- балкар.)

⁴ *в исламе мольба (араб.)*

⁵ *Господи наш, прими это, Ты – Все слышащий и Все знающий (сура аль-Бакара, аят– 127) (араб.)*

⁶ *и прими наше покаяние, Воистину, Ты – Принимающий покаяние, Милосердный (сура аль-Бакара, аят– 128) (араб.)*

жительница вдова генеральша Мерлини с саблей на боку и задраным подолом, показывавшем всему свету белые исподние панталоны.

Размахивая нагайкой, она кричала:

– Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу, валяй картечью.

Старик ответил:

– Слушаю, матушка, ваше превосходительство!

Его артиллеристы вида не подали, что слышали. Обмакнули банник¹ в баклагу² с уксусной водой, стряхнули и пробанили ствол.

Подпоручик когда-то подчинился её мужу и привык, что генеральша вмешивалась во всё подряд. Сейчас она говорила дело.

Поэтому он приказал:

– Орудие! Заряжай с гранатой!

Канониры³ первый и второй действовали точно, как часы, споро заложили и прибили в стволе новый заряд, принесённый из стоящего позади зарядного ящика.

Два других канонира протравником⁴ пробили протравочное отверстие и по команде вставили скорострельную трубку. Каждый номер знал свой манёвр. Недаром Фёдоров старательно обучал расчёт пушки приёмам по новому артиллерийскому уставу Маркевича.

Быстро и дружно накатали орудие.

Отстранив канонира, подпоручик поставил прицел и стал целить в сторону въезда в город. Не видя за дымом, он по памяти уверенно вертел левой рукой винт подъёмного клина под стволом и жёстами правой руки командовал четырьмя гантландерами⁵.

Они поворачивали тяжёлый лафет гандшпугами и

¹ утолщение со щёткой на длинном древке для чистки ствола

² деревянное ведро

³ звание ниже бомбардира (ефрейтора)

⁴ заострённая толстая проволока, на тупом конце загнута в кольцо

⁵ младший артиллерийский чин (подносчик, физическая сила)

правилами⁶, а канониры удерживали колесо.

Вдруг, покрывая шум сражения, впереди послышались дикие вопли. Дым рассеялся, и все увидели, что враги отступили и были уже далеко.

Всё было ясно! Облегчённо вздохнув, подпоручик перекрестился и сказал: «Слава богу!» Затем громко похвалил орудийный расчёт:

– Молодцы, братцы! Всем по чарке водки!

В ответ раздалось дружное:

– Рады стараться, ваше благородие!

Генеральша прокричала, подняв нагайку:

– Вот как надо бить разбойников! Со мной не пропадёте, ребятушки! Отслужим благодарственный молебен нашей победе, и каждому будет щедрый подарок!

Услышав нестройный ответ, подпоручик сказал:

– Отставить! Разве так кричат «ура»? По команде, дружно, – и махнул рукой.

Артиллеристы и зрители прокричали громкое УРА.

Подпоручик, промурыжив время для надёжности, наконец, отдал команду к разряжанию.

Противник исчез, и барабанщик крепости пробил «Отбой».

Последние команды «Чистить ствол после стрельбы» и «Клади принадлежность» артиллерийский расчёт выполнял со смехом, весело уточняя, кому что почистить и чью принадлежность куда положить.

Напряжение спало. В крепости радовались неожиданному спасению и начали наводить порядок. Жители расходились по домам, оживлённо обмениваясь впечатлениями.

Когда прогремел пушечный выстрел и раздались вопли черкесов, майор Никанор Иванович и ресторатор Пётр Афанасьевич перебежали под антресоль зала.

В окно, открытое на двор, они увидели бьющуюся на земле жалко ржущую осёдланную лошадь, лающих собак, волнующихся у коновязи коней, помощницу поварихи Анну,

⁶ прочные палки, используемые как рычаги при повороте орудия: гандштуги – для станины, правила – для опорной подушки лафета

обнимавшую перед дверью кухни плачущего поварёнка с кинжалом. Посреди двора валялось пустое ведро.

Нефёдыч вышел во двор, и дрожащая собачка прижалась к его ногам.

Майор спросил, что произошло. Тохтар, поглаживая усы, спокойно ответил:

– Заезжал Али Хырсыз.

Александр стал восторженно рассказывать, как Тохтар подстрелил бея. Вдруг майор жёстко приказал:

– Молчать! После поговорим!

Ружейные выстрелы прекратились, и крики толпы удалились. После короткого молчания донеслось торжествующее «ура».

Майор понял, что нападение отбито, и, чувствуя, как спадает внутреннее напряжение, негромко проговорил Петру:

– Смотри-ка, твой Тохтар подстрелил знаменитого Али Хырсыза! Ловко жажнул!

Мы гадали, где чёртов разбойник прячется. И вдруг, извольте радоваться, он сам явился во всей красе! Как говорят на театре, закончил жизнь, поражая зрителей!

Ты скажешь, что он лишь ранен? Только не после такого стрелка, как Тохтар. Он отправил его туда, где ему быть должно, – в преисподнюю. Есть комната с запором?

– Буфетная, – ответил Пётр.

– Тохтар, оставайся на страже! Нефёдыч, Александр и все остальные, кто стоит здесь, ты, ты и ты, за мной, – приказал майор. – Запри дверь! – сказал он Петру Афанасьевичу.

В тёмной комнате с закрытыми ставнями, где они едва различали друг друга, майор строго произнёс:

– Тихо! Слушайте! Вы все храбрецы! Не испугались супостатов! Вам слава! Но с этого дня вы никому ни единого слова не скажете, что Тохтар стрелял в бия.

Если бий умрёт, Тохтар и весь его род станут для черкесов кровниками и желанными предметами охоты. За знатного черкеса не примут даже щедрый выкуп.

Кто бы ни спрашивал, отвечайте: «Не знаем, не видели!». Не проговоритесь! Не опозорьте славы храбрецов, не будьте предателями, пособниками врага!

Понятно? Клянитесь перед всеми нами и перед господом, что будете молчать!

Все зашумели. Майор громко повторил:

– Понятно? Клянитесь перед господом!

– Клянёмся! – ответили Нефёдыч, Александр и слуги. И перекрестились.

Пётр Афанасьевич тоже поклялся и прибавил:

– Если проговоритесь, мы с майором, прости господи, отводя беду, скажем, что вы придумали всё со страху.

Тогда бог вам судья! Вас будут считать лжецами, пустомелями, хвастунами, клеветниками, да ещё и трусами. Никанор Иванович, верно, я говорю?

– Точно! – ответил майор. – Есть новость. При всех скажу. Александр Симонов, с сего дня тебя никто не смеет называть «рекрутом», все должны говорить с уважением «солдат».

Будешь хорошо служить, можешь даже жениться. Сейчас тебе отпуск, солдат. В крепость вернёшься к вечерней поверке.

Александр стал смиренно и, не показывая радости, чётко ответил:

– Рад стараться, ваше высокоблагородие!

Когда все ушли, майор сказал Петру, чтобы зашёл в крепость обсудить, как отметить победу. Прибавил, чтобы передал своему кучеру Тохтару, о чём договорились в буфетной, и вышел.

Денщик отвязал лошадей и со двора повёл в конюшню. Легавая бежала впереди майора, гордо подняв репицу, будто возвращалась с охоты.

Пётр Афанасьевич отпустил слуг и предупредил, чтобы пришли на другой день с утра вместе с поварихой чистые, как стёклышки.

Позвал Тохтара и признался ему, что очевидцы его превосходного выстрела поклялись молчать о том, что он ранил разбойника.

– Если выстрел смертельный, пусть помрёт, как собака, – сказал Афанасьевич, – Прости господи! Этот человек продал душу дьяволу и не заслуживает очищающей мести. Незачем злодейскому роду делать кровников из тебя и родных! Слишком много им будет чести!

Прими мой совет, *тенгим*. Молчи, будто ничего не было!

Тохтар не сказал ни слова, и непонятно было согласен он или нет.

Пётр понимал, что другу будет непросто принять решение. Надо будет пойти против горских условностей и унижить себя перед родными.

Не услышав ответа, Пётр велел успокоить раненную лошадь, снять седло и сбрую и идти домой.

Кучер взял пистолет со стола и вышел. Со двора послышался выстрел. Ржание прекратилось.

Петра волновало, какое решение примет Тохтар. Их отношения были по-мужски уважительными, и Петр сделать больше ничего не мог. Надеялся лишь, что был услышан.

Он стал думать:

– Пророк Моисей не оставил заповеди «не лги», но всё равно лгать да ещё заставлять людей так поступать – тяжкий грех! Даже вынужденно, даже ради спасения жизни или в случае военной хитрости!

Его тревожило, простит ли церковь его сознательный грех или отец Павел наложит на него епитимью. Ради друга он перенесёт любое божье наказание!

Пётр посмотрел на стенные часы. Битва заняла каких-то полчаса. Он догадывался, во сколько началась стрельба, но на часы тогда не смотрел. Но дольше она не длилась!

Пришёл Митрич. Петр запер ресторацию, и они пошли в крепость.

Александр помог Тохтару снять седло и сбрую с убитой лошади и остался ждать Анну.

Стал размышлять о заклинании, которое узнал в госпитале:

– Оно защищает всех вокруг, и противника, и животных. Допускает ранение, иначе говоря, не даёт умереть сразу. Можно было бы назвать его «не убий», как по заповеди. Но это не так – ему всё равно, если умирает спасённый.

Не делает ли оно ещё что-то опасное? Может быть, это третий случай, который не назвал друг? А другие случаи? Александр решил никогда заклинание не применять. Лучше не связываться с нечистой силой!

После набега

Нефёдыч, уходя из ресторации домой, по привычке взглянул на кухню. Отворил без стука дверь. Она не скрипнула, и он застал Анну и Александра врасплох.

Счастливая Анна с заплаканными глазами и с улыбкой на губах смотрела, как Александр правой рукой брал пирожок, кусал его белыми зубами и клал назад, жевал и запивал чаем, ещё жевал и глотал, а из левой руки не выпускал её руку. Казалось, она удивлялась прикосновению руки и быстрому исчезновению пирожков.

– Вижу беспорядок в войсках! – пошутил Нефёдыч. – Новый солдат вкусно празднует победу, а о ветеране забыл!

Улыбающаяся Анна пригласила его к столу и налила чаю.

– Голубонька! – сказал он, – Ради победы надо бы что-нибудь погорячее.

Пошукай-ка горилки в тайничке. Я знаю, Прасковья, пока хозяин не прогнал её, прятала там склянку для бодрости, а Лукерье это ни к чему. Она другая, и держит бутылочку лишь для важных гостей, таких, как я.

Анна принесла и поставила бутылку на стол. Нефёдыч налил полстакана. Сегодня Анна готова была кормить и поить весь белый свет.

Дед снял свою заношенную шляпу, и Анна подумала:

– *Це не капелюх, а ганьба! Впевнена, Саша буде не проти, якщо я запропоную купити кашкет або капелюх для діда».*¹

– Другое дело! – сказал довольный Нефёдыч. – Спасибо!

– Мне не надо. – поспешил сказать Александр, – Не хочется огорчать ротного в такой день.

– Правильно! – согласился Нефёдыч и, крикнув, выпил. – Старайся служить честно! Вишь ты, милая, парень этот бедовый солдат. И брат твой тоже храбрый парнишка! Как он кинулся защищать тебя! Черкесу было трудов-то – схватить его одной левой и утащить? Господь спас! Он пожалел тебя за доброту! Скажу тебе, что братик твой сегодня заново родился.

¹ *Это не шляпа, а позор! Уверена, Саша будет не против, если я предложу купить фуражку или шляпу для деду.* (укр.)

У Анны потекли слёзы. Старик укусил пирожок, пожевал беззубым ртом, глотнул чай и рассудительно пояснил:

– Хороший мальчонка растёт. Храбрец. Убежал смотреть, что случилось после боя. Пушай смотрит! Всё хочет знать про Александр Василича Суворова.

Дед, – говорит, – расскажи, как ты молодой вместе с Суворовым воевал.

Я рассказываю. А он снова спрашивает:

– Дед, он точно мальчишек в бабки обыграл?

– Точно! – отвечаю. – Сейчас скажу вам о том, что ему не скажу – он не поймёт. Мал ещё! Надеюсь, что вы поймёте!

– Что такое? – спросил заинтригованный Александр.

Нефёдыч пояснил:

– «Бог нас водит – он нам генерал!» – говорил Суворов. Ежели вспоминать бесчисленные победы Александра Василича, то поймем, что ему, славному полководцу, это было виднее всех на свете!

Однако мне, старому дураку, думается, что на Кавказской войне мы зависим от другого – нас водит судьба.

Кавказ – такое место на Земле, где по неведомой божьей воле встречаются христианский фатум и магометанский кисмет, – парочка, что дружит без границ и ненавидит без предела! Как они договорятся, так и будет, и нет у них божьего милосердия.

Понял я это ещё совсем зелёным солдатом. Мне было тогда 16 лет, хотя выглядел я на все 18, таким был крепким. Не то, что сейчас, поверьте старику!

Наша рота бутырцев стояла в *фельдианце*¹ возле переправы через реку Ея в землях ногайской орды, когда Александр Васильевич Суворов по приказанию светлейшего Потёмкина и по велению великой Екатерины занялся переселением ногайцев на просторные земли, что раскинулись у реки Урал.

Реку Екатерина повелела называть Урал вместо Яик, дабы даже старые названия не напоминали ей о смутьяне Пугачёве. В те самые степи она и велела переселить ногаев подальше от

¹ земляное полевое укрепление с пушками в 17-18 в.в. (нем.)

османских подстрекателей.

А цари или царицы, им что? Для них, известное дело, исполняй или жестоко накажут! Ордынцы ослушались, перебили русский отряд, что их сопровождал, и повернули назад.

Судьба их была решена! Дело-то происходило на Кавказе. Здесь властвуют две высшие силы, фатум и кисмет. Кисмет от ногаев отвернулся и всё решил фатум.

Пока дед разглагольствовал о прошлом, Александр смотрел на Анну. И она казалась ему такой милой и несчастной, что хотелось гладить её кудряшки и говорить что-нибудь ласковое. Но в присутствии Нефёдыча он не смел выразить свои чувства.

С тех пор, как после госпиталя Александр был радостно встречен Анной, всё вокруг переменилось. Он чувствовал бесконечное счастье.

Командиров считал прекрасными, хотя и строгими людьми, исполнял все приказания со старанием. Надеялся, что об этом услышит Анна и не будет строга к нему. Так трудно объясниться с ней!

Он вздрогнул от мысли:

– Какой ужас, что на неё напал конный черкес!

Вздыхая, Александр не может выразить словами, как он рад видеть её, такую красивую, живую и невредимую.

Счастливым мыслям Александра мешали длинные рассуждения Нефёдыча. И он перебил старика:

– Дед, мы уже слышали, что вы не отбились бы ни картечью, ни залпами ружейного огня от такой огромной толпы ногайцев при втором штурме, если бы не прискакали на помощь драгуны владимирцы, и за ними не прибежали роты Бутырского полка во главе с самим полковником Телегиным.

Мы знаем, что в этом упорном сражении погибло много наших, а ногаев ещё больше. И ты был ранен первый раз.

– Правильно, – сказал Нефёдыч, – но ты не слышал главное. Ихний *мурза*¹ Канакай командовал нападением всё время и был застрелен в голову при окончании разгрома канакаевцев, а наш Хырсыз был подстрелен в самом начале

¹ *господин, наследный старшина, князь (тюрк.)*

нападения. Кто это определил, как ни кисмет с фатумом?

Ты скажешь, что это дело случая! А что такое случай, как ни эта чёртова парочка. Согласись, судьба Кисловодска – остаться спасённым городом, а не разорённым окончательно!

– Ну, ты и завернул, Нефёдыч. Трезвому не понять! – сказал Александр, пораженный логикой старого солдата. И чтобы разболтавшийся пьяненький Нефёдыч не проговорился о выстреле Тохтара, сменил тему разговора:

– Хватит мудрствовать! Ты скажи лучше, не встретился ли тебе наш поварёнок? Аннушка беспокоится о брате.

Водопад на речке Ольховой
(Р.Р. Голике и А.И. Вильборг, 1902-1903 г.г.)

Нефёдыч был хорошо знаком с обычаями слободских мальчишек. И сообщил:

– Уверен, твой братик и его приятели облазуют поле боя и отправятся купаться под водопад на Ольховке. Бабье лето пришло и тепло держится, но горная вода стала ещё холоднее, чем всегда. Илья-пророк давно купанье уволок! Сходите-ка с Сашей на водопад и прогоните мальцов оттуда.

Анна встревожилась. Даже слёзы исчезли.

– Вірно, дидусь! Він хлопчик ніжний, зовсім незагартованої на відміну від цих хлопчаків. Треба поквартитися!¹

Александр попытался успокоить её:

– Аннушка, не тревожься! Господь не допустит, чтобы в иордани простудился рождённый в рубашке. Есть примета такая – повторно крещёный будет жить долго.

Недаром зимой все погружаются в прорубь на крещение господне. Водопад будет твоему братику крещенской купелью.

Анна, услышав о зимнем купании, ещё больше затревожилась. Нефёдыч прошептал молитву и поблагодарил:

– Спасибо, милочка! Я пошёл. Утро нонича выдалось тяжкое. Надобно чуток отдохнуть. Вечером мне караулить.

Вдруг дед захохотал и сквозь смех сказал во весь голос:

– Охренеть! Один выстрел и джигиты разбежались!

Надел шляпу и вышел, громко напевая:

– Солдатушки, браво, ребятушки, где же ваши детки? Наши детки – пули, ядра метки. Вот где наши детки.

Домой его вела, оглядываясь, собачка. Он допел песню и сказал ей: «Жучка, не трясись! Дед позади. И с нами победа!»

Анна накрыла еду рушником, сняла передник, надела чувяки, заперла кухню и поспешила за Александром.

Он закинул ружьё за плечо и взял её за руку. Она не отняла. Под ногами у них шуршали опавшие листья, над головами покачивались оголившиеся ветви деревьев.

Под лучами остывшего осеннего солнца они долго шли по опустелому терренкуру, прижимаясь друг к другу, будто испуганные дети.

Оба были одиноки в этом суровом мире. Души их тянулись друг к другу, и сердца бились часто. Было и радостно, и грустно в одно и то же время.

Но выйдя из парка на тропинку, ведущую к водопаду, влюблённые разняли руки. Анна пошла позади. Оба сделали вид, что у них нет ничего общего. Сплетни им были ни к чему!

На водопаде они не нашли никого. Домой вернулись через базарную площадь, надеясь там увидеть мальчишек. Анна

¹ *Верно, дедушка! Он у меня мальчик нежный, совсем незакалённый в отличие от этих мальчишек. Надо поторопиться! (укр.)*

молчала, и Александр не решился взять её за руку.

В начале парка перед ресторацией солдаты сгребали опавшие листья в кучи и жгли. Поднимались клубы дыма.

Домой братик пришёл вечером, закопчённый, провонявший дымом пожара и измазанный углем, как сапог трубочиста. С пожарища принёс грязного мокрого котёнка.

Анна облегчённо вздохнула и улыбнулась котёнку. Брат был цел. Позже она узнала, что слободские, страшась слухов о бродячих черкесах, запретили мальчишкам ходить далеко.

Анна велела братику снять одежду и стать в таз.

Сестра мыла брата, как родная мать, тёплой водой, оставшейся от работ, а он рассказывал ей по-украински о своих дневных делах.

Её он слушался и на людях пользовался русским языком, чтобы не выделяться, но дома говорил на *рідній мові*.

Ему вспоминались покойные родители. Сестра радовалась – братик, как и она, приучался чисто говорить на двух языках.

Жаль, что в пятигорское училище братику не попасть, не берут бедных на казённый кошт, но Саша уже научил его азбуке. Читать и писать он тоже научит!

– Мы пошли к горке *допомогти пораненим і подивитися на убитых, а там їх не було. Ось як!*¹ – рассказывал брат. – Тільки усе конями потоптано.

И скло в викнах розбити, и стенци кулями побити. Коляня, що Горепечкин, выковыривал кулю зи стени.

Тут нас погнали.

На пожарище, що за речкою на горке, никого не було. Коляня говóрить: «Добре! Гляньте-ка, сколько всего горит!

Ну, мы снесли горелые палки в кучу и устроили костер, какого никто не видел. Даже когда казаки на горке сигнал зажигали.

Мы марширували навколо и писню спивали, якую ты нас вчила: «*Ой на горі та й женці жнуть, / ой на горі та й женці жнуть, / а попід горою, яром-долиною / козаки йдуть. / Гей, долиною, гей, / широкою, козаки йдуть.*»²

¹ *помочь раненым и поглядеть на убитых, а там их не было. Вот как!* (укр.)

Майор отправил рапорты с конными гонцами генералу Зассу в Прочный Окоп и полковнику Чайковскому в Пятигорск. Ресторатору Петру предложил подготовить торжественный ужин на третий день, чтобы в складчину помянуть погибших и отметить победу. Было названо число приглашённых.

Пётр предложил меню. Договорились о цене блюд и о вине. Вывесили объявление. Предстояло сделать много.

За вином и прочим Митрич и Тохтар отправились в Пятигорск. Завтра должны будут привезти.

На другой день в обеих церквях, слободской и станичной, горевали и молились о спасении угнанных в плен.

Совершили отпевание и похоронили казаков, сгоревших на посту, и поручицу Шатилову, изрубленную в своём доме потому, что её не смогли пленить из-за чрезмерной полноты.

Тело казака-калмыка, поднявшего тревогу и погибшего у ворот сторожевого поста, забрали родственники. Он погиб, как герой, — подняв тревогу, спас многих.

На третий день солдаты получили подарки от жителей после благодарственной утрени. Для солдатских артелей был устроен праздничный обед. Налили по чарке, было мясо, каша и наваристые щи, а к чаю – печенье из ресторации. Жители, пришедшие в крепость, пели и плясали с музыкантами оркестра и солдатами. Кабак не закрывали.

Из Пятигорска прибыл комендант укреплений на водах полковник Пётр Петрович Чайковский. В ресторации на торжественном ужине поздравил офицеров и достойных горожан.

Пели с воодушевлением новый российский гимн «Боже царя храни». Пётр и слуги тоже радовались и пели. Они сражались, как все, но о них за столом не говорили. Не по чину!

Вспоминали случаи, очевидцами которых были. Никто не думал искать спасителя Кисловодска. Когда подпоручик Фёдоров признался, что решительный выстрел получился мимо, шутили над ним и артиллеристами.

Восхищались генеральшей Мерлини. Через несколько месяцев она показывала всем золотой фермуар к ожерелью.

² *Ой, на горе и жнецы жнут, / Ой, на горе и жнецы жнут, / А под горой, яром-долиной / Казаки идут. / Эй, долиной, эй, / Широкой, казаки идут. (укр., песня сечевых казаков)*

Золото украшали бриллианты и георгиевский крест. По словам генеральши, фермуаром её наградил государь.

Можно представить себе, как был поражен государь, узнав о подвиге генеральской вдовы, которая стреляла из пушки по горцам и одним выстрелом остановила огромный набег.

Торжественный ужин закончился хорошо. Полковник благодарил Петра. Сказал, что ресторация превзошла себя.

– Я был прав, – думал Пётр, – что назначил Лукерью новой поварихой, несмотря на сомнения Алексея.

Теперь я совершенно уверен, что Лукерья примет Прасковью как помощницу, и ссориться они не будут. Как ни как, обе свахи. А семейные связи много значат в наше время! Хорошо они справились с прошедшими хлопотами.

Полковник и майор сидели в домике майора и обсуждали утреннее нападение, которое случилось третьего дня.

– Видит бог, – сказал полковник, – мы сделали всё, как следует. Поспешное отступление противника, несомненно, объясняется отличными действиями артиллеристов.

Больших потерь не случилось. Генерал посчитает, что это нападение было обычным на сторожевой линии. Наград и наказаний не последует.

Майор помнил тайную договорённость в ресторации о выстреле Тохтара, и поэтому изменил направление разговора:

– Держу пари, генерал прикажет служить дальше государю и отечеству, как положено!

Сошлись во мнении, что подготовка к зиме успешна и что восстановительные работы солдаты сделают быстро.

Очистят площадку у нарзанного колодца, восстановят разметку бульвара, заделают и закрасят следы пуль на стенах домов. Уберут следы поста, сгоревшего на Казачьей горке.

Так завершилось нападение черкесов на Кисловодск.

На долгой Кавказской войне было много такого, о чём помнят до сих пор: большие жертвы с обеих сторон, славные подвиги, известные в подробностях. Были и полузабытые случаи. Один из них – уникальная оборона Кисловодска!

Наверное, в мире нет ни одной крепости, с таким успехом промахнувшейся по врагу единственный раз за всю свою историю. Эта крепость – кисловодская!

В чем была настоящая причина бегства врага, сообщили агенты, которых командующий Засс содержал среди горцев. Али Хырсыз, предводитель набега убыхов и абадзехов, был ранен пулей и впал в беспамятство. Руководить было некому.

Черкесов охватило всобщее отчаяние. В неведении, что делать, они отступили в сторону вершин Эшкакона. Надеялись, что предводитель очнётся, но через несколько вёрст обнаружили, что он умер, и решили уходить.

Эшкаконский пост Красивый пропустил черкесов, не смея пикнуть.

Зато стало понятно движение разбойников к реке Аксаут. В ущелье реки генерал Засс устроил засаду в выгодной позиции. Черкесы прорвались ценой больших потерь.

Плененные казаки были освобождены. Курсовых среди пленных не было, так как лечебный сезон закончился.

Со временем Александр Симонов взял в жёны Аннушку и стал полусолдатом. По приказанию заботливого коменданта солдаты крепости построили домик молодоженам. С тех пор на водах встречается красивая фамилия Симоновы.

В плену у горцев

В 25-ю годовщину победы над Наполеоном Иван Петрович Бежитов, полковник в отставке, георгиевский кавалер и гусар, поддался на уговоры жены Авдотьи Гавриловны съездить снова на Кавказские воды. Три года назад заботливая жена убедилась, что лечение водами помогает израненному мужу.

Подошло время повторить курс. На этот раз жена решительно присоединилась к мужу, опасаясь, что ему не доехать одному. Они вместе преодолели долгую и трудную дорогу на перекладных.

После курсов в Пятигорске и Железноводске Бежитовы устроились в Кисловодске. Сняли домик за речкой Ольховой.

Лечились нарзаном. Гуляли в парке. Обедали в прекрасном зале ресторации у знаменитого Найтаки. Завтрак и ужин слуга приносил домой.

Как-то прохладным вечером, особенно приятным после дневной жары, пара прогуливалась *en plein air* у нарзанного

колодца и наблюдала с благовейным восторгом, как над горами солнечные лучи сражались с мраком опускающейся ночи.

Иван Петрович смотрел на драматический закат и не решался говорить, боясь испугать Авдотью Гавриловну своим страшным рассказом.

Жена спросила:

– Отчего вы молчите, *mon ami* Иван Петрович?

Огненные лучи заката покрыли всё вокруг червонным золотом. Пораженный триумфом света, Иван Петрович отбросил сомнения и начал:

– Душа моя, интересная история случилась при набеге черкесов на Кисловодск в 1836 году. Её рассказал мне третьего дни на ваннах пятигорский знакомец, штаб-ротмистр в отставке.

Незадолго до набега купец по фамилии Костюченко привез из Астрахани в Пятигорск вязигу, залом, воблю и другую вяленую рыбу. Продал. Искал компаньонов, готовых покупать белую нефть на промыслах в Балаханах с тем, чтобы с выгодой продавать в Бессарабии. Но предприятие не сложилось.

Взамен знакомый армянин Аракчеев, торговавший на пятигорском базаре, предложил купить в Кисловодске ржаной муки четвертей 200. Дал 200 рублей в задаток и верховую лошадь кавказской породы.

Полковник Иван Петрович умолк, любуясь открывшейся картиной. Он и жена как раз дошли до въезда в Кисловодск.

Бледный месяц был виден на безоблачном синем небе. Узкая желто-красная кайма венчала вершины гор со стороны солнца. Закатное солнце угасало.

Глубоко цветные почти черные тени создавали резкий контраст с мягкими ярко-желтыми цветами предметов, скал, деревьев и горных склонов.

Вечернюю тишину оттенял негромкий шум речки. Дневная жизнь заканчивалась.

– Посмотри-ка, *ma chérie*, сюда! Тут случилась беда. Муж прокашлялся и указал на ближнее жильё.

Через тын была видна хата с закрытыми ставнями и дверью. В тихом дворе не было ни души.

– В этом домишке, дорогая, *commis voyageur* Костюченко

снимал угол у поручицы Шатиловой, вдовы. Когда началась перестрелка возле гауптвахты, черкесы ворвались в дом. Они стали хватать всех, кто подвернулся под руку.

Отбивающуюся хозяйку не могли протащить через дверь из-за её тучности. Старший разбойник зарубил несчастную саблей.

Перепуганного насмерть купца вытолкали во двор. Тут прогремел выстрел пушки из крепости. Разбойники поспешно посадили пленника на заводную лошадь, крепко привязали к седлу и молниеносно покинули двор, не забыв прихватить деньги и лошадь коммивояжера.

– *Gens terrible et dangereux!* – сказала Авдотья Гавриловна и покачала головой.

– Ты права, радость моя, эти люди ужасные и опасные, – согласился полковник и продолжил рассказ. – Разбойники ехали быстро и без остановок. Несомненно, хорошо знали дорогу.

Когда стемнело, стали на привал. Один пошел к лошадям, привязанным рядом. Другие легли, завернувшись в бурки. Купец всю ночь даже не пытался заснуть. Задремывал. И часто просыпался. Ночью в осенних горах особенно холодно. Окоченел так, что не мог даже думать о побеге.

Утром до света поехали дальше.

В пути к ним присоединились трое верховых. На заводной лошади они везли мертвеца, завернутого в бурку и спеленутого веревкой. На других заводных лошадях ехали женщина с грудным ребенком, мальчик лет 12 и маленькая девочка.

Разбойники остановились и стали бурно выговаривать что-то друг другу. Едва не дошло до драки. Старший черкес разнял. После купец узнал, что вместе с пленниками везли главаря черкесов Али Хырцыза, застреленного в Кисловодске.

Вечером на привале их встретила группа горцев во главе с почтенным старцем. Они забрали мертвеца. После них уехали трое черкесов со своими пленниками. Купец справил нужду в сторонке и напился воды из ручья. Съел выданный ему кусочек холодной каши.

На седьмой день подъехали к усадьбе старшего разбойника. Она выглядела невзрачно. На возвышении стояли турлучные

домишки и сарайчики, покрытые досками и соломой. Огорожей служил старый покосившийся плетень.

Рядом были ровные участки обработанной земли. Каждый из них был окружен рядом кустарников и деревьев. Между участками вились узкие грунтовые дороги.

Другие холмы составляли края просторной долины. На холмах стояли усадьбы, а между холмами росли рощицы и выступали сглаженные скалы.

Долина реки Буу (Вардане, Сочи) (У.Симпсон, 1855 г.)

Что будет с ним в этом прибежище разбойников? Душа его дрожала. Он оглянулся. И замер в восхищении.

Открылась потрясающий красоты живая картина. Ничего похожего прежде он не встречал, хотя повидал немало в своих торговых поездках.

Свежий морской бриз гнал по голубому небу снежно-белые облака. Вдали виднелось море. Бегущие тени облаков заставляли земные цвета переливаться.

Желто-оранжевые убранные участки кукурузы и проса

делались красно-коричневыми. Нежно-зеленые рощицы синели, а скалы бурели. Синее море местами чернело. Лента бурливой реки оставалась пестро-белой.

Редкие высокие деревья на её берегах покачивались под ветром. Слабый шум ветра и негромкое журчание реки оттеняли божественный покой.

На этой прекрасной земле жили *убыхи*, самое воинственное племя среди двух десятков черкесских племен. Себя они называли *пех*.

Коммивояжер удивился, что его не посадили в узилище, а отдали черкесскому мальчишке, пасшему козье стадо. Помогая жестами, мальчишка сообщил, что его зовут Али, а господина – Аслан Семез.

Усадьба, дом и работа по дому-- всё называлось *уна*. Свое большое стадо Али назвал словами, неприличными для нашего уха, – *цагу хъайуанхэр*.

Авдотья Гавриловна не удержалась:

– Иван Петрович, не ругайтесь!

– Не буду, любовь моя, – ответил муж, пожал плечами и пояснил, – по-ихнему это значит просто «домашние животные». Продолжил рассказ:

– То ли из озорства, то ли ради значительности, купец назвал себя Коммивояжер. Мальчишка запутался в длинном имени, и укоротил его до Комми. Они посмеялись. И вроде бы подружились.

Жена господина давала Комми работу. Он старался работать хорошо. Помнил свое рабское положение.

Его поселили в *чат*, по-нашему закут для котных коз. В *чате* имелся рабочий инструмент. Комми копал мотыжкой огород и рубил лес на дрова. Заменял на крышах солому.

Повреждения в стенах замазывал мокрой глиной с коровьим помётом, который приходилось беречь потому, что коровы были редки, а помет высыхал и портился. Тогда он сдавал его на топливо. Приходилось часто носить воду снизу из реки *Буу*. Черкешенки кувшин называли тоже «кувшин».

Еду, которую ему давали, называли *шхын*. Она состояла из просяной каши, козьего сыра, пресной лепешки и родниковой воды. То же самое ели хозяева.

Первое время Комми очень замерзал по ночам. Обувь у него совсем развалилась. Хозяйка дала ему два куска сыромятной кожи. Он сделал себе чупыки, по черкесски *чу акы*.

Хозяйка одобрила и принесла рваную горскую одежду, иглу и суровые нитки для починки. Добавила потрепанный войлочный башлык и старую бурку, называемую *джаока*.

Коммивояжер все время думал о побеге.

– Подневольный труд делает жизнь невыносимой, – размышлял он. – Убить себя – грех тяжкий! А бороться за свободу нет возможности.

Недаром племя убыхов считается самым воинственным и организованным среди черкесов. Они превратили прекрасную местность в крепость и тюрьму одновременно.

Как здесь красиво! Эта красота зимой может стать моей могилой. Местность населена плотно. Если убегу, то меня, не знающего дороги, возьмет в плен всякий встречный черкес и, если не убьёт, то сделает своим рабом.

Скажу имя господина. Меня вернут ему. Ведь за кражу народное собрание *хасэ* жестоко наказывает по *шариату*. Недоказанную кражу считают молодечеством. Жалобы раба, как и детей и женщин, суд не принимает во внимание.

Понятно, почему эти преступники предпочитают красть детей и женщин, как скот. Тех и других продают с выгодой.

Комми был почти уверен, что в Турцию его не увезут. Умножившиеся в последние годы русские крейсера на Черном море пресекали работорговлю в любое время, даже в зимние шторма.

Он слышал, что, завидев корабль, контрабандисты сбрасывали в море живой груз. Русские же моряки не арестовывали работорговцев, потопивших людей, а убивали без жалости. Лодки уничтожали.

Комми заключил, что в конце концов его ждет скорая гибель. Бежать надо обязательно. Во что бы то ни стало! Но не сейчас! Зима препятствует. Надобно хорошо подготовиться к теплой погоде и весне. Старинная поговорка «на бога надейся, и сам не плошай!» помогала ему выжить.

Порыв ветра принес прохладу. Авдотья Гавриловна поправила шаль на плечах. Иван Петрович умолк, покашлял.

Жена взяла его за руку.

Они вошли под защиту прогулочной галереи. Сели на лавку у стены. Иван Петрович решил прибавить к рассказу подробности, надеясь немного развлечь молчащую жену:

– В ожидании зимы Комми обустроился, – сказал полковник. – Сложил из камней очаг для согревания. Завесил окно и дверь закута шкурами. Вбил в стену колышки, чтобы вешать одежду.

Взятие русскими матросами турецкой лодки и освобождение пленных кавказских женщин. (И.К. Айвазовский, 1880 г.)

Соорудил топчан для спанья. Покрывл его камышом и буркой. Козы – как ты знаешь – любят забираться наверх. Каждый вечер Комми приходилось стряхивать бесчисленные козьи шарики со своего ложа.

Авдотья Гавриловна засмеялась, и Иван Петрович продолжил:

– Из-за козжих бесчинств Комми отгородил для себя небольшой загон в углу чата. Козы не проникали туда. С

заходом солнца он ложился на земляной пол, завернувшись в бурку.

Ночами его особенно одолевали думы о побеге. Звезды и луна светили сквозь дырявую крышу и напоминали ему о вечности мироздания и о краткости жизни. Время тянулось невыносимо долго.

Козы согревали закут своим теплом. Иногда рождались козлята. Али научил Комми козьей дойке. Молоко сдавали госпоже.

Господин Аслан был *уорк*, то есть, уздень или дворянин. А ещё он был поэт и музыкант, известный всему *Аптхехею*. Так черкесы называли свою родину.

Вид у Аслана был неприятный. Конопатый, волосы рыжие, борода клинообразная, выражение голубых глаз зверское – суший дьявол!

При этом он, похоже, был романтическим человеком. Комми не раз видел, как Аслан с женой сидел на одном и том же лежащем стволе дерева. Они подолгу смотрели на долину и море.

Иногда *уорк* Аслан ездил на празднества племени. Отовсюду собирались зависимые люди. Их многочисленность, несомненно, показывала могущество господина в глазах соплеменников.

Необыкновенное было шествие – настоящий восточный парад или смотр, однако, без флагов и литавр.

Ехал Аслан на прекрасном гнедом аргамаке. Зеленый чепрак коня украшал золотой галун. Альый шелковый плащ всадника был расшит серебром, а красный атласный колпак оторочен голубым куньим мехом.

Аслан пел высоким голосом запев. Играл на черкесской двуструнной скрипке *шычепцыне* в контрапункт с ударами и тремоло барабана *шонтрып*.

Впереди выступали танцоры. Они шли мелким семенящим шагом, тянулись вверх всем телом и взмахивали широкими рукавами черкесок, будто крыльями. Позади певца ехала блестящая группа вооруженных джигитов.

Последними шагала толпа пеших черкесов. Они ритмично били в ладоши и дружно пели припев. Когда смолкала музыка,

толпа взрывалась криками и вразной стрельяла из ружей на воздух.

Комми вздохнул и подумал: «Мне не ходить в этих парадах. Как жаль! Чем не путь к бегству? Плясал бы не хуже черкеса.

Рядом приплясывал знакомый раб Митяй. Он проговорил негромко: «Они поют о народе *пех*: «*Над вольным Аттехеем летаем гордыми орлами. Поверженных врагов топчем своими конями. Слава богам!*». Повторяют будто заклинание.»

Митяй был крепостной из Росии, пермяк-соленые уши. Прижился у черкесов давно. У него было две веры. То опускался на колени и всплескивал руками со словами *Аллах, Аллах*, а то крестился и говорил *Христос, Христос*.

Комми называл его про себя Пятницей, как Робинзон Крузо своего дикаря. От него он узнавал обычаи и правила поведения в обществе черкесов.

Комми старался научиться словам, но получалось плохо. Известно всем, речь черкесов необыкновенно сложна. В особых случаях переводил Пятница. По правде говоря, дикарь Пятница стал бесценным Вергилиусом для Комми.

Занятия, достойные настоящих черкесов, были молодечество, разбой, охота и война. Черкес всегда ходил с оружием. Рабу к оружию нельзя было прикасаться. Могли убить! Раб не ездил на конях. Уделом рабов была *уна*, то есть работа.

Черкесы ценили трудолюбие *урысов*. Но труд презирали, кажется, сильнее, чем русских людей.

Иван Петрович прервал рассказ и задумался. Стих ветер. Исчез шум листьев. Сквозь шум речки негромко булькал нарзан. Иван Петрович почувствовал, что надо поскорее рассказывать самое страшное. Он начал:

– Смышленный Пятница был хороший работник и *уорк* его наградил. Для собственной пользы выделил дом, коз, несколько овец, участок земли и жену-пленницу, которая завела кур и ткацкий станок.

Пятница трудился охотно и каждую осень отдавал господину необременительный натуральный налог. Натурой расплачивался также за волов, использованных в поле, и за

калым, который господин заплатил за его жену.

Глядя на разумного Пятницу, Комми спрашивал себя с отчаянием:

– Может быть, мне тоже стоит жить благополучной сельской жизнью?

Отвечал с отвращением:

– Не дай бог! Не стану жить в неволе!

Он был убежден, что рабское повиновение редко приводит к добру. Однако, *уну* исполнял старательно.

И тут Пятницу постигло страшное несчастье. У него были красивые детки мальчик и девочка. Они, как и сам Пятница, принадлежали господину по обычаю рабства.

Урк Аслан забрал у Пятницы сына и отправил в дальнюю убухскую семью на воспитание, надеясь продать затем с выгодой. Дочку решил продать скоро.

Комми увидел самое ужасное горе на свете – родители были не в силах помочь своим детям. Полные отчаяния, они сидели рядом, держались за руки и ручьем проливали горькие слезы.

– *C'est terrible!* – воскликнула со слезами в голосе Авдотья Гавриловна, – Бедные детки и родители! Как их жалко! – вздохнула тяжело и прибавила, – Как хорошо, что государь запретил разлучать семьи крепостных и продавать их без земли! Он такой добрый!

Пораженный этим взрывом чувств жены, полковник понял, что не следует сообщать ей о неудачной попытке Пятницы бежать, закончившейся его продажей турецкому купцу.

Стал рассказывать иначе:

– Комми думал, лежа в закуте без сна, : «Надобно бежать! Однако, брать с собой Пятницу не следует. Неважно, знает он дорогу для побега или не знает!

В России ему будет плохо, – вольную не получить и жизнь не наладить! Даже если найдутся деньги, чтобы выкупить его. Всё одно, он останется без дома и без семьи. Но бежать или не бежать – его воля. Выберет он сам!

Прошло немного времени. В *уну* приехали черкесы, которых Комми не видел прежде. Они потолковали с хозяином, посадили Комми на коня и поехали с ним в лес.

Через несколько дней приехали к зарослям на берегу какой-то речки. Темнело.

Двое черкесов перевели Комми через речку и негромко свистнули. Им ответили. Комми подтолкнули вперед. Он полез через заросли и почти сразу наткнулся на засаду пластунов.

Так он вернулся из плена. Выяснилось, что его обменяли на черкеса, захваченного в плен войском генерала Засса.

Великолепный конец! *Magnifique fin!* – воскликнула жена.

– Знакомый тебе барон Засс делает все правильно! – одобрил полковник. Григорий Христофорович Засс, начальник Кубанской линии, содержит платных агентов, через которых узнает черкесские намерения.

Перенял у черкесов партизанскую тактику. Сам кавалерист, – тут полковник покрутил усы, – барон умело применяет внезапные конные набеги на горцев, которые провинились разбоем.

Конные атаки поддерживает с помощью вьючных пушек. В набегах лишает черкесов урожая, скота и жилищ. Уничтожает и берет в плен попавшихся с оружием. Пленных и погибших не стесняется обменивать по-рыцарски.

Пехоту пускает за кавалеристами. Окончательно победив врага, прокладывает дороги, строит укрепления и размещает в них войско.

На землях, брошенных жителями, которые в страхе разбежались по лесам, барон поселяет мирных горцев и казаков, по большей части из бывших запорожских сечевиков.

– Безнравственно воевать против граждан в своем отечестве! – возмутилась Авдотья Гавриловна.

Полковник Иван Петрович ответил иронично:

– Ты права. По международным договорам черкесы – граждане нашего отечества. Вспомни гражданина Ивана Сусанина из оперы «Жизнь за царя». Он отдал жизнь за Россию. Кстати опера, которая нравится тебе, была показана государю и свету в то время, когда пленили Комми.

Напротив, черкесы, предавали Россию нашим врагам на Кавказе. Враги тебе известны. Это Турция, Франция и Англия. Скажи, как поступать с предателями среди своих? Император правильно повелел «уничтожить тех, кто не покорится». Засс

выполняет его волю. Давай, *bien-aimées*¹, не будем снова спорить!

Стемнело. Супруги встали с лавки. Вышли на терренкур. От ночного ветра громко шумели деревья темной аллеи. Ниже бледного силуэта ресторации чернел вход в мрачный Грот дьявола. Полковник помолчал и переменял тему:

– Любопытно, что штаб-ротмистр в своем рассказе упомянул ресторатора Найтаки.

Жена молчала весь спич мужа. Теперь удивленно спросила:

– Каким боком *ce restaurateur provincial*² относился к черкесскому пленению и спасению?

Иван Петрович был рад интересу жены, и сказал:

– О, падишах души моей! Поведаю тебе, что пятигорский армянин, невольно пославший коммивояжера в рабство, чрезвычайно обрадовался, когда они встретились. Пригласил в дом, и они целую ночь предавались воспоминаниям за бутылкой вина, – улыбнулся полковник. – Утром расчувствовавшийся Комми поставил свечу в пятигорской церкви в благодарность за своё чудесное освобождение.

Внезапно ему захотелось помолиться в левом, новом пределе. Он вошел туда. Опустился на колени и стал совершать земные поклоны. Он вспомнил дорогого Пятницу, своего наставника и отчаявшегося раба. Осеня себя крестным знаменем, Комми со слезами просил Богородицу спасти несчастного и его семью.

По словам штаб-ротмистра, в левом пределе Скорбященской церкви на людей, молящих об узниках, нисходит божье благоволение. И тому есть особая причина. Предел построил щедрый благотворитель Пётр Найтаки, известный своей заботой о заключенных.

К строительству Петра побудило замечание императора Николая Павловича. Оказывается, государь приезжал в Пятигорск. Полковник обещал жене рассказать об этом позже.

В темном небе над черными кронами деревьев просиял последний золотой луч. Пришла скорая ночь. При свете луны и первых звезд Бежитовы осторожно пошли вперед.

¹ возлюбленная (фр.)

² этот провинциальный ресторатор (фр.)

У мостика через речку их встретил слуга с фонарем. Перешли мостик и вошли в тихий дом.

На столе горела свеча и стыл ужин, принесённый из ресторации. Полусонная служанка помогла госпоже снять шляпку и верхнюю одежду. Взяла со стола ужин и принялась разогревать.

Приезд императора

В 1836 году императора ждали напрасно. Но на следующий год Николай Первый, действительно, отправился в путешествие по югу.

В Грузии он задержался. Пришлось разбираться со злоупотреблениями местных военачальников. Сурово наказал виновных и поспешил в столицу.

Надобно было открывать железную дорогу в Царское Село. К тому же его ждало множество других неотложных дел.

Военно-Грузинскую дорогу император и свита преодолели в осеннюю непогоду. Торопились изо всех сил.

Карета императора едва не упала в пропасть. Впоследствии государь говорил, что от падения его спасло чудо. После Владикавказа ехали без дорожных происшествий. Ненадолго останавливались в Пятигорске, Георгиевске и Ставрополе.

В дороге император простудился вопреки привычке к походной жизни. Хуже того, у него разболелся зуб.

Может быть, поэтому в Пятигорске он пробыл лишь один неполный день. Это было 16 октября 1837 года.

Едва Пётр Найтаки узнал в Кисловодске, что долгожданный приезд императора состоялся, он отложил дела и поспешил в Пятигорск.

Обстоятельства вынуждали делать это, не мешкая.

Курсовой сезон закончился, и нельзя было допустить, чтобы пропали богатые запасы, сделанные для предполагаемого пикника с императором. Загрузив повозку продуктами, Петр и Тохтар отправились с казачьим конвоем в Пятигорск.

В Пятигорске скоропортящиеся продукты быстро отнесли в

погреб и в ледник ресторации.

После пили чай в буфетной, и Петр расспрашивал Алексея, как прошел приезд императора:

– Скажи, сынок, император похож на портрет, который висит в зале ресторации?

Император Николай Первый (1796-1855)

– Да, папа, очень похож.

– А как прошел приезд императора?

Алексей стал рассказывать:

– Вначале император посетил офицерскую больницу и казармы военно-рабочей команды. Потом, сопровождаемый небольшой свитой и городским начальством, прошелся по местам прогулок возле ванного здания.

Публика стояла вокруг и встречала императора восторженными криками.

Наш новый уездный город, его устройство и, особенно, лечебные заведения строгому императору понравились. Устройство ванного здания государь осмотрел внимательно и сказал, что деревянное здание надобно перестроить в каменное и украсить внутри, как следует. Предложил ванны изготовить из мрамора, а ваннные помещения отделать яшмой.

Для дальнейшего строительства и украшения он велел выделять на каждый следующий год по двести тысяч рублей. Сказал, что деньги советует держать на специальном счете в банке, чтобы брать оттуда по мере надобности, а неистраченный остаток сохранять на будущее развитие города.

После император и свита проследовали на молебен в Скорбященскую церковь.

Тут, – заметил Алексей, – я рассмотрел государя вблизи. Он точно был похож на свой портрет.

Народу набежало множество, и в церкви стало не протолкнуться.

Выходя из церкви после молебна, император сказал, что церковь показалась ему тесной и душной. Необходимо строить собор. И указал место.

Он поможет с проектом красивого пятикупольного здания, и считает, что для народного строительства необходимо объявить благотворительный сбор денег по всему российскому государству.

Все благодарили императора. Крестились и низко кланялись, желали ему здоровья и долгих лет. Крестили его вослед.

Пётр Афанасьевич выслушал рассказ сына и вздохнул:

– Печально, что я не увидел императора, и грустно также, что торжественный пикник не состоялся. Наши хлопоты оказались напрасными.

Но не будем посыпать голову пеплом, а займемся делом.

Надобно быстро составить акт о списании продуктов. На другой день отнесу Петру Петровичу в присутствие.

Пусть оплачивает! Думаю предложить ему передать то, что возможно, в госпиталь. Тогда солдатики получают угощение в честь приезда императора.

Петр и Алексей разложили на столе свои блокноты. Стали подсчитывать затраты и составлять акт списания.

Когда закончили, Петр задумчиво сказал:

– Не получилось с пикником, так давай ответим делом на недовольство императора и улучшим нашу церковь. Как ты посмотришь, если мы за свой счет увеличим её площадь? Например, пристроим к ней обширный предел.

Обдумаем эту идею до того, как закроем ресторацию после курсового сезона. После посчитаем, во сколько нам станет строительство и обустройство.

Если сочтем затею возможной, то обратимся с предложением к начальнику Строительной комиссии Петру Петровичу Чайковскому и к священнику церкви отцу Павлу Архангельскому. Уверен, что они дадут согласие.

Так закончился для Найтаки краткий визит императора. В следующие два года на пожертвованные деньги к церкви был пристроен левый предел. Все оценили щедрость и богобоязненность отца и сына Найтаки.

Потом стали говорить, что этот предел находится под особым покровительством Богородицы. Петр Найтаки хорошо знал, что доброта обладает волшебной силой.

Всем известно, что в ожидании приезда императора он два года назад помог городу вывести заключенных из сырого подвала городского училища. Пожертвовал на строительство острога 3200 рублей, столько же, сколько выделило губернское строительное управление. Знакомые удивлялись необыкновенной щедрости Петра. Через три года заключенные в остроге занимались полезными делами. В том числе выпекали хлеб для города.

Приезд императора запомнили надолго. Верноподданные чувства жителей города нашли свое памятное отражение. Старинные пятигорские ванны, построенные в 1821 году по указанию генерала Ермолова, жители назвали

Николаевскими. Через много лет здание сложили из кирпича заново. После революции ванны опять переименовали. Теперь их называют Лермонтовскими в память о поэте, лечившем когда-то на этом месте свои ревматизмы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Похвала наместника

До бога высоко, до царя далеко,
а до Воронцова близко.
Кавказская поговорка

Одно событие в истории легендарных купцов Найтаки до сих пор проявляет себя чудесным образом. В современной жизни каждый может убедиться в этом сам.

27 декабря 1844 года император назначил главнокомандующим кавказской армии и наместником Кавказа с неограниченными полномочиями графа Михаила Семеновича Воронцова, известного государственного и военного деятеля.

Новый наместник действовал решительно. Не считаясь с потерями, взял штурмом оплот Шамиля аул Дарго. Шамиль бежал, и на Кавказе наступило затишье. Император был доволен и присвоил Воронцову княжеское достоинство.

Чета Воронцовых провела два лета в Кисловодске. Жили в казенной гостинице у Найтаки. Здешний обиход им чрезвычайно нравился. При наездах в Пятигорск Воронцовы останавливались также у Найтаки.

Шамиль оправился после поражения и снова попытался поднять кавказские народы на войну. Письмами призывал Кабарду восстать. В 1846 году начались волнения. Сделалась тревога. Поселения готовились к обороне.

В Пятигорске все вооружились. На улицах сделали заграждения. Заперли накрепко ворота. Спрятали детей и ценное имущество. Гарнизон города приготовился. Однако Кабарда и Карачай остались верны российскому престолу, и на Кавказских водах продолжилась мирная жизнь.

Незадолго до полудня осетин Афай подъехал к дому карачаевца Тохтара Зауровича на краю Пятигорска. Постучал рукояткой нагайки в ворота. Из калитки, вышел хозяин. Афай спешился. Поздоровались и Тохтар сказал:

– Молодец, что приехал. Заходи в дом! Видно по всему, тебе надобно отдохнуть. Коня я поставлю в денник.

– Спасибо за гостеприимство, дядя Тохтар! Прости, но я спешу! Меня ждёт отец в гостинице у Найтаки.

Тохтар едва успел сказать:

– Подожди, дружок! Я провожу тебя.

Тохтар пошел рядом с всадником. Спросил:

– Скажи откровенно. Случилось что-то плохое?

– Нет, все в порядке – ответил Афай. Как ты знаешь, папа лечит свои ревматизмы серными ваннами. Но дел не оставляет. Готовится к встрече с наместником, который, как ты знаешь, остановился в той же гостинице. Поэтому я тороплюсь.

Когда Афай подъезжал к воротам гостиницы, на кухню прибежал коридорный и сказал Алексею Петровичу Найтаки, что его требует наместник.

Алексей Петрович спросил, чем недоволен постоялец. Не получив внятного ответа, обеспокоился. Поторопился по лестнице вверх к номерам. Постучал в номер наместника. Услышал приглашение и вошел.

В номере за столом с бумагами расположился сам Михаил Семенович Воронцов. Напротив сидел Самуил Иванович Уптон, главный архитектор на водах.

Алексей Петрович поздоровался. Воронцов подождал пока Найтаки переведёт дух и спросил без обиняков:

– Отдышись! Можешь говорить? Елизавета Ксаверьевна волнуется из-за посадок деревьев в Кисловодском парке. Особенно беспокоится о каштанах. Волнуется, как приживается в парке этот природный символ доблести.

Алексей знал ревнивое отношение княгини к посадкам и был готов к ответу. Сказал уверенно:

– Все сделали, как её светлость велела. Стволы защитили мешковиной от грызунов. Вокруг поставили крепкую ограду. Уверен, что саженцы переживут зиму без ущерба. В следующий

сезон можно будет любоваться первой листвой.

Передайте, что мы ждем приезда ее светлости. Рады будем снова сажать деревья! Ведь сказано, сажающий дерево прикасается к будущему!

Афоризм Найтаки произвел впечатление на Воронцова.

– Мудро, Алексей Петрович! – сказал он. – Такое прикосновение, подобно ключу, открывает человеческое воображение. Следуя воображению, можно строить будущее и видеть его будто воочию.

Главные строители на водах в 50-х годах 19 века:
(слева-направо) архитектор С.И. Уптон (1814-1874);
князь и граф, наместник Кавказа и главнокомандующий
генерал М.С. Воронцов (1782- 1856)

Я и Елизавета Ксавьеревна сердечно благодарны тебе и Петру Афанасьевичу за гостеприимство! Вы хорошо приняли нас. Мы приятно отдохнули.

Смею утверждать, что в Кисловодске напряженные нервы успокаиваются по-настоящему.

Помнится, ты, Алексей Петрович, говорил, что на кавказских водах должно быть уютно повсюду. И мы

согласились с тобой.

Теперь пришла пора серьёзно заняться благоустройством здешних мест. Началом всему будет кафедральный собор, который уже возводится в центре Пятигорска.

Тронутый похвалой наместника, Алексей ответил:

– Ваша светлость, скажу искренне. Мы молились за успех строительства, когда Елизавета Ксаверьевна закладывала в фундамент собора первый камень. И мы гордимся, что вместе со всей Россией собирали деньги, чтобы поставить храм на месте, указанном его величеством Николаем Павловичем!

Наместник Воронцов заметил:

– Мы все старательно исполняем повеления императора. И это правильно! Вскорости или позднее собор будет возведен. Однако, согласись, Алексей Петрович, что кроме возведения собора надо исполнять каждодневные дела. Приходится поправлять питьевые бюветы, приводить в порядок ванное хозяйство, строить галереи для защиты от непогоды, расширять парки. И не забывать о других неотложных заботах.

На днях я уезжаю в Тифлис. В моё отсутствие благоустройством будет заниматься полковник Дмитрий Алексеевич Всеволожский, новый директор Дирекции Кавказских вод.

Я прибавил ему полномочий. Он имеет полные права губернатора. При нужде обращайся к нему.

Воронцов продолжил:

– Ты видел, что в Кисловодске уже начали возводить подпорные стенки на берегах Ольховой для защиты от потока? Смею надеяться, что прошлогодние разрушения от наводнения были последними. На следующий год примемся за реставрацию.

Ты давно убедился на собственном опыте, что пришло время обновить эту старейшую капитальную постройку на водах, – Воронцов улыбнулся. – Комендант Петр Александрович Принц выделит на работы солдат. Строить начнем с флигелей во дворе, как ты просил.

– Превосходно, ваша светлость, – поспешил сказать Алексей Найтаки.

Пораженный увлеченностью князя, он подумал:

– Какой замечательный строитель князь! Все

предусмотрел! Неудивительно, что его дворец и парк в Крыму приводят в восторг всех, кому посчастливилось их видеть!

Между тем Воронцов обратился к архитектору:

– Самуил Иванович, что скажешь ты?

Уптон ответил:

– Вы все превосходно объяснили! Здание гостиницы в Кисловодске было первым творением на Водах швейцарцев братьев Бернардацци.

Весной 1823 года они спешно построили его из сосновых брусьев по приказу генерала Алексея Петровича Ермолова для императрицы Марии Фёдоровны вдовы Павла I и матери нашего императора.

Поначалу мы собирались ограничиться ремонтом. Но вы, ваша светлость, верно заметили, что гостевой дом неудобен для гостиницы и для благородного собрания. Это мы исправим.

Предлагаю соразмерно увеличить высоту дома и перепланировать его внутри. Работы можно сделать быстро. Я рассчитал график работ.

– Превосходные расчеты! – одобрил князь.

– У меня есть небольшой совет, – сказал архитектор.

– Слушаем!

– Пусть Алексей Петрович отведет под стройку лишь половину двора. В другой половине продолжат трудиться его собственные работники.

Я задам длину флигеля короче половины длины двора. Тогда во дворе, не теснясь, удобно разместятся два флигеля и две кухни, новая и прежняя.

Сначала построим по очереди флигели и кухни, затем займемся реставрацией. При таком порядке строители никому не будут мешать.

Стройка продолжится меньше года, и по ходу работ количество жилых помещений не уменьшится, а увеличится. Поэтому курсовые сезоны пройдут как обычно.

В ответ Алексей Петрович воскликнул:

– Превосходно!

И поспешил сказать, что устроит так, чтобы курсовые почти не заметили временные ограничения. Пока зал реставрации будет закрыт, еду будут выдавать курсовым на дом.

Довольный Воронцов заключил:

– Видишь, Алексей Петрович, в новом сезоне мы почти не стесним курсовых, а в последующем ты получишь все в наилучшем и удобном виде.

Как только закончим, ты продолжишь управлять казенными ресторациями и гостиницами на водах, но по-новому. Помнишь, когда ты записывался в купцы первой гильдии, то обещал мне взять это дело целиком в свои руки? Как заведено повсюду, будешь платить налоги вместо арендной платы. Справишься? – спросил Воронцов.

Вид на Кисловодск с Крестовой горы (Э.Сисэри, 1861 г.).
На переднем плане ресторация с флигелями и кухнями.

Налоги Алексея не пугали. Он знал, что способен оплачивать их не хуже других предпринимателей. Ответил уверенно:

– Справлюсь, ваша светлость. Иначе быть не может!

Именно тут Воронцов сказал похвальные и доверительные слова, которые Алексей запомнил на всю жизнь.

Воронцов улыбнулся и сказал:

– Молодец! Я рад! Смею надеяться, что после того, как мы помогли тебе, Алексей Петрович, ты сможешь нам.

Ты, наверное, слышал, что Самуил Иванович заканчивает подготовку сообщения на омнибусах между городами на водах. Поясню, омнибус или по-другому дилижанс, – это многоместная повозка. Шоссе уже отделали, и омнибусы скоро доставят.

Возьми-ка на себя, уважаемый, управление этим сообщением в дополнение к управлению гостиницами. Заодно будешь перевозить почту Тебе, как купцу первой гильдии, дозволено заниматься большими предприятиями. Спрашиваю прямо, ты согласен вместе с гостиницами управлять общественными перевозками? Я в тебе уверен!

Алексей согласился с готовностью. Надо признать, для него это предложение не было неожиданностью.

Он и Уптон заранее обсудили с чего начинать, если последует предложение Воронцова. Алексею предстояло нанять кучеров и обслуживающих лиц, купить коней и собрать упряжки. За это время архитектор обещал достроить депо дилижансов в Пятигорске.

Алексей тогда принял во внимание, что почтовую доставку и разные экстренные перевозки будет оплачивать казна. По расчету выходило, что можно уложиться в тысячу рублей в сезон. Еще похожая сумма выйдет в месяц на билетах. Неплохо!

Подошло время обеда. Князь попрощался и ушел за супругой на дамскую половину гостиницы.

Обрадованный Алексей Петрович вернулся к текущим делам. Душа его ликовала. Господи, благодарю тебя! Он перекрестился.

Давнишняя отцовская мечта, кажется, исполнилась. Гостиничное дело расширилось, и отец передаст его мне на старости лет. Они с Егором будут мне помогать. Мы давно наметили, что надобно делать в дальнейшем.

Главное обучить по лучшим образцам всех работников! И прежних, и вновь нанимаемых. Начальный опыт обслуживания у них имеется. Для дальнейшего обучения постараюсь нанять опытных мастеров.

И, может быть, даже отправлю некоторых работников

практиковаться в лучших гостиницах. Несомненно, тогда наши гостиницы станут привлекать постояльцев еще сильнее!

Алексей радостно строил планы, хотя понимал, что загадывать далеко вперед – пустое занятие. Но удержаться не было сил! Он размышлял о прекрасном будущем, и продолжал радоваться в душе.

Между тем Афай вернулся в дом Тохтара и рассказал:

– Наш зять поручик Ибрахим Крымшамхалов с узденями подпоручиками Байрамуковым и Дудовым пригонят к Пятигорску несколько лошадей из поставляемых в армию.

Хотят показать их Воронцову, пока тот не уехал. Папа устраивает скачки. Наездниками будем я и твой сын Джамбулат.

– Хо! – ответил Тохтар, я попрошу Алексея Петровича отпустить Джамбулата с работы на это время.

– Не беспокойся! – поспешил сказать Афай. – Мы с Джамбулатом ему сказали, что ты согласен. Извини нас, что решили за тебя. Ведь это почетно! Верно, дядя Тохтар? А еще отец просит тебя быть судьей на дистанции.

Нахмурившийся было, Тохтар засмеялся и сказал:

– Спасибо, дружок, за заботу! Я согласен. Скажи, когда и где пройдут скачки?

Афай ответил:

– На другой день после обеда в начале шоссе из Пятигорска в Эссентуки на дистанцию две версты с одним поворотом.

Как только в городе услышали, что устраиваются скачки, на которые приедет наместник с супругой, собралось множество зрителей.

Руководил скачками полковник Петр Александрович Принц комендант пятигорской крепости и кавказских вод. Он же был главным судьей.

Князя Воронцова ждал конезаводчик генерал Туганов, одетый в форму личного конвоя его императорского величества. Широкая алая лента ордена святого Станислава и медали украшали его грудь.

Рядом стоял поручик Крымшамхалов с орденом Станислава для нехристиан на шее.

Когда подъехала пароконная коляска с командующим и его супругой, генерал Туганов поспешил подойти. Доложил:

– Ваше высокопревосходительство, к проведению показательных скачек готовы. Разрешите начинать?

Услышав «Пожалуйста, начинайте!», Туганов спросил:

– Желаете посмотреть лошадей?

Командующий пожелал. Генерал сопровождал и пояснил:

– В армию мы сдаем точно таких двух-трехлеток, только необъезженных. Берейторы в каждой части, кавалерийской или артиллерийской, объезжают их для своих нужд.

Мы кавказцы способны объезжать сами. Если решите, ваше сиятельство, мы будем делать это для армии. Сейчас покажем результат на скачках.

– Не сомневаюсь! Мне ваши способности известны! – улыбнулся князь. Поздоровался с нукерами-берейторами:

– Салам! Байрай!

В ответ послышалось:

– Салам, ваше высокопревосходительство!

Воронцов и Туганов подошли к старту. Полковник Принц рассказал Воронцову, что один наездник выставлен генералом Тугановым, другой – поручиком Крымшамхаловым.

Для каждого заезда выбирают пару коней. Распределяют коней по жребию, чтобы дать наездникам одинаковый шанс.

На расстоянии одной версты пара всадников должна обогнуть выставленную на шоссе тележку судьи Тохтара. Я слышал, что вы с ним знакомы. Он следит за правильностью поворота. Всадникам не разрешается мешать друг другу.

После поворота всадники вернутся к месту старта.

Состязания закончатся, когда исчерпается количество свежих коней. Наезднику, который добьётся наибольшего числа побед, вы, ваша светлость, вручите *grand prix*. Мы его приготовили.

Джамбулат и Афай подъехали к линии старта и выровняли коней под присмотром полковника Принца. Убедившись, что кони стоят ровно, полковник отошел, поднял пистолет и выстрелил.

Джамбулат дал шенкели. Обученный конь сразу пошел

рысью. Вскоре рысь стала быстрой. Борьба началась. Джамбулат не ослаблял поводья. Лишь наблюдал, как крепкий конь с готовностью выравнивается с соперником.

Перед поворотом Джамбулат придержал повод. Поворот получился крутым. Джамбулат закончил его первым.

На обратном пути он снова ослабил поводья. Не подгонял коня, пока не почувствовал готовность к рывку. Откуда бралось это чувство, он не знал. Просто ощущал, что пришла пора.

Почти одновременно с соперником прокричал: *Вперед! Хайда! Хайда!* И послал коня в галоп.

Под громовые удары копыт конь полетел, будто птица.

Ветер бил в лицо. Душа пела.

Когда завиделась толпа у старт-финиша, Джамбулат несколько раз щелкнул нагайкой по крупу. Конь вложил все силы в последний рывок. Вылетел на финиш на полкорпуса впереди соперника.

Победа! Подбежавший берейтор взял коня за узду и принял повод. Возбужденная толпа зрителей громко кричала.

Чтобы не умалять качеств наездников, не стану называть число побед и поражений каждого. Скажу лишь, что Джамбулат показал себя достойным джигитом и получил *grand prix*.

По окончании скачек князь Воронцов поздравил его и вручил красивый ковровый чепрак.

Повернувшись к генералу Туганову и поручику Крымшамхалову, князь громко сказал:

– Господа, поблагодарим уважаемых устроителей за прекрасное представление!

Переждав восторги зрителей, Воронцов прокричал:

– Теперь, господа, я выскажу свое мнение о сегодняшних скачках, которые понравились мне так сильно, что я не могу не удержаться от критических замечаний.

Никто не засмеялся. Его английский юмор не оценили.

Не обращая на это внимания, наместник произнес вдохновенную речь:

– Состязания в Британии на Аскоте посещает *Her Majesty Queen Victoria*. Однако там нет ни гор, ни целебных вод, какие

имеются у нас здесь. И я спрашиваю вас, где больше величия?

– Раздался смех.

– Конечно, наши местные лошади не подходят *for the smooth racing* по-британски. Но не все потеряно! Смею надеяться, что придет время и кто-то из вас обустроит *correct race track like a real hippodrom*¹.

Советую строить ипподром вблизи Пятигорска. Думаю, что местным лошадям полезно будет испытывать *for the steeplechase*.

Несомненно, этот вид *racing* привлечет внимание общества к здешнему прекрасному краю. Придут и слава, и выгода.

Когда слава ипподрома долетит до государя, он придет посмотреть на пятигорские скачки.

Все радостно зашумели. Князь закончил:

– Мы со временем дадим англичанам фору. Так и будет!

– Ура! – закричали в толпе.

Вспоминая речь Воронцова, Алексей Петрович понял, что люди ошибались, когда упрекали князя в особенной англomanии.

Несмотря на англицизмы, речь Воронцова доказывала, что он, по сути, был настоящий патриот.

Коменданту Принцу следовало бы прославить энергичного князя и его красавицу жену, украсив скачки флагами и хором музыки.

Впоследствии за него это сделала природа. В наше время курорты Кавказских вод повсюду украшают потомки воронцовских каштанов.

Осенью 2005 года напротив так называемого «святого» источника на речке Ольховой я видел каштан такой старый, что его, без сомнения, могла посадить лишь княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова.

Я его зарисовал. Дряхлое дерево конского каштана украшали буро-бордовые листья. Они были последними! Вскоре дерево спилили.

Два века каждую весну свечи его цветов радовали глаза, а листва давала прохладу летом. Осенью плоды, семена и листва

¹ *Правильную дорожку для бега как у настоящего ипподрома (англ.)*

усыпали землю. Их убрали, регулярно очищая парк.

Чем не удивительные плоды истории, которые собирает настойчивый историк? По виду плоды неприглядные и колючие, но после очистки от невзрачных коробочек дают гладкие и привлекательные семена знаний.

Воронцовский каштан в кисловодском парке (2005 г.)

Они напоминают о княжеской чете Воронцовых и архитекторе Уптоне, преобразивших кавказские курорты.

Переезд из Пятигорска

Пик летнего нашествия курсовых на Пятигорск остался позади. Большинство переехало в Железноводск и Кисловодск. Петр Найтаки вернул в Кисловодск работников, которых переводил в начале лета на помощь в пятигорскую гостиницу.

Это были опытные работники: горничная Ксения, повариха Лукерья и ее помощница Анна. Анну он собирался сделать поварихой во второй кисловодской кухне.

Он обдумывал, надо ли кого-то ещё перевести. Вопрос был непростым потому, что в Кисловодске для обслуживания новых флигелей и кухни он уже нанял коридорных, горничных и подавальщика.

Работников он нанимал из отставных полусолдат и их жён, у кого в доме видел чистоту и порядок. Обычно не ошибался – работники были добросовестные и старательные.

Но умения им часто не хватало. Петр знал, что в столичных заведениях работают лучше. Он понимал, что стоило бы послать в учение несколько работников, но не делал этого, опасаясь, что те не вернутся из столиц.

Лучше было бы пригласить опытных учителей. Он и сыновья пытались это сделать во время купеческих поездок за товаром. Но никто из приглашаемых не хотел ехать на Кавказ, опасаясь войны.

Наконец, Пётр понял, что надо искать учителей, которые нуждались бы в лечении на водах. Тут, если говорить откровенно, ему повезло. Нашелся такой человек. Недаром Петр любил повторять христово высказывание «*Ищите, и найдете*¹»

Три года назад сыновья Алексей и Егор ездили в Москву за сукном и познакомились с удивительным поваром в одном из трактиров на Тверской. Там его держали за высокое мастерство, но больше из милости.

Он был запойный пьяница. Обычно вел себя как нормальный человек. Но временами наступали страшные запои. Происходило это всегда одинаково.

Он часа полтора молча двигался и жестикулировал, как на сцене и пил, и пил. Напивался так, что валился с ног и засыпал тут же.

Забирала его какая-то невзрачная женщина. Вроде бы жена, но детей у них не было. Когда повар просыпался, то ничего не помнил.

¹ *Евангелия от Матфея, глава 7, стих 7*

Алексею сказали, что эти припадки результат прерванного выступления перед слушателями на сцене.

Говорили, что он был или, точнее сказать, готовился быть оперным певцом. Но случилась беда: заперло голос, весь покрылся холодным потом, его трясло и ноги не держали. Вывели беднягу со сцены под руки.

Теперь во время запоя он думает, что поёт. Фамилию свою скрывает. Называет себя по-разному. Алексею он представился как Андрэ Жаров. Как позже узнал Алексей, на самом деле его звали Хлёбов Иван Кузьмич.

Пётр Афанасьевич Найтаки и его приятель доктор Иван Ефремович Дроздов проконсультировались в Пятигорске у военного врача сведущего в психиатрии.

Врач сказал, что скорее всего перед ними классическая глоссофобия. Она считается безнадежной. Даже гипноз не помогает.

Но можно попробовать покой и прогулки, теплые ванны, регулярное минеральное питьё, смену обстановки. И надо понемногу тренировать организм с помощью тщательно подготовленных небольших публичных выступлений.

Доктор Иван Ефремович объяснил отцу, что такое глоссофобия. Это страх выступлений на публике. И по-приятельски обещал помочь, но без гарантии.

Отец написал повару в Москву подробное письмо и предложил сменить обстановку и переехать на Кавказские воды на сколько он пожелает. Здесь он может полечиться от своей болезни. Врачи говорят, что возможно наступит желаемая ремиссия. Если будет работать у Найтаки и учить персонал, то Пётр оплатит работу и переезд. За обучение будет отдельная плата. Повар согласился и приехал.

Тем временем Пётр и доктор, оба меломаны, разработали тайный план, чтобы приучить Андрэ к публике. Сначала Пётр найдет ему поющих учеников на кухне, одного и больше.

После Пётр подготовит выступления повара среди своих. Внушим ему, что мы, провинциалы, восхищены его столичным пением, завидуем и хотим научиться петь, как он.

А еще Пётр решил уговорить Митрича и Лукерью поддержать этот заговор. Мудрец Митрич и хитрушка Лукерья

непременно примут участие в лечении.

Если повар начнет петь, то мы поможем ему выступать на концертах в дворянском собрании. Дальше поступим в зависимости от результатов.

Можно надеяться, что в итоге уникальный повар улучшит кухню ресторанов. Сбудется давнишняя мечта Петра!

Конечно, всю затею придется оплачивать. Подсчитав расходы, Петр убедился, что может позволить себе это без большого риска.

Двое работниц, Анна и Лукерья, готовые к переезду, сидели на скамейке в тени липы перед ресторацией и ожидали прибытия омнибуса. Наблюдали городскую суету и делились впечатлениями.

В Пятигорске было начало летнего дня. Солнце уже светило с безоблачного неба в полную силу. Люди стремились спрятаться в тень.

Одни, нагруженные товарами, купленными на базаре и в лавках, расходились по домам. Другие были заняты в присутствиях и в конторах. Курсовые же неспешно гуляли в тени галерей, пили минеральную воду или принимали ванны.

К пассажирам, ожидавшим в тени под колоннами ресторации, подъехали два омнибуса, запряженные четверками лошадей.

По виду омнибус напоминал комнату вроде половины дыни на колёсах со столом посередине. Сверху имелась крыша. В комнате помещалось десять пассажиров.

Ходили омнибусы с 15 мая до конца сентября. Одному экипажу предстояло ехать в Кисловодск через Ессентукскую станцию, другому – в Железноводск через колонию Каррас.

Пока пассажиры и кондукторы грузили багаж кучеры достали небольшой ракетный станок. Установили на станок армейскую сигнальную ракету и подожгли фитиль.

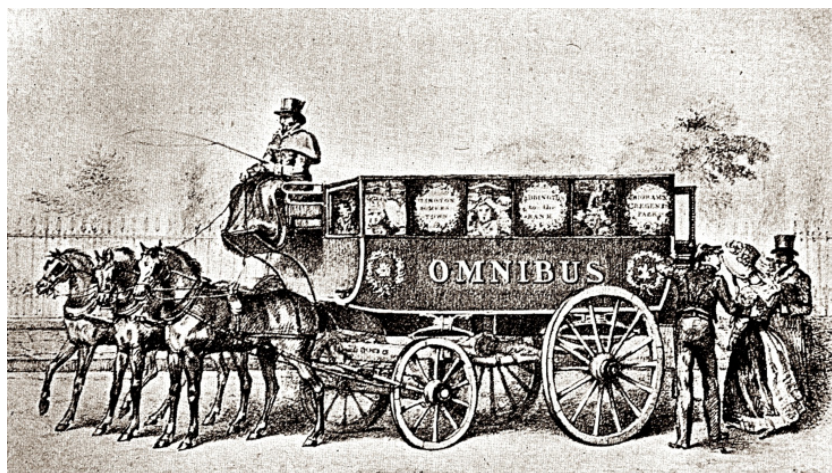
С шипением и свистом ракета поднялась в высоту, ярко вспыхнула и с грохотом разорвалась, выпустив большое облако дыма. Обломки ракеты упали далеко за городом.

Пассажиры стали покупать билеты. Цена билета была известна из правил, висящих у парадного входа ресторации:

рубль в Кисловодск, 50 копеек в станицу Ессентукскую и 80 копеек в Железноводск.

Отправлялись омнибусы ежедневно в 7 часов утра. В 7 45 железноводский омнибус достигал заведения Рошке в селении Каррас. Тут можно было оправиться и перекусить, выпить кофе или освежающее. После 20-минутной остановки омнибус продолжал движение в Железноводск и достигал его в 10 часов. В непогоду допускалось 20-минутное опоздание.

Кисловодский омнибус в 9 заезжал в станицу Ессентукскую, делал получасовую остановку и в 11 прибывал в Кисловодск. В пути полагалось вести себя чинно и не заставлять кучеров ускорять движение. В обратный путь омнибус отправлялся в тот же день в 3 часа пополудни.

Парижский омнибус

Кондукторы запустили вторую ракету.

Омнибусы были в новинку и привлекали внимание жителей и приезжих. Вот и сейчас группа зевак стояла в сторонке, наблюдала за отправлением и обменивалась соображениями и замечаниями.

Им было интересно зачем нужны ракеты, тесно или нет в омнибусе, как управляют упряжкой без форејтора и когда

используют тормоз, или зачем кондуктору нужна такая большая сумка на плече, и что означает значок с рожком на околыше фуражки.

Высказывали разные суждения. Один знаток даже заявил, что пятигорский омнибус похож на парижские. Они там ходят уже половину столетия. В Петербурге они появились в 32 году. Все согласились, что в общественном транспорте мы отстаем от Запада.

Анна и Лукерья внимательно слушали разговоры, так как предполагали вернуться в Кисловодск на омнибусе.

Но тут из гостиницы пришла горничная Ксения с узлом и сказала, что Алексей Петрович дает им свою коляску. Надобно немного подождать.

Анна сказала:

– На омнибусе мы могли бы и не уехать. Видишь сколько пришло народа! Опоздавшим придется нанимать извозчика, и это обойдется в копейку.

Кондукторы запустили в небо третью сигнальную ракету. Она с шипением взлетела и с грохотом разорвалась. В правилах был написано, что через пять минут делают отправление.

Действительно, кондукторы прокричали: «Отправляемся!» Кучеры scomандовали «но! пошел!», дернули поводья и хлопнули бичами. Омнибусы тронулись в путь.

Подъехала пароконная коляска с Алексеем Петровичем и кучером Джамбулатом. За ней ехала повозка с приказчиком Александром Михайловичем.

С подъехавших экипажей соскочили мужчины и взялись за узлы. Алексей Петрович позвал:

– Прошу садиться!

Анна сказала:

– Алексей Петрович, спасибо за приглашение, но я поеду с мужем! Хоть на повозке не так мягко, но мне там удобнее!

– Понимаю, – сказал Алексей Петрович и вместе с Джамбулатом помог Александру сложить узлы в повозку к продуктам. Александр посадил Анну на козлы.

Расположились в коляске. Алексей Петрович сел спиной к кучеру, предоставив лучшие места девушкам. Когда выехали из города на кисловодское шоссе, увидели, как вдали пылит

омнибус.

На повозке Анна и Александр разговаривали. Им вдвоем было хорошо.

Алексей Петрович видел, что Ксения и Лукерья хотят поговорить, но начать разговор не решаются. Не робеют, а просто уважают, как давно он убедился.

Он тоже не торопился со своими вопросами. Его интересовало мнение Анны и Ксении о новом поваре, которого он выписал из Москвы, чтобы учить работников кухмистерскому мастерству. Но он не хотел, чтобы об этих вопросах стало известно повару.

Алексей Петрович взглянул на заскучавших попутчиц и спросил Лукерью:

– Я знаю, что на кухне тебе повезло с новым шеф-поваром. Он хвалил твою французскую кухню. Теперь умеешь делать макарони и другие итальянские блюда. Да ещё выучила итальянские песни и оперные арии. Не споешь ли нам одну из них?

– Спую, если желаете, – гордо ответила Лукерья.

– Сами-то вы поёте арии? – взбодрившись, спросила Ксения.

– Немного пою. Я знаю серенаду графа Альмавивы из оперы Россини «Севильский цирюльник», но голос у меня грубоват. Тембр хуже и тон ниже, чем надобно.

Сказал кучеру:

– Джамбулат, останови!

Алексей вышел и достал гитару из твердого чехла, притороченного сзади коляски. Сел обратно в коляску и сказал: «Поехали!» Проверил настрой гитары, взял аккорд и спел:

– *Ecco ridente in cielo / spunta la bella aurora, / e tu non sorgi ancora / e puoi dormir così?*¹ И остановился.

Лукерья и Ксения аплодировали, а Анна и Александр, ехавшие позади, закричали:

– Bravo! Bravo! Пойте дальше!

Алексей с удовольствием закончил серенаду. Все были в

¹ *Скоро восток золотою / ярко заблещет зарёю,
что же, друг нежный, с тобою, / всё ты окована сном?..*

восторге. Они знали, что хозяин любит петь, но не ожидали от него такого. Лукерья сказала:

– Теперь мой черед петь! Пожалуйста, Алексей Петрович, подыграйте, если можно! Каватина красавицы Розины, влюблённой в Альмавиву.

Пропела несколько нот для гитариста, и когда вступила гитара, Лукерья-Розина начала:

– *Una voce poco fa qui / nel cor mi vi suono';
il mio cor ferito e' gia', / e Lindor fu che il piago'.*

Si', Lindoro mio sara'; / lo giurai, la vincerò'.

Si', Lindoro mio sara'; / lo giurai, la vincerò'..¹

Все одобрительно зашумели. Алексей Петрович заиграл аккомпанемент. Лукерья улыбнулась. И допела длинную арию под ободряющие улыбки друзей.

Лукерья и Анна спели ещё несколько арий, которым их научил шеф-повар Андрэ.

Когда закончили, Алексей Петрович сказал:

– Прекрасное пение! Молодцы! Душа радуется! Знаю, что вы научились делать отличные новые блюда. Они радуют желудок. Но поете вы не хуже! Радуетя сердце.

Сообщу вам по секрету, что скоро Андрэ переедет в Кисловодск. Ждите! Перенимайте у него всё, что услышите или увидите, пока он не уехал назад в Москву.

Нахваливайте, чтобы он вам показал побольше. Пользуйтесь оказией. Когда еще такая удача придет к вам!

Когда коляска и повозка приблизились к базарной площади Эссентукской станицы, omnibus уже отправлялся в дальнейший путь.

Алексей Петрович спросил:

– Хотите посмотреть новую питьевую галерею?

Все захотели. Поехали по улице на край станицы.

Алексей Петрович сказал:

¹ *В полуночной тишине / сладко пел твой голос мне.
Много новых, спавших сил / он мне в сердце разбудил!
О, Линдор, друг нежный мой, / не разлучат нас с тобой!
Ты мне дорог, ты любим, / и преграды мы победим!*

– Джамбулат, атгыыз къалыргъа!²

– Хо!² – ответил немногословный Джамбулат и остановил коляску.

Александр замотал вожжи своих коней за передок коляски.

Пошли пешком посмотреть питьевую галерею.

В низине виднелось новое здание.

К галерее спускалась красивая трехмаршевая каменная лестница. Перед зданием галереи раскинулся обширный цветник.

Ветерок затих. Ощущался жар солнца. Галерея внутри показалась необыкновенно прохладной.

Служительница наполнила кружки минеральной водой. Кисловатая газированная вода освежила.

Когда они гуляли по галерее, Алексей Петрович рассказывал:

– Раньше эти воды называли Бугунтинские. Князь Воронцов велел называть воды Эссентукскими. По заданию императора лет тридцать назад эти целебные воды исследовал медицинский академик Нелюбин.

Нашёл здесь двадцать три источника. Из них 18 сбегали со склона этой горы. Он назвал её Щелочной. Чтобы не путать, дал источникам номера.

У самого мощного источника № 17 архитектор Самуил Иванович Уптон сделал колодец и обложил его камнем. После построил эту галерею. Закончили её в прошлом году. Почти одновременно с Елизаветинской галереей в Пятигорске.

Ходят разговоры, что обе галереи похожи. Но мне кажется, что это мнение неточное. Хотя, действительно, в обеих зданиях чувствуется рука одного мастера.

Оба здания сделаны из одного камня – песчаника. Но итальянский стиль пятигорской галереи совсем не похож на мавританский стиль здешней. Вы согласны?

Никто не возразил, а приказчик Александр сказал:

– Как будто так!

Вышли из галереи на площадку цветника.

² Джамбулат, останься с лошадьми! (карач.- балкар.)

² Хорошо! (карач.- балкар.)

Александр указал на редкие посадки на голых склонах:

– Видите молодые деревцы. По приказу князя Воронцова тысячи саженцев брали отовсюду. Из лесного питомника в Пятигорске, от ручья Бугунта. Привозили с Бештау и с Железной.

Почти все саженцы прижились. Скоро здесь образуется тенистый парк, как в Кисловодске. Будущий парк уже называют Воронцовским.

И продолжил:

– Но главное ещё не построено. Хотели еще одну галерею сделать на дальнем конце горы. Там, где вытекает вода номер один. Она похожа на пятигорскую воду. Такая же противная из-за растворенного в ней сероводорода. Я из любопытства попробовал её однажды. Едва не стошнило.

Знатоки говорят, что это самая сильнодействующая вода из здешних. Подойти к источнику мешает болото, которое раскинулось по низине. Чувствуете сырость и зловоние?

Князь приказал болото осушить. Солдаты вырубили заросли, срезали камыш и теперь копают дренажные каналы. Работы заканчивают засветло, так как ближе к вечеру находиться тут невозможно из-за туч комаров.

К дальнему источнику номер один с серной водой можно пройти вон по той тропинке между деревцами. Минут десять идти, не больше!

Но никто не захотел идти по открытому склону между прутиками деревцев – было жарко и ехать была пора. Ксения прервала Александра:

– Давайте поедem! Тут смотреть больше нечего?

Когда поднимались по каменной лестнице, Алексей Петрович закончил рассказывать, как тут лечатся:

– Казаки Ессентукской станицы наливают минеральную воду в бочки, везут кружным путем вокруг болота, греют и устраивают ванны для желающих.

Лишняя вода стекает из болота в речушку, которая потом падает в Подкумок. Местные называют речушку Вонючкой. Некоторые приезжие используют эту грязь для лечения.

Едва компания выехала за околицу Ессентукской станицы, как Ксения пожелала рассказать свою очередную байку. Все

согласились послушать. Она начала:

– Уверена, вы думали о странном названии «Ессентуки». Скажу сразу – о нем известно мало. Черкесы говорят, что это слово означает «обжитое место», а с карачаевского *эсен тюк* переводится на русский как «здоровый волос».

Джамбулат обернулся с козлов коляски и пояснил:

Карачаевцы говорят «*эсен болугъуз!*», то есть «будьте живы-здоровы!» Алексей Петрович поддержал кучера:

– Верно, все будьте здоровы, живите богато! Едем скорее до дома до хаты!

Все засмеялись, а Лукерья сказала:

– И ты, ваша милость, тоже будь жив, богат и здоров!

Когда смех утих, Ксения продолжила:

– По этому поводу у карачаевцев есть легенда, которую вы, может быть, слышали в других случаях. В легенде рассказывается о чудесном исцелении ребёнка.

– Да, – сказали Алексей Петрович и Лукерья, – такие истории рассказывают!

– А ты какую расскажешь? – поинтересовались они.

Ксения, наконец, продолжила:

– Мы только что видели местность, где эта история случилась. Болото слыло местом целебным, но опасным. Ходил даже слух, что кислые и серные воды, смешиваясь в болоте, превращаются в яд. Священники объявили болото проклятым местом.

Однако, заболевшие лошади и другие животные, которые приходили в эту местность, не ведали запретов, и купались в минеральной воде. Пили с удовольствием и вылечивались.

Карачаевцы рассказывают, что в далёкие времена болотом и богатыми пастбищами вокруг владел какой-то бий. Он отвоевал их у местного черкесского бия.

У победителя родился лысый, хилый и покрытый паршой мальчик. Так бывает – в сражениях никто тебя не может победить, а пришла болезнь и ты сражен. Но бий не знал поражений и задумал избавиться от ребёнка.

В отчаянии бийче, таясь, сходила к старухе ворожее из местных, знавших все об этом болоте. Старуха указала ей на воды, которыми излечивались животные и под большим

секретом сказала, что кислой водой лучше лечить тело изнутри, а серной – снаружи.

Бийче послала за водой свою доверенную рабыню и стала поить и купать сыночка, как сказала ворожея. Для вида говорила, что купает его в травяном отваре. Через некоторое время мальчик повеселел, кожа очистилась, а на головке выросли прекрасные волосы.

– А я слышала, что он выздоровел на другой день, – перебила Лукерья.

Ксения ответила:

– На другой или не на другой не будем спорить! Главное, что ребёнок выздоровел.

Тогда бийче и все догадались, что вода не яд. С тех пор люди перестали бояться вод, стекавших в болото. Так было положено начало лечению эссенцукскими водами.

Лукерья спросила:

– Я слышала, что местные хозяйки замешивают на одной из этих вод тесто и пекут хлеб и лепешки. Правда это?

– Правда. Так они экономят соль.

Перед Кисловодском коляска и повозка почти нагнали омнибус, медленно и осторожно спускающийся с горы к переправе через Подкумок. Еще немного, и четверик, направляемый опытным кучером, успешно преодолел переправу и поторопился дальше.

Наблюдая переправу, Ксения сказала:

– Лучше ездить в коляске, чем в омнибусе! Так мне кажется. Согласны?

Алексей Петрович взглянул на Лукерью. Улыбнулся и сказал:

– Глубокая мысль! И сильная, как эта горная речка.

Переждав молчание, пропел одобрительно:

– *Мысль прекрасна, нет сомненья! / Мысль прекрасна, нет сомненья.*

Лукерья присоединилась и вместе они пропели:

– *Нет сомненья! Bravo, bravo, bravo, / средство найдено. / Нет сомненья! Bravo! Средство найдено!*

Все расхохотались.

Обновленная гостиница

Скоро коляска и повозка переправились через Подкумок и поднялись на взгорок. Перед ними открылся Кисловодск.

В последние годы бурное строительство развернулось по всему городу. Был возведен Воронцовский мост, украшенный солнечными часами, устроены ровные набережные над подпорными стенками на Ольховке.

Кисловодская ресторация (М.А. Зичи, 1881 г.)

Продолжала строиться обширная галерея с бьюетом над источником нарзана и с ваннами в отдельном помещении. Ветхую земляную крепость начали заменять каменной.

Кисловодский парк благоустраивался. Отовсюду и особенно

из крымского имения Воронцова привозили цветочную рассаду и саженцы деревьев. Посадили много пирамидальных тополей. Быстрорастущие тополи украсили весь городок. В скором времени его было не узнать!

По приказанию князя Михаила Семёновича Воронцова архитектор Самуил Иванович Уптон поднял стены кисловодской гостиницы на два метра. Внутренние помещения перепланировал, комнат сделал шесть. Над задней дверью в зале устроил антресоль с хорами для оркестра.

Внешний вид ресторации также изменился. Новую крышу покрасили зелёной. Стены перекрасили снаружи в серый цвет в подражание пятигорской гостинице. Лестницу к ресторации из парка и грот под ней тоже переделали.

На дворе ресторации теперь стояли два одноэтажных летних флигеля, каждый на 10 номеров. Номер состоял из большой комнаты и небольшой прихожей. Сдавался за серебряный рубль в сутки.

Кроме того, во дворе к прежней кухне и леднику прибавились новые, более вместительные. Прежнюю кухню и новостройки солдаты покрыли свежим камышом.

Чрезвычайно довольный Алексей Петрович собирался разделить кухни по роду блюд. Кондитерские работы перевести из старой кухни в новую.

Коляска и повозка миновали бульвар и площадь в его конце, где стоял опустевший омнибус. Оставили слева строящуюся нарзанную галерею, повернули и въехали в ворота перестроенной гостиницы.

Приехавших встретил буфетчик Илья Дмитриевич и сказал, что приходили от Воронцова и приглашали Алексея Петровича зайти, не откладывая.

Алексей Петрович отпустил всех приехавших по домам. Поспешил привести себя в порядок, и отправился в особняк Реброва на прием к наместнику Воронцову.

Алексей Петрович догадывался об истинной причине озабоченности наместника. Летом 1850 г. цесаревич Александр

Николаевич¹ с супругой Марией Александровной и свитой путешествовали по югу империи и должны были заехать в Кисловодск на воды.

По всей видимости, их приезд попадал на бархатный сезон, на который съезжался бомонд. До окончания сезона оставалось полтора месяца.

Наместник князь Михаил Семенович Воронцов с супругой Елизаветой Ксаверьевной ждали престолонаследника с большим нетерпением. Появилась возможность напрямую показать свои успехи будущему государю.

За время наместничества было построено много, но для запоминающегося приема этого было недостаточно. И Воронцов старался найти новые возможности, чтобы сделать прием необыкновенным.

Ферму с новомодным сывороточно-лечебным производством он задумал давно для лечебного питания раненых. Приезд наследника ускорил дело.

К устройству фермы приступили спешно. Место выбрали возле нарзанной галереи на краю бульвара. Горы, где будут пастись козы, находились рядом. Неподалёку от фермы рассчитывали как-бы случайно поселить наследника.

Свой сюрприз для наследника собирался предложить также Алексей Петрович. Постучав, он вошел в комнату Воронцова.

Наместник вышел из-за письменного стола, взял за руку Алексея Петровича и дружески пригласил сесть рядом с собой на софу.

Алексей Петрович снова убедился в простоте и доступности Кавказского наместника главнокомандующего и гражданского управляющего князя и графа Михаила Семеновича Воронцова. Между ними даже установилось нечто вроде доверительных отношений после того, как Алексей Петрович согласился управлять гостиницами и омнибусами.

Правда, вскоре Воронцов показал, какого рода у них дружба. Когда через год Найтаки осмелился предложить увеличить плату за проезд на омнибусах, из канцелярии

¹ Тот самый, который провозгласил отмену крепостного права 5 марта 1861 г. и был убит народовольцами 1 марта 1885 г.

наместника пришел отказ без объяснений. Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток.

Между тем Воронцов сказал:

– Накануне я заходил в твою гостиницу посмотреть новые флигели. Мне они понравились – разумно устроено: и постояльцам удобно и для обслуживания приспособлено неплохо.

Молодец! Сразу видно, что тебе не зря присвоена первая гильдия. Первое собственное заведение устроил превосходно.

– Спасибо, ваша светлость! – ответил Найтаки. – Я очень старался, но ваша лестная похвала мне кажется чрезмерной.

– Нет она не чрезмерная! Вполне соответствует твоей золотой медали «За полезное». Уверен, что и другие награды не уйдут от тебя.

Но не будем разговаривать официально! Разговор у меня к тебе доверительный. Так что называй меня по имени-отчеству, как я тебя.

– Слушаюсь, Михаил Семенович!

Воронцов сказал:

– Ты ведь знаешь, что престолонаследник с супругой и со свитой собирается вскоре посетить нас.

Я заметил, что ты, Алексей Петрович, перед публикой не надеваешь свою медаль. Это неправильно!

Государевой наградой должно гордиться! К тому же почти треть вершка золота, и особо важно выглядит алая лента ордена святой Анны, матери богородицы, на шее. Перед цесаревичем непременно будь с медалью.

– Михаил Семенович, ваше указание для меня чрезвычайно важно. У меня есть встречное предложение, как порадовать цесаревича.

– Отлично! Скажи свое предложение. Если оно будет толковым, мы обсудим. Согласен?

Да, Михаил Семенович! Извините меня, ваша светлость! Я оговорился. Это не предложение, а, правильное сказать, приглашение.

Я выписал из Москвы в Пятигорск замечательного повара, чтобы он учил нас готовить пищу по кулинарной науке. Учеба закончилась, и мои повара начинают работать, как в столицах.

Я приглашаю вас и Елизавету Ксаверьевну прийти на

другой день в ресторацию на дегустацию. Блюда на обед и ужин будут приготовлены в итальянском вкусе.

– Спасибо! Очень интересно! Сегодня сообщу тебе наше с женой решение.

– Михаил Семенович, извините за настойчивость! У меня есть ещё одно предложение, которое может заинтересовать вас и Елизавету Ксаверьевну.

– Говори, пожалуйста! У тебя, уважаемый, сегодня прямо изобилие предложений, – Воронцов поощрительно улыбнулся.

Алексей стал объяснять:

– Вы, ваша светлость, возможно слышали, что в 37-м году император Николай Палович приезжал в Пятигорск. Мои работники готовили концерт для него, но император торопился, был недолго, и наши хлопоты оказались напрасными. Приготовленный концерт слушали князь и княгиня Хасновы, проходившие тогда курс на водах. Концерт им очень понравился.

Обязан сообщить вам, что в настоящее время мы готовы показать своё умение перед цесаревичем Александром Николаевичем, как только он придет. Предлагаем снова устроить небольшой концерт, конечно, если вы, ваша светлость, сочтете такое развлечение уместным.

Наш репертуар состоит из русских романсов и итальянских оперных арий. Облик и манеры местных артистов придадут выступлениям кавказский колорит. Вы почувствуете незабываемое природное очарование.

Однако, должен признаться вам, что есть одна заковыка. Мы не знаем музыкальных предпочтений наследника и не можем составить программу в должном виде. Очень надеемся на вашу помощь, Михаил Семенович.

Алексей знал, что затея с концертом обязательно заинтересует супругу наместника. Поэтому и сказал так. Наместник уловил его мысль не сразу. Немного подумал и откликнулся:

– Ты прав. Я слышал, что у тебя есть работники с хорошими голосами. Елизавета Ксаверьевна обязательно зайдет и поможет вам репетировать. Когда вы собираетесь обсуждать программу?

– Начнем репетировать на другой день и продолжим на

третий день после ужина, если это будет удобно её светлости. После восьми пополудни.

Воронцов подумал ещё немного и наконец сказал:

– Жена собиралась выписать артистов из столицы на время приезда наследника. Но твоя, идея, Алексей Петрович, выглядит более привлекательной. И даже, может быть, стоит некоторого обсуждения. Уверен, Елизавета Ксаверьевна пожелает посмотреть на вашу репетицию.

– Прекрасно! Благодарю за внимание вашу светлость! Мы покажем лучшее, что умеем!

Довольный Алексей простился с Воронцовым. Пока шел к себе в ресторацию, обдумывал вероятные последствия разговора:

– Княгиня повидала разные концерты и ее советы будут, несомненно, полезны при наших репетициях. Более того, если после мы понравимся цесаревичу, то будет легко получить разрешение у предводителя дворянства Алексея Федоровича Реброва на дальнейшие концерты в ресторациях.

Тогда мы станем дополнять выступления приезжих артистов, и будем иметь доход для себя и приработок для работников. После этих концертов наш шеф-повар Андрэ вылетит от своей глоссофобии.

Уверен, княгиня сама предложит включить выступление Андрэ в концерт, когда услышит, как он поёт. Надо срочно переводить шеф-повара из Пятигорска сюда. Жить его устрою у кого-нибудь из работников. В крайности поселю у себя

Тут Алексей остановился:

– Прости меня, господи! Некстати я размечтался. Не сглазить бы! Избави меня, господи, от дьявольских заблуждений и соблазнов! И Алексей перекрестился.

Воронцов рассматривал в окно прелестную зелень, растущую во дворе усадьбы Реброва, улыбался и обдумывал дальнейшие действия:

– Место для концерта определим по желанию цесаревича. Устроить в ресторации или, может быть, здесь на усадьбе? На воздухе неплохо будет провести. Спрошу Лизу.

Лиза заметила, что кухня улучшила свои блюда, и можно питаться здесь без опасений. Сходим на другой день на

дегустацию. Ишь, как мудрено заговорил наш ресторатор. Интересно, что он там затеял?

Наместник был доволен:

– К приезду наследника все налаживается. К балу, обеду, охоте и козлиной ферме прибавился необычный концерт работников.

К тому же мы, кажется, удачно предусмотрели обустройство наследника. Лизонька предложила провести тонкую интригу, чтобы с пользой для себя жить рядом с царственной парой.

Скажем наследнику правду – мол, в гостинице Найтаки шумно и неудобно из-за ресторации. Но закрыть ресторацию нельзя. Она питает раненых. Из-за шума приезжие живут в гостинице два-три дня пока ищут тихое жильё.

Наследнику посоветуем поселиться у Реброва, где всегда тихо и спокойно, в чем мы убедились сами.

Лишь одного чета Воронцовых не предусмотрела. Перед самым приездом наследника случилась трагедия с большим числом человеческих жертв.

Все началось в домике, соседнем с козьей фермой.

Роковой калым

Наступил день 19 августа 1850 года. Солнце едва успело высветлить небо над горами, а первый признак тревоги уже обозначился.

Конь *Каракёк*¹ поручика *бия* Ибрахима Крымшамхалова чуть не сбросил его в воротах и напугал молодую жену поручика, вышедшую проводить.

Поручику показалось, что дворовая собачка *Умутчык*² нарочно кинулась под ноги коню, заливаясь громким лаем. Нукеры заспорили: правой ногой споткнулся вороной или левой.

Решили, что правой, и беды не случится. Можно было ехать в Кисловодск. Помня о дурных приметах, поручик тревожился. Однако не ехать нельзя было!

¹ *Къаракёкъ* – чёрная молния (карач.- балкар.)

² *маленькая надежда* (карач.- балкар.)

Путники проверили оружие, как перед опасной дорогой. Ехали долго. Рядом на *джоргъа ат*¹ покачивался *къайын*² Афай.

Он со своими нукерами присоединился к родственнику, хотя не имел никакого понятия о будущем. Поручик ничего ему не говорил и не просил, – сказал только то, что надо ехать.

Цена участие уважаемого *къайына*, Ибрахим немного открылся:

– Ты, верно, недоумевал, почему не приехал на свадьбу дочери мой тесть и твой отец Асламбек Михайлович Туганов?

Табун кабардинских лошадей (Д. Аутлев, 2018 г.)

Вследствие государственных забот, объясняли мы гостям. Их много у орденоносного генерала и бывшего конвойного из охраны самого царя. Дело было, однако, в ином.

Доверюсь тебе, и скажу правду! Ведь ты помогал мне при

¹ *иноходце* (карач.- балкар.)

² *шурин* (карач.- балкар.)

похищении невесты, твоей сестры, и на свадьбе попечителем был тоже. Ты знаешь, что я отдал тестю богатый калым.

Мне не стыдно ни перед кем за табуны коней, за отары овец, баранов и коз, за стада коров и волов! Твой отец также не обидел меня приданым жены. Грех жаловаться! Люди будут помнить, чего стоит прекрасная Гочаях.

И вот, представляешь себе, через малое время тесть заявляет, что я нарушил договорённость и должен ему сто двадцать коней. Он подал жалобу и, кроме коней, требует, чтобы я заплатил штраф.

Разве это справедливо, не разобрав, что произошло, считать меня обманщиком, обижать дочь и подавать жалобу? Я решил разобраться, куда делись кони. Ты удивишься!

Ибрахим закурил трубочку, хотя редко делал это в седле на ходу.

Къайын сказал, смеясь:

– Увели табун коней, конечно! Выяснил, кто это сделал?

Ибрахим ответил:

– Мой табунщик оказался дураком. Обманул его табунщик генерала. Сам генерал – честный осетин. Но его табунщик, тоже осетин, оказался обманщиком.

Хитро сказал, что табун они с помощником доведут сами, а ты, мол, друг наш, свободен и можешь возвращаться домой.

Мой табунщик, решительный дурак, поехал домой, как ему сказали.

Жулик табунщик сказал генералу, что табун ему не пригнали и не передали. Как тебе это нравится?

Что стало с табуном, я не знаю – продали или пасется где-то. Со временем узнаю.

Генерал сказал мне в личной беседе, что я как порядочный человек и его родственник должен дать хороший штраф, чтобы перед народом доказать уважение к старому тестю.

– Ведь теперь, – сказал он мне, – твоя семья – моя семья, и отданное станет общим.

Вот хитрец! А сам тем временем повсюду говорит, что истребует с меня весь долг, потому что я позорю род, – украл невесту, а правильно платить калым не умею.

Я надеялся, что все как-то утрясётся с помощью родни. Но

он, этакая штучка, грозитя довести меня до *цугундера*¹!

Дошел до начальства со своей жалобой. Теперь главный начальник на линии требует меня к себе на ковёр.

На первое приглашение, которое мне передали, я не поехал. Думал, что это глупая шутка! Чую, что какой-то негодяй подталкивает тестя на подлость, как из-за кулис на театре.

Слева-направо генерал Туганов Асламбек Михайлович (Батырбекович) (1804 — 1868) и начальник центра генерал Эрстов (Эрстави-Ксанский) Георгий Романович (Ревазович) (1812 — 1891)

Сам он на такое коварство не способен. Буду разбираться, кому это я не угодил.

– Да, уж, задача! – согласился Афай. – Разбирайся, брат, только осторожно. Тут могут действовать большие силы.

Нет ли у тебя серьёзного соперника, недовольного твоей

¹ *порка, гауптвахта (с нем.)*

женитьбой? Спроси Гочаях. Может быть, она что-то знает или догадывается о ком-то?

– Верно, мудрый друг! Спрошу, когда вернусь домой!

Дальше они ехали молча. Более поручик не сказал ничего, боясь обидеть Афая нехорошими словами об отце.

Поручик вспомнил, как один знающий доброжелатель предупредил, что богатый генерал Туганов – человек хитрый и жадный.

По мнению доброжелателя похищение табуна он устроил сам, подставив табунщика. Суд, конечно, положит табун в карман генералу.

Знаток, посмеиваясь, прибавил, что не нужно было поручику заводить лучших лошадей в округе и, более того, родниться с генералом! Теперь отдашь ему последних лошадей, и, когда твои лошади будут у генерала, он, может быть успокоится, но не обязательно.

Спросил, как думает Ибрахим, почему красивые дочери генерала трудно выходят замуж? А ведь выбор среди них большой: есть и мусульманки, есть и крещенные христианки.

Просто генерал запрашивает за каждую слишком много. И доброжелатель насмешливо спросил, как мое мнение?

Поручик отправил по инстанции рапорт с объяснениями. Теперь его ждал разговор с князем Георгием Романовичем Эристовым, начальником центра Кавказской линии. И было неясно, чем разговор закончится.

Князь Георгий мог быть особенно зол на горцев. Неделю назад похоронили его двоюродного брата, князя Захария Георгиевича.

Их матери были дочерьми последнего грузинского царя Георгия XII. Князя Захария убили злодеи на дороге в управляемом им округе в Восточной Грузии. Болтали, что это сделали горцы!

Но всё же Ибрахим надеялся, что Эристов представит его наместнику. Как рассудит наместник, так тому и быть! Не к царю же ехать из-за табуна лошадей? А если не представит?

Как узнал Ибрахим, Эристов был человек и честный, и благородных правил, и не глупый, но самоуверенный и мог выйти из себя.

Он, как покойный брат, ругал горцев, не разбирая правого от виноватого, не стесняясь ни положением их, ни званием¹. В этом он не отличался от других грузинских князей. В особенности, от бесчисленной родни Эристави.

Плохо ещё, что занятый поиском похищенных коней, Ибрахим приехал не на первый, а на повторный вызов. Но он рассчитывал на милость, когда князю откроется причина.

Ибрахим думал:

– В случае удачной встречи с Эристовым буду говорить с наместником, к чувствительности которого надо прибегнуть. Риск большой. В случае неудачи впереди меня ждут позорный суд и разжалование.

Ибрахим успокаивал себя:

Старый князь и граф Михаил Семенович Воронцов слывет строгим, щедрым и справедливым человеком. В армии помнят, как он оплатил долги офицеров и солдат своей армии, когда выводил её из Франции в 1815 году. Едва не разорился.

Ибрахиму говорили, что князь «... был среди русских высших чиновников человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношениях с высшими. Он не понимал жизни без власти и без покорности».²

Однако, хватит гадать впустую! Ибрахим встряхнул головой, разметав длинные пряди шерсти на папахе, поправил кинжал и весело спросил:

– Говорят, что иноходь твоего Мерака быстрее размахистой рыси моего Каракёка. Проверим?

И они пустились. Ибрахим не раз удерживал своего араба, задиравшего хвост, и возвращал на рысь.

А иноходец Афая все дальше и дальше уходил вперед. Проскакав порядочно, чтобы размять коней, вернулись на прежний аллюр. Поехали рядом.

– Видишь, – сказал Афай, – почему наши кони хороши для похода. Летишь на коне, как на волшебном ковре. Ковер не колыхнётся. И конь не устаёт. Конечно, твой араб лучше в

¹ Зисерман А., *Двадцать пять лет на Кавказе (1842 - 1867)*

² Л.Н. Толстой, *Хаджи-Мурат, 1912*

скачках, но карачай бесценны в походах.

Несчастные арабы-кочевники! Нет у них таких коней, и они ездят на верблюдах! Оба наездника рассмеялись и повеселели.

Наконец, перед ними открылся прелестный кисловодский бульвар.

Всадники (Ф.А. Рубо)

На нем недалеко от нарзанной галереи и козьей фермы снимал домик начальник центра.

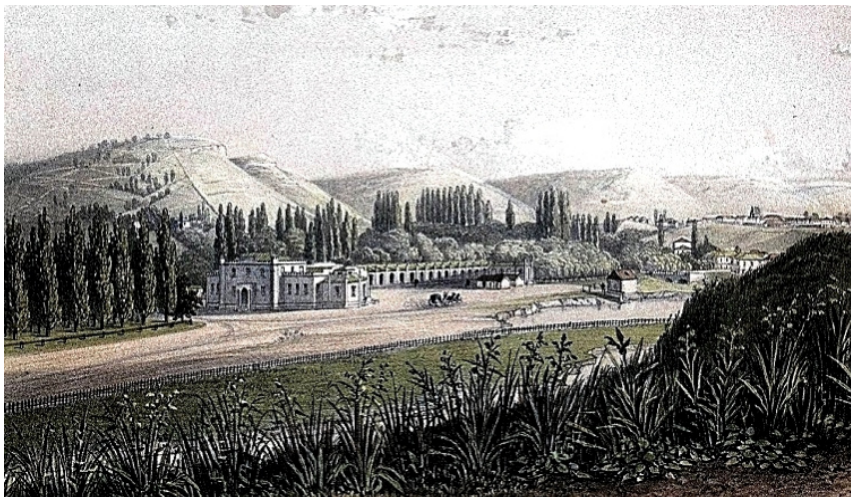
Подъезжая к домику, наездники заметили странную расстановку войск. На бульваре перед воротами стояла сотня

верховых казаков, а во дворе расположилась рота вооруженных солдат.

Афай, видя полное вооружение на Ибрахиме, сказал:

– Мне как-то не нравится всё это. Давай вернёмся домой. Приедем на другой день, когда здесь не будет таких сборов. *Бек анасы джыламаз*¹.

– Нет, – ответил Ибрахим, – я начал и буду продолжать.

Кисловодская нарзанная галерея (Н. Медведев, 1861 г.).

Слева деревья бульвара, за ними козья ферма, затем Крестовая гора с крестом-памятником. В галерее колодец нарзана. В тополях над галереей слева усадьба Реброва и справа ресторация. За мостом жилые дома. Над ними на уступе горы крепость.

– Жаль! – сказал Афай. – А я, извини, лучше поеду, потому что помочь тебе не смогу, а навредить получится.

Скажут, слишком много нукеров притащил с собой молодой бий. Значит, чувствует вину и неуверенность! И пытается защититься оружием и людьми. Прощу тебя, в

¹ *Береженого – бог бережёт* (карач., погов.)

разговоре с генералом помни правило *сабур – хуцауи лымэн!*¹

– Я знаю это правило. Спасибо за поддержку в дороге! – ответил Ибрахим

Афай сказал:

– Поеду и поговорю ещё раз с отцом.

Кивнул нукерам Ибрахима и позвал своих. Выезжая со двора, оглянулся на спокойного и решительного шурина. Сказал напоследок тихо-тихо, чтобы никто не услышал: «*Хуцауи, амнэт фæ уæд!*»².

Перестрелка в Кисловодске

Князь Эрстов не заставил долго ждать и пригласил в дом. После представления прибывшего генерал говорил с поручиком громким, но не злым голосом:

– Вас обвиняют, ваше благородие, что вы не заплатили калым за невесту, как положено по законам Шариата. Я думаю, что это недоразумение. И вы все исправите.

Ибрахим выслушал. И князь Георгий продолжил:

Но это не главное. Вы, батенька, поступили не как офицер, у которого есть начальник, а как непутёвый баран из вашего калыма.

Первое. Вы не знаете, что к воинскому начальнику не обращаются с гражданским иском. Для этого имеется окружной пристав. Он решает хозяйственные споры.

Кто-то рядом сказал: «Правильно!»

В комнате засмеялись, и князь окрикнул:

– Молчать!

Все затихли, и он взял суровый тон. – Извините, поручик, я должен сказать! Вы показали дурной пример своим подчиненным. Но вы, любезный, не баран и не можете поступать так, как вам заблагорассудится!

Как вы могли подумать, что армейский устав писали умные люди не для меня и не для вас? Вы поступили не по уставу.

Нарушив воинский порядок, вы обратились не к своему

¹ *сабур – хуцауи лымэн* (осет., посл.) – спокойный – богу друг

² *Хуцауи амнэт фæ уæд!* (осет.) – Да, хранит его бог!

непосредственному воинскому начальнику, а через его голову прямо к генералу!

Довольный собой и своим доходчивым разъяснением порядков, известных всем, генерал прибавил ласково:

– Согласитесь, вы обидели своих начальников и поставили их в неловкое положение, будто они не могут разобраться в вашей мелкой кляузе.

Вы хотите, чтобы в армии наступил хаос, потому что вами, поручиком, нарушена элементарная субординация. А это в армии – самое худшее, что бывает!

У меня, батенька, этого не будет! Я призову всех к порядку! Извольте-ка, любезный, сдать своё оружие и отправляться на гауптвахту под стражу! Будете изучать устав. Обещаю, что после я с вами побеседую по уставу особо.

– Позвольте, Ваше превосходительство! Позвольте! Я расскажу, что удалось узнать об этом проклятом табуне. Все станет ясно и понятно. И не надо будет никуда ходить.

Князь вдруг сказал зло:

– Не позволю! Хвала господу и государю, вы – военнослужащий! И что же? Вы не имеете понятия о фронтовой службе. Не явились на разбирательство, на которое было приказано явиться.

Я вас научу действовать, как положено! Исполняйте приказ, как настоящий офицер, а не как бунтовщик, к которому надо применять силу! Что? Молчать, или я арестую вас!

Голос Ибрахима напрягся от возмущения:

– Вы не хотите слышать правду. Поймите, ваше превосходительство, дело не требует отлагательства. Послушайте меня, и убедитесь в этом. Оружие я не сдам! Не вы мне его вручали, не вам его отбирать!

– Полковник, слушай мой приказ! – разозлённый генерал обратился к коменданту кисловодской крепости Жердеву, стоящему рядом. – Арестовать поручика и доставить на гауптвахту!

– Ну, нет! – возмущенный Ибрахим выхватил шашку дедовскую и выскочил за дверь. С крыльца закричал:

– Шашки вон! За мной!

Прыгнул на коня, которого держал в поводу нукер. Они

выскочили через открытые ворота и помчались по бульвару мимо козьей фермы к усадьбе Реброва, где поселился князь Воронцов.

Казаки, заранее предупреждённые, погнались за ними и выстрелили. Один беглец упал вместе с конём.

Беглецы спешили, подхватили упавшего и бросились на гору над домом Реброва, вынимая ружья из чехлов.

Там на вершине стоял заметный каменный крест в рост человека. Крест был особенный.

Памятный крест на Крестовой горе (2019 г.)

Два года назад его поставил статский советник Ребров на 50-летие первого курортного сезона в Кисловодске, чтобы увековечить память о сподвижнике А.В. Суворова генерале-лейтенанте графе Ираклии Ивановиче Моркове, командующем кавказской линией. Генерал отдыхал у нарзана с семьей. Ребров служил у него секретарем.

Казаки и солдаты преследовали беглецов.

– Я не бунтовщик! – кричал поручик. – Пусть все видят! Прощу правильного суда у князя Воронцова!

Горцы гиканьем поддерживали его. Услышав тревогу, солдаты и казаки сбегались отовсюду. Пальба всё усиливалась.

Окруженные беглецы залегли в ораде, поставленной

вокруг креста, и стали отстреливаться, видимо, решив дорого продать свои жизни. Двое из них были убиты, и двое нападавших солдат ранены.

Встревоженные сильной стрельбой, люди выходили из домов. Солдаты-строители нарзанной галереи бросили работу. Из усадебного особняка вышел кавказский наместник князь Михаил Семёнович Воронцов и за ним хозяин Алексей Федорович Ребров.

Посмотрели вверх в сторону креста:– В чем дело? Что за сражение? – спросил Воронцов.

– Ваше высокопревосходительство, с утра занимался этим князь Эрстов.

– Где князь Георгий Романович? Позовите!

Подбежал запыхавшийся Эрстов:

– Разрешите доложить, ваша светлость?

– Слушаю! Кратко и без экивоков!

– Приехал поручик княжеского рода Крымшамхалов, карачаевец, с ничтожной жалобой. Нарушил порядок. Забыл правила субординации и потребовал вашего личного суда!

Я объяснял, что не след так делать. У вас есть более важные дела. Аресту он не поддался и оказал сопротивление.

– Тогда, Георгий Романович, что вы стоите? Велите схватить бунтовщика! Помните приказ государя: не подчиняются – уничтожать! – и вслед прибавил. – Любой ценой!

Генерал поднялся в гору к залегшей цепи. Он видел хорошо, что долго лежать под огнем противника на открытой горе без всякого укрытия нет смысла, и прокричал:

– Слушай, передай!

Команда, подхваченная солдатами, улетела вдаль как эхо: «Слушай! Передай!...» И за ней пошла суровая команда:

– Пленных не брать!

Вслед генерал решительно крикнул:

– В атаку! Вперед!

Посмотрел, как пошли солдаты. Потом, не пригибаясь под выстрелами, вернулся во двор.

Прикрываясь плотным огнем, солдаты перебежками стали подниматься в гору, окружая отстреливающихся.

Лежавшие у креста, видя безысходность положения,

вскочили и побежали врассыпную вниз по круче.

Один из них, простреленный пулями, упал на половине горы и более не вставал.

Князь Эристов сказал князю Воронцову:

– Ваша светлость, отлично наши показывают себя!

Другой добежал, вскочил в ребровский двор и, запыхавшись, успел прокричать: «Ваше высокопревосхо..!». Но тут же был опрокинут дюжим кучером, находившемся при лошадях наместника.

Вскочил. Ударили в шашки. В схватке он ранил кучера. Через мгновение был зарублен.

– Какая наглость! – переведя дыхание, сказал Эристов. Вытер шашку и, скривившись от вида крови, бросил платок.

Третий, последний, спустился до посадок позади усадьбы Реброва, и под прикрытием посадок добрался до проулка.

Укрываясь за оградой, добежал до ворот ресторации. И в поисках укрытия кинулся внутрь помещения.

Буфетчик Илья Дмитриевич стоял в дверях, пытаясь понять, что происходит. Он узнал карачаевца и попытался остановить:

– Джамбулат, стой! Нельзя дальше. Будет беда. Опустите оружие! Сдавайся!

Джамбулат сказал:

– Дядя Илья, прошу, пропусти!

– Не пропущу! Сдавайся!

Догонявшие закричали:

– Он в ресторации! Держи его! Держи!

– Ты с ними! – воскликнул Джамбулат и ударил кинжалом.

Буфетчик схватился руками за голову и упал. Злодей перескочил убитого и вбежал в зал.

Закричали обедавшие курсовые. Карачаевец стремительно взобрался по лестнице на хоры и спрятался.

В зал вбегали гнавшиеся солдаты и казаки. Загрохотали выстрелы. Зал заполнился пороховым дымом. Курсовые спешно выбегали через парадный вход.

Видя, что стрельба ничего не дает, взводный скомандовал:

– Прекратить стрельбу!

Оглядел всех.

– Нас семь. Счастливое число! Тянем жребий.

Живо взял с ломберного стола полдюжины карт. Показал всем: «Дам нет!».

Нашел даму. Вложил. Стасовал.

– Тяните! Давай, Васька! Ты у нас на дам самый хваткий.

И прибавил крепкое словцо. Васька взял.

– Не повезло! Не всё коту масленица!

Тянул следующий. Взводный сказал:

– Пахомыч, дамский угодник, ты угадал. Черед тебе лезть!

И обратился к остальным:

– Заряжайте, подъябочники! Прикрываем его! Иван Пахомыч, давай, с богом! Возьми пистолет!

Солдат принял пистолет, перекрестился и стал осторожно подниматься по узкой крутой лестнице на антресоль, держа пистолет наготове.

Выстрел. Загрохотал залп. Солдат с шумом упал в зал. Кинулись – он был зарезан!

Тут прокричали со двора:

– Поберегись! Берём со двора!

Все бросились в дверь и, толкаясь, выскочили на двор. Убегая, взводный крикнул:

– Васька! Стереги!

Василий зарядил ружье.

Во дворе солдаты приставили к галерейке лестницу, оставленную работавшими малярами у цоколя стены. Унтер-офицер сказал:

– Ставь посередине! Отсюда гораздо лучше будет видно. Злодей-то в углу прячется.

Переставляя лестницу, солдаты спросили:

– Так, или подвинуть?

– Годится! Придержи!

Унтер взял ружье и полез по лестнице наверх. Высмотрел в окно притаившегося беглеца и выстрелил. На крышу посыпались осколки стекла.

– Готов! – крикнул.

Все облегченно вздохнули.

Тут ударил выстрел в зале. Перебежали туда. Застреленный

карачаевец лежал рядом с зарезанным солдатом.

Взводный усмехнулся:

– Был мираж, стал марьяж¹! Вот везет, так везет!

И похлопал рукой ружьё солдата. Василий стоял неподвижно, держал дымящееся ружье в руках и смотрел остановившимися глазами на убитых.

Запыленный и запыхавшийся полковник Жердев вернулся к дому Реброва и обратился к Воронцову:

– Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить его превосходительству.

– Докладывайте, полковник.

– Операция успешно завершена. Потери: убито 7, из них 1 солдат, 1 штатский и 5 карачаевцев; ранено 4, из них 3 солдата и 1 карачаевец. Последний, раненый в грудь, считался в начале убитым, но ожил.

Итого: потери гарнизона убитыми много меньше, чем потери нападавших, двое против пятерых. Наши показали свое умение в бою в горных условиях на открытой местности против хорошо вооруженного противника.

Воронцов поманил Эристова и Жердева:

– Прошу ко мне! Разберемся, от чего случилось это дикое безобразие? Не хватает, чтобы слухи дошли до цесаревича!

Убитых вынесли из ресторации и положили наземь в тень. Пришел дворник, принёс простыни. Накрыл покойников.

Тохтар сел подле мертвого сына. Вокруг шёл бурный разговор – он его не слышал. Снял с бритой головы мохнатую шапку и шептал молитву.

Кунак Петр не покинул его и горевал рядом. Можно сказать, это было семейное горе. Соседи Митрич и Пахомыч из слободки лежали рядом. Илью Дмитрича Петр недавно перевел из приказчиков в буфетчики, убедившись в его способностях.

Джамбулат, можно сказать, рос на его глазах. Как погибшие карачаевцы веселились на свадьбе и радовались счастьем и

¹ *ход дамой и королём в карточной игре, от mariage – свадьба (фр.)*

любви молодых Ибрахима и Гочаях! Несчастливая вдова Гочаях! Несчастный Тохтар! Бедные осиротевшие семьи!

Ветер с гор обдувал мокрое лицо Тохтара. Листья тополя колебались и шелестели над его головой.

В углу двора воробьи громко чирикали и дрались на ветке за скворечник, покинутый скворцами, улетевшими к теплу. Божья коровка, поспешая, ползла по простыне в верхнюю точку над лбом покойника.

Подул порыв ветра и пошевелил край простыни. Божья коровка подняла надкрылья, расправила крылья и понесла семь черных меток смерти на кровавом фоне.

Пройдут годы. Главные участники трагедии проживут разнообразную жизнь. Умрут своей смертью. И всю жизнь будут помнить тот ужасный день кисловодской перестрелки.

А что наследник престола? Он с супругой приехал в сентябре.

Человек, превосходно воспитанный, он всё осмотрел, всем восхитился, всех благодарил.

Вместе с будущими подданными молился за государя и государыню, за императорскую семью, за народ и за успехи русского оружия.

На ферме удивился необычному вкусу айрана из козьего молока. С удовольствием присутствовал на обеде, данном предводителем ставропольского дворянства Алексеем Федоровичем Ребровым для военачальников и цесаревича.

Впоследствии Ребров заказал у местного художника картину маслом, на которой было изображено, как наследник благодарит хозяина за труды и гостеприимство.

Картина была утрачена и недавно написана заново художником В. Байрос в прежнем полупримитивном стиле¹.

Были изображены следующие персоны: цесаревич Александр (третий справа впереди) поднимает бокал наверное славного Ребровского полу-шампанского; хозяин А.Ф. Ребров (четвертый слева сзади) стоит с бокалом в правой руке у

¹ Эта копия маслом находится в музее «Дом А.С. Пушкина на Кавказе», г. Пятигорск.

желудка и с левой рукой, прижатой к сердцу; в углу сзади виднеется архитектор С.И. Уптон (слева второй).

Седой князь М.С. Воронцов сидит справа позади цесаревича. За ним сидит генерал П.Е. Коцебу, начальник штаба Кавказского корпуса. От него справа (в углу) сидит князь А.И. Барятинский (1815-1879), наместник Кавказа, победитель имама Шамиля. Князя Александра Ивановича именовали впоследствии покорителем Кавказа.

Торжественный обед у статского советника А.Ф. Реброва (1776-1862) 21 сентября 1850 г. (В.Байрос, копия, 2014 г.)

Надо полагать, что итальянские блюда на ужине в реставрации цесаревичу и супруге понравились не менее, чем угощение у Реброва. Но от концерта, исполненного работниками, они не были в восторге.

Провинциальные концерты похожи один на другой. Певцы выглядят на одно лицо, а пение даже не думает приближаться к мастеровитому. Слушать примитивное пение ужасно надоедает.

Но вежливые слушатели изображали заинтересованность.

Их утешала мысль, что когда-нибудь на этом невзрачном субстрате любительства раскроются цветы оперного профессионализма, которыми станет наслаждаться душа.

Проходили годы, и воспоминания о трагическом происшествии из-за калыма так и не исчезли, несмотря на множество важных событий.

На какое-то время текущие заботы успокаивали Алексея Петровича. Душа его защищалась от горьких воспоминаний. Потом воспоминания о смертоубийстве в Кисловодске всплывали снова из памяти. Достаточно было ничтожной ассоциации с чем-то знакомым по прежним делам, и душа снова погружалась в пучину тяжелых чувств.

В таких случаях он не давал себе волю, а сохранял видимое спокойствие. Всех удивлял его вечный оптимизм и доброе отношение к людям.

Последнее рождество

Старенький дед Петр Афанасьевич тоже тревожил семью. Они всё чаще слышали его грустные речи о далеком прошлом, в котором деду не представился случай удивить государя, приехавшего в Пятигорск.

Горькое разочарование стало навязчивым до такой степени, что раздражало окружающих людей.

Седого Петра Афанасьевича, приехавшего в Ставрополь на рождество, утешал в очередной раз Егор:

– Радуйтесь, папаша! Счастье, что вас тогда не окружили охранявшие полицейские! Серые шинели такие внимательные, что не удивляются ничему, и нет у них чувства юмора.

Хорошо, что вам не случилось испытать огорчение на вашем концерте во время пикника!

Маленький внук Петруша подошёл, прижался к загрустившему деду и решил сказать:

– Дедушка Пётр, а я догадался, какие нехорошие слова говорил солдат, которого ты направил в пикет на горе, чтобы он стерег пикник! Он работал кучером на второй телеге и не хотел возить плохого дядьку Шпака. Правильно? Хочешь, я скажу тебе нехорошие слова на ушко?

Мария старшая сестра перебила брата, чтобы он не ляпнул неприличное, и поспешила добавить:

– Ребёнку понятно, что солдат было четверо: барабанщик, два кучера на телегах и майоров денщик. Петя молодец, четыре года исполнилось, а он всех сосчитал!

Молодёжь засмеялась:

– Петруша, посчитай до десяти!

Пятеро сестёр – Мария, Юлиана, Анна, Евгения, Антонина – загомонили, обращаясь наперебой к деду, который начал раздавать подарки.

Пётр давно убедился, что внучата не знают порядка. Очень уж балует ставропольская бабка Ермакова. Но ничего не сказал.

Хозяйка Вера Егоровна едва утихомирила детей, и они стали извлекать из свертков игрушки, сладости и другие интересные вещи.

Она поправила плед на коленях свёкра и подумала с досадой:

– Дед опять вспоминал, как готовился к встрече с императором и как не увидел его. Надоел всем!

Видать, не только ноги болят, но и с головой неполадки. Ещё и времена путает. Когда перед рождественской службой в соборе ему принесли стул для сидения, старик стал спрашивать, как прошёл молебен с императором. К чему вспоминать такую давность? Думаю, ему недолго осталось!

Замерзшему во время долгого переезда из Пятигорска в Ставрополь старому Петру было приятно забыться на всенощной в тёплом Троицком соборе.

Здесь все было знакомо до последней щели в деревянном полу и до мельчайшего завитка в резьбе огромного иконостаса, свекающего серебром и золотом. Таинственно виднелась храмовая икона Иверской божьей матери со святого Афона.

Ему было лестно, что ставропольские приятели его не забыли. Когда он утром раздавал милостыню у паперти, его поздравили и спрашивали, как ему живётся в Пятигорске у Алексея.

После всенощной Егор с работником посадили уставшего

деда на одноконную коляску и привезли домой, хотя идти было недалеко. Супруга Вера с детьми пошли по утреннему бульвару пешком.

Дом у Егора был кирпичный, двухэтажный, с деревянной верандой и глубоким подвалом. На первом этаже имелась лавка, как положено купцу. За домом находились сад, сарай, конюшня и колодец. Без слов, прекрасная усадьба!

Сын Егор молодец! Купец он толковый и строитель не хуже. Какой отличный семейный дом построил на деньги жены на месте ветхого прежнего!

Супруга Вера Егоровна единственная дочь чиновника, достойная, богатая и домовитая. Родила пять девочек и мальчика.

Сам Егор вошёл во вторую гильдию. Догоняет Алексея купца первой гильдии. Они с братом похожи не одной внешностью. Неудивительно, что некоторые считают их близнецами! Как не гордиться такими сыновьями!

Раздавая подарки, сложенные рядом с ёлкой, Пётр радовался счастью сына. Благословил мысленно его семью.

Нисколько не сомневался, что из внучонка Петруши вырастет превосходный купец.

Петр подумал:

– Какой молодец! Считает уже! Жаль, что мне не увидеть успехов наследника престола в будущем так же, как я не увидел царя в прошлом. А столько тогда было хлопот! Внука-то ждали нетерпеливее, чем императора. – Пётр улыбнулся и погладил рукой чёрненькую головку смуглого малыша, разбиравшего подаренную деревянную игрушку.

– Девочки рождались одна за другой. Петруша мой наследник появился недавно. Такова божья награда за веру, надежду и любовь!

У старенького Петра было отличное настроение. Когда семья разместилась за большим праздничным столом, он перекрестился и сердечно произнёс:

– Милые мои детки и внучатки, поздравляю с рождением Спасителя нашего Иисуса Христа!

Дорогая сватья! Желаю каждому здоровья и счастья! Да будет полон дом и успешны дела! Не забудем сырых и поможем

просящим ради Христа!»

Проговорил застольную молитву и вдруг вспомнил, что скоро исполнится год, как царь Николай умер.

Перекрестился, поднял рюмку и сказал:

– Господи, прости мою забывчивость! Да покоится государь Николай Павлович с миром! Царствие ему небесное! Жаль, что мне не довелось устроить для него кавказский пикник!

Здоровья императору Александру Николаевичу и его семейству! Долгого и счастливого правления нам на радость!»

Прошло три дня. Егор отправил отца назад в Пятигорск к Алексею, где отец жил с тех пор, как отошёл от дел.

Алексея предпочел, наверное, потому что там тише, из детей один Гришка.

Или, может быть, потому, что Алексею господь благоволил во всём. Даже устроил золотую медаль за меценатство!

Никто за столом не знал, что это была их последняя встреча с отцом. Вскоре он заболел. Кашлял, отекали ноги, никуда ни ходил, а сидел в палисадничке возле дома. Выбирался туда с трудом.

Доктор сказал, что эти болезни – следствие многолетнего топтания на сквозняках в ресторациях и гостиницах.

В следующем году Пётр Афанасьевич Найтаки скончался от старости и болезни. Ему исполнилось семьдесят шесть лет. Его похоронили на пятигорском кладбище. Рядом было предусмотрительно оставлено место для других членов семьи.

Накануне сорокового дня Егор с супругой Верой Егоровной приехали в Пятигорск. Сходили на могилу, помянули родителя и пожелали ему райского блаженства в царствии небесном. Собирались решить, как вести аренду гостиниц.

В Пятигорске курсовой сезон закончился. Пришла зима.

По оледенелым склонам горячая минеральная вода сбегала без надобности. К её извечному серному духу прибавился запах дыма, поднимавшегося из труб домашних печей.

Неглубокий снег, чистый во дворах и на склонах Машука, подтаивал на улицах и мешался с грязью.

По ночам наступала полная тишина. Не было слышно ни стука колёс, ни ударов подков, ни голосов спешащих домой полуночников. Не лаяли даже брехливые собаки.

Молчали боевые часы на церковной колокольне, бой на зиму отключали и часы останавливали. Масляные фонари на бульваре почти не давали света.

Город освещала луна. Таинственно выделялись темные окна на светлых стенах домов.

Лишь одно окно в доме на окраине слабо светилось.

В тёплой столовой в красном углу под иконами и лампадой стоял на отдельном столике небольшой портрет и полный стакан полугарного вина, накрытый ломтем хлеба.

Портретный дагеротип, наклеенный на картонку с медалями фотографа, показывал солидного господина в сюртуке и галстуке, с аккуратно расчёсанными седыми бакенбардами и редкими волосами на голове.

Прощание с отцом закончилось. Ушли гости, соседи, друзья отца и с ними батюшка Павел, отслуживший поминальный молебен.

Задержался доктор Иван Ефремович. С ним разговаривали Вера и Егор, обеспокоенные слабым здоровьем Петруши.

Иван Ефремович велел не перегружать мальчика учением, а следить, чтобы он больше бывал на воздухе.

Доктор справился о болях в ногах у Егора, которого он обследовал в прошлый раз. И напомнил, чтобы принял курс серных ванн весной, как только откроется сезон. Наконец доктор попрощался и пожелал всем спокойной ночи. Хозяин Алексей Найтаки проводил его.

Жена Егора и невестка Алексея убрали со стола остатки еды. Свекровь им помогла. Приболевшая жена Алексея чувствовала себя плохо и давно спала. Сын Григорий попрощался и ушёл по делам в гостиницу.

Братья перешли в кабинет, освещенный канделябром с новой свечой. Захватили стаканы, бутылку и тарелку с холодной закуской. Наконец, они могли без помех поговорить о жизни и о дальнейших планах.

Ночной разговор

Егор сказал:

– Что твой Григорий? Вижу, радует тебя! Совсем большой

стал. Недавно поздравляли с двадцатилетием и свадьбу справляли.

Алексей ответил:

– Спасибо за поздравление и подарки! Григорий молодец! Женился рано и, надеюсь, что дети будут ранние, не как у нас с тобой.

Гриша помогает мне во всем, и нам не пришлось отказываться от аренды казенных гостиниц.. Нашему отцу очень нравилось, как он старательно и разумно ведет дела.

Алексей подошел к секретеру, достал и протянул Егору тонкую пачку писем:

– Егор, вот письма от дяди Дмитрия из Ланчхуты и от родных из Таганрога.

Брат прочитал и задумчиво сказал:

– Ну что же, всё идёт, как должно идти. Они нам сочувствуют. Спасибо и на том!

Дядя Дмитрий, не отлучаясь, служит в Сухумской таможне в должности надзирателя разъездного поста и за это время уже поднялся до титулярного советника. Служба важная и место, видно, хорошее. Поэтому к нам не смог выбраться. Однако приезжали таганрогские. Помянули отца на девятый день.

Алексей нервно ходил из угла в угол. Пламя свечи колебалось. Тень металась по стене. Егор чувствовал, как тяжело брат переживает смерть отца. Старался не смотреть на него, плачущего и стыдящегося слёз.

Чтобы отвлечь мысли брата, Егор перевёл разговор на воспоминания об отцовских удачах:

– Помнишь, как папа рассказывал о начале своих дел на Ставрополье? Больших денег он тогда не имел. И нашёл выход.

Стал заготавливать соль из соленого озера недалеко от Медвеженского хутора, чтобы обменивать её на камень для постройки казарм в Усть-Лабинской крепости! Удачно придумал и неплохо заработал.

Соль, известно, нужна всем и повсюду. Ему она обходилась дешевле, чем привозная из Астрахани или Крыма. В обмен за соль горцы везли камень. А за камень хорошо платила казна. Срочность была большая. Такой был придумщик! Барыш просчитал верно!

Алексей немного оживился:

– Да, папаша был находчивым и ловким в делах! Нам далеко до него.

Егор продолжал отвлекать брата от горьких дум:

– В старости папаша стал болтливый. Ты заметил?

Когда он приезжал в прошлом году на рождество ко мне в Ставрополь, то опять вспоминал, как готовил в Кисловодске пикник для императора Николая Павловича. И снова огорчался, что не увидел царя.

Алексей согласился:

– Да, в последнее время это было его навязчивым воспоминанием. Из-за него он очень расстраивался.

Егор продолжил:

– Я пытался развеселить его. Думал, что подействуют воспоминания о нападениях горцев на кавказские воды.

Он охотно рассказывал, как в 43-ем году казаки отразили набег трёх тысяч всадников на Пятигорск.

Вспоминал также нападение на Ессентукскую станицу в 32-ом, когда погибли казаки и скот угнали. Мы тогда ещё жили в Ставрополе.

Алексей тяжело вздохнул и сказал:

– А помнишь, как он рассказывал о похоронах поэта Лермонтова в 1841 году и читал грустный стих о листочке дубовом: *«Ты пылен и желт — и сынам моим свежим не пара./ Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?»*

Доктора правильно говорили об этой дуэли. Она случилась вследствие сильного напряжения нервов во время войны. Алексей замолчал. Наступила долгая пауза.

Егор продолжил вспоминать:

– Ты знаешь, что память у отца была прекрасная! Помнил много песен и стихов. Знал церковный календарь наизусть! Но я заметил, что он избегал говорить о нападении на Кисловодск в 36-ом году. Сразу прекращал разговор. А ведь он был там! Закрывал ресторацию на зиму.

Алексей откликнулся:

– Верно! Я тоже обратил на это внимание. Мне кажется, тогда случилось нечто, о чём он не хотел говорить.

Егор задумчиво сказал:

– Ты знаешь, что он никогда не праздновал труса. Стычки с разбойниками в то время, можно сказать, вошли в привычку. Значит, его молчание не относилось к действиям отца, а к чему-то другому, таинственному. Что бы это могло быть?

Алексей согласился:

– Ты прав! Когда я расспрашивал людей, они говорили, что черкесы отступили из-за того, что был убит предводитель.

Никто не знал, как это случилось. Отец, наверное, знал и скрывал правду. Думаю, это была не его тайна.

За всю жизнь ни разу не проговорился! Теперь нам остаётся только догадываться, как всё произошло.

Они помолчали. Наконец Егор сказал:

– Помнишь, как на следующий год отец велел купить в Туле у Пономарева лучшее ружье, а потом подарил это ружьё своему карачаевскому кунаку Тохтару? Почему?

Алексее показался такой подарок естественным:

– Понимаешь, отец просто порадовал своего друга. Он, случалось, бывал таким щедрым доброхотом, что его приходилось удерживать. Благотворителей, какие бывали в старину, теперь днём с огнём не сыщешь!

Егор возразил:

– Так то оно так, но почему он дарил ружье в следующий год, а не раньше? Я думаю, они оба с кунаком знали и скрывали человека, застрелившего этого черкесского разбойника.

Видно, была основательная причина скрывать, чтобы не навредить кому-то. Слишком важное случилось убийство.

За славой, как ты знаешь, никто из них не гнался. Наград от начальства они не ждали. Дружба и доверие были для них превыше всего.

Вот отец и наградил друга за общую победу. Теперь нам не узнать, кто был героем. И хорошо! Война-то продолжается, и лучше не знать, о чём молчали старики столько лет.

Будем не знать и дальше. Судьба такая! Так хотел отец.

Помнишь, отец любил говорить: «Кавказ – такое место на Земле, где по неведомой божьей воле встречаются христианский фатум и магометанский кисмет, – парочка, что дружит без границ и ненавидит без предела!»

Он прав. Никому не избежать божьей кары! Бог всё

видит. Пора каяться каждому и молить господу о прощении!

Алексей вздохнул глубоко, долго молчал и задумчиво заключил:

– Суетный мир не прощает. Он, в лучшем случае, забывает. И отец советовал нам это понимать. Могу привести пример из отцовской и моей жизни, если позволишь.

О-о! – протянул Егор удивленно – разве есть что-то, чего я не знаю? Я-то думал, что мы с тобой всегда говорим откровенно обо всем. Согласись, нам это очень помогает в жизни и делах!

– Но у меня есть такое, о чем лучше никому не знать!

– Есть? Тогда и не говори!

– Нет! Не могу! Это касалось переживаний отца, а также другого человека. Но времени прошло достаточно, и я думаю, что пришла пора тебе это знать. Но рассказывать чужим ты поостерегись! Поймешь сам, почему.

Это случилось, когда приезжал император Александр II, тогда ещё наследник. В Кисловодске перед приездом перестреляли много народа.

И Алексей рассказал историю убийства молодого бия. В заключение истории сказал:

– Тохтар тогда очень горевал – сын его погиб. Убиты были другие родственники.

В переживаниях Тохтар дошёл до того, что хотел открыть кровную месть. Но никто не знал, как мстить начальникам на войне? Думал идти к старикам выяснять точную степень родства и ответственности.

Папаша уговаривал кунака не делать этого, объясняя на своем примере, что старики не безупречны, могут ошибиться. И он может совершить горькую ошибку.

Но все уговоры были напрасны. Очаявшийся кунак решил, что это безжалостный кисмет прислал ему наказание за убитого главаря черкесов, напавших на Кисловодск. Папаша едва убедил его, что он невиновен, ведь адат разрешает убивать врагов на войне.

Алексей перевел дыхание. Потом улыбнулся смущенно и сказал:

– Только вот сейчас что-то нашло и хорошо, что я мог рассказать тебе, как было дело. Надеюсь, что мне станет легче.

А в тот страшный день я чрезмерно возмутился. До сих пор трясёт, когда вспоминаю эту историю!

История Алексея произвела впечатление на Егора, ведь убиты и ранены были солдаты гарнизона и местные жители, хорошо ему знакомые.

И причина была самая глупая, всем давно известная даже у новичков на Кавказе, – неуважение и незнание местных обычаев не только неуместно, но и опасно. Опытный человек не совершил бы этого.

Разве можно требовать у джигита отдать оружие, да ещё публично. Как можно было заставлять делать такое? Ведь даже снять папаху с головы горца считается смертельным оскорблением?

Егор досадливо поморщился и высказал своё мнение:

– Да, что ты извиняешься, Алексей. Рассказал, ну и ладно, и хорошо.

Темная история! Похожа на интригу против того бия. Наверное, его специально поставили в положение виноватого перед генералом.

Оба примолкли. Чтобы успокоить Алексея, Егор перевел разговор на другую тему:

– А как закончилась история с шеф-поваром-певцом?

– Ему надобно было выступить перед наследником вместе с моими работниками и петь итальянские песни и арии из опер. Долго готовился, репетировал и прекрасно пел перед нами и даже перед Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

Но на концерте перед наследником не смог. Опять перехватило голос. Мы все расстроились и жалели его. Но он не уронил ни слезинки, собрался и уехал в Москву. Отец не смог уговорить его остаться.

Выяснилось удивительное, – он перестал пить! Оказывается, что он записал у нас мелодии местных песен и танцев и начал сочинять оперу-буфф на кавказскую тему. Кавказские сюжеты увлекли его необычайно.

Не удивлюсь, если со временем появится новый композитор. Сочинит, если не оперу, то водевиль обязательно. Глядишь, и в антрепризе поставит!

Разговор перешёл от прошлого к настоящему.

Егор спросил:

– Говорят, что тебе предлагают выдвигаться на выборы в городскую думу?

– Верно! Но пока это только разговоры, хотя, признаюсь, шанс быть выбранным у меня есть.

Братья стали обсуждать, что предпринять в сложившейся ситуации.

Егор как старший принял на себя роль советчика, каким был прежде отец. Сказал, что Алёше стоит подумать о новом предприятии, допускающем длительные отлучки. Время сложное, и могут не продлить ни управление гостиницами, ни разрешение на перевозки омнибусами. Надо подстраховаться!

Егор советовал Алёше обратить внимание на собственную гостиницу в Кисловодске и подумать об открытии такого же заведения в Пятигорске.

Следует написать прошение ставропольскому губернатору генерал-майору Волоцкому. В прошении объяснить надобность в современной гостинице. И сослаться на разрешение для купцов первой гильдии создавать предприятия.

Очевидно, что после тяжелой войны в Крыму денег в государственной казне не хватает. Если денежную помощь не искать, то от Алексея как человека известного прошение примут и решение скорее всего будет положительным.

Егор обещал помочь. Но просил понять, что много дать не сможет, поскольку собирает приданое для старших дочерей.

Что думает Алексей на счёт стороннего займа? Ведь собственная гостиница пригодится Григорию, когда он вырастет.

Егор, заканчивая разговор, сказал:

– Алёша, не удержусь и скажу тебе свое мнение о выборах в думу. Знакомые в Пятигорске сказали мне по секрету, что могут выбрать тебя. Брат, будь готов! И не думай отказываться! Почет, знаешь ли, помогает в делах.

За окном была глубокая ночь, когда осиротевший и горюющий Алексей сказал, тяжело вздохнув:

– Вот и стала родной для нас эта кавказская земля. В ней лежат наши родители. Небесного блаженства вам, любимые! Благодарность вам за все. Вечная память!

Братья перекрестились. Каждый прошептал молитву, обращённую к божьей матери. Легли спать под утро.

Утром Егору надо было возвращаться в Ставрополь. Там за детьми присматривали старшие дочери и бабка. Жена Вера Егоровна волнуется, всё ли у них в порядке.

Егор беспокоился также о ставропольской гостинице, которая нуждалась в строгом надзоре даже зимой, хотя зимой клиентов было меньше, чем весной и летом. Был уверен в брате, но всё же переживал за него.

Столько лет работать под отцовской опекой, а теперь остаться одному! Надо будет встречаться чаще! – подумал он. – Батюшка, не беспокойся, мы справимся с трудностями! Ты хорошо обучил нас упорству и деловой хватке!

Благословение вод

Закончилась Крымская война, и жизнь вернулась в привычное русло.

Зимой в Пятигорске состоялись сословные собрания правомочных жителей, плативших налоги. Они приговорили избрать в городскую думу шесть новых гласных, в том числе Алексея Петровича. Ему, удачливому распорядителю гостиниц, ресторанов и перевозчику на дилижансах, прибавились общественные обязанности.

По дополненному городскому положению Екатерины II гласные ведали городскими подрядами, распоряжались всякой хозяйственной деятельностью горожан, контролировали с подчиненными им базарными старостами городскую розничную торговлю, а также порядок на базаре.

Но это было не все. В январе 1858 года пятеро гласных назначили своего коллегу Алексея Петровича головой города и городской думы. На следующие три года ему передали гербовую печать и определили годовое жалование в тысячу пятьсот рублей.

Вот тут-то и случились удивительные совпадения. В том январе, когда выбирали городского голову Найтаки, преосвященный Игнатий (Брянчанинов) был рукоположен в епископы Кавказской епархии. Одновременно в Пятигорске

началось строительство тоннеля сквозь гору Машук к Провальному озеру.

Первая встреча головы города и епископа была торжественной. Утром 2 июня 1858 года в прохладном зале пятигорской ресторации начальствующие лица города ожидали приезда епископа Игнатия. Все волновались. По слухам новый епископ был внимателен и строг.

Приятный дух свежее испеченного хлеба заполнял пространство зала. На столе сверкало начищенное серебряное блюдо с краюхой хлеба и солонкой, приготовленными для встречи.

Перед блюдом сидел Алексей Петрович Найтаки голова Пятигорска с шейной золотой медалью «За полезное» на алой Аннинской ленте. Напротив на стуле расположился барон Армин Карлович Унгерн-Штернберг, казачий генерал-майор при всех наградах, новый управляющий Кавказскими Водами. Они обсуждали намерения епископа, объезжавшего епархию.

Армин Карлович пришел к мудрому выводу:

– Ничто человеческое владыке не чуждо! Как и прочим людям ему, конечно, свойственно любопытство.

Алексей Петрович подтвердил:

– Действительно, Армин Карлович, я слышал, что владыко весьма активный и любознательный человек. Его любопытство не порок, а добродетельное свойство. Мой опыт показывает, что подобное любопытство приносит пользу.

Сидевший неподалеку доктор Дроздов заметил:

– Полагаю, что владыка расположен к простудам, как все, сменившие климатические условия жизни. Он собирается пройти курс минеральных вод. Если к лечению водами подходить с осторожностью, то польза для здоровья будет несомненной.

Армин Карлович удивился:

– Интересно, в чем польза, что он стремится увидеть недостроенный тоннель к пятигорскому провалу? Взрывных работ осталось не меньше, чем на месяц, а то и на два. Полагаю, что тоннель вызвал у него интерес своей конструкцией и составом горных пород. Ведь известно, что епископ военный инженер по образованию.

Алексей Петрович откликнулся:

– Гласные городской думы убеждены, что он собирается освятить новое строение. Хочет все предусмотреть заранее. Мы просим вас, Армин Карлович, сделать ему встречное предложение.

Армин Карлович заинтересовался:

– Какое предложение?

Алексей Петрович пояснил:

– Ради сохранения от бесовских воздействий, а также от несчастных случаев и стихийных бедствий городская дума единогласно решила просить у епископа разрешения установить на Провале список иконы Пресвятой Богородицы всех скорбящих радость, покровительницы города. И, конечно, освятить список иконы. Дума готова принять на себя расходы по этим работам.

– Превосходно! – одобрил директор Армин Карлович – Обязательно предложу владыке. Если он согласится, тогда Дирекция вод построит над провальным озером крепкий помост, чтобы можно было подойти к иконе.

В этот момент в зал вбежал слуга и прокричал, что подъехала карета.

Алексей Петрович взял двумя руками поднос с хлебом-солью. Впереди начальствующих лиц города и собравшихся горожан поспешил навстречу епископу.

Этим летом владыка знакомился с епархией, посещал приходы в городах и станицах, проводил моления в церквях и читал проповеди. В перерывах прошел курс на водах.

Как намечали, строительство тоннеля завершилось через два месяца. 15 июля прогремел последний взрыв, открывший проход к провальному озеру. Отделку стен закончили быстро.

Интерес Владыки к строительству тоннеля проявил себя самым необыкновенным образом.

Субботним утром 23 августа в Скорбященской церкви собрались представители гражданской и военной власти с чадами и домочадцами, знатные горожане и именитые посетители Вод при огромном стечении простого народа.

По окончании Божественной литургии начался крестный

ход, возглавляемый Архиереем.¹ Вместе с владыкой Игнатием и именитыми людьми в первом крестном ходе к Провалу шел городской голова Алексей Петрович Найтаки. На площадке перед Провалом все молились.

Когда священник и диакон с чашей святой воды скрылись в тоннеле, чтобы освятить стены и воды подземного озера, Алексей Петрович поторопился вернуться в ресторацию. Там у него готовился торжественный обед для участников праздника.

Провальное озеро в Пятигорске (2019 г.).

Над озером находится икона целителя Пантелеймона, покровителя КМВ. Она заменила икону Богородицы всех скорбящих радость, утраченную после революции 1917 года.

Опытный ресторатор Найтаки спешил, хотя налаженное дело не требовало сиюминутного участия. Однако, как человек, достигший в своем деле высоких результатов, Алексей

¹ Самойленко П., История Ставропольской епархии, Спб Духовная академия, 1999.

Петрович не мог не беспокоиться. Эта было беспокойство мастера. Обратный путь шел под уклон, и ноги несли его сами.

Он быстро прошел мимо своего дома и в центре Пятигорска вошел в хорошо знакомый двор гостиницы. В тот день меню ресторации было признано особенно удачным. Оно превосходно учитывало время мясоедения, наступившее после долгого петровского поста.

Прошло полтора столетия. В 2012 году благословение минеральных вод возродил архиепископ пятигорский и черкесский Феофилакт. Теперь каждый прихожанин и просто желающий человек могут участвовать в молитвенном действии, символически открывающем летний курортный сезон.

Современный крестный ход начинается у Лазаревской церкви перед Пятигорским некрополем. Возглавляет шествие украшенный цветами иконописный образ первосвятителя и ревнителя чистоты веры Игнатия с частицей мощей.

Владыка Игнатий (Брянчанинов) был причислен в 1988 году к лику святых Поместным собором обновленной русской православной церкви. Признанный святой является покровителем юных дарований и помогает выбрать верный путь в жизни, применить свои знания и навыки. Многие православные христиане прибегают к молитве, обращенной к святому, для покаяния и отпущения грехов, просят помочь унять гордыню и не поддаваться на искушения, растлевающие ум и душу.

В современном молитвенном шествии церковный клир в праздничных одеждах несет хоругви и совершает песнопения. За ними следуют именитые люди и народ. С обочин за процессией наблюдает множество горожан и курортников.

Покинув старинные улицы Пятигорска, шествие выходит на просторный бульвар Гагарина.

Первоначально бульвар к пятигорскому Провалу был устроен на месте колесной дороги, пробитой в склоне горы строителями к обширной площадке перед входом в тоннель. Затем расширен и украшен прекрасными зданиями. В 1968 году он был назван в память первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Слово Гагарина «поехали!», произнесенное 12 апреля 1961 года, позвало человечество в

космические просторы.

Крестный ход заканчивается на площадке перед Провалом. Здесь на возвышении на виду у Пятигорска совершается многозначительный чин Благословения вод.

В этом удивительном месте, отмеченном историей, наш пращур Алексей Петрович Найтаки когда-то горячо молился вместе со святым Игнатием за благополучие жителей Кавказа.

Икона православного святого Игнатия (Брянчанинова)

Предки знали, что желание счастья направляет движение жизни. Делали все возможное, чтобы пришло счастливое будущее. Результаты было суждено увидеть нам, потомкам.

Эпилог

Славно жить на родине! Здесь никогда не одиноко, куда бы ты ни шёл и чем бы ни занимался. А если неподалеку живут родные люди, они нередко наполняют твою жизнь радостью общения, подкрепленной общим прошлым.

Если же случится, что рядом нет родных людей, то предки тебя не покинут. Они живут в твоих воспоминаниях.

Мои предки обитали по всем КМВ – в Пятигорске, в Железноводске, в Ессентуках, в Кисловодске и в Минеральных водах. Я и моя сестра росли в памятные годы среди них, и я могу представить себе почти в реальности, как проходила старинная жизнь в этих местах.

Фамилия мамы напоминала мне, что среди моих предков были греки Найтаки.

Вспоминаю, как однажды в солнечный день в середине 80-х годов прошлого века на лермонтовской площадке в кисловодском парке мне привиделся силуэт Петра Найтаки как бы перед пятигорской и кисловодской ресторациями.

Он смотрел на меня и на мою маленькую дочь, которая играла на камне с фигуркой бронзовой ящерицы, отполированной детишками до сверкающего на солнце золота.

Прошло много лет, и я почти забыл детали этого видения. Не помню, например, где были руки пращура. Сейчас мне кажется, что он, как и мы, хотел коснуться сверкающей ящерицы. Я зарисовал это видение, как его помню.

Признаюсь, что тогда я не обратил особенное внимание на это мимолетное видение. Но прошли годы и мое намерение изменилось. Я взялся за основательное исследование старинной жизни.

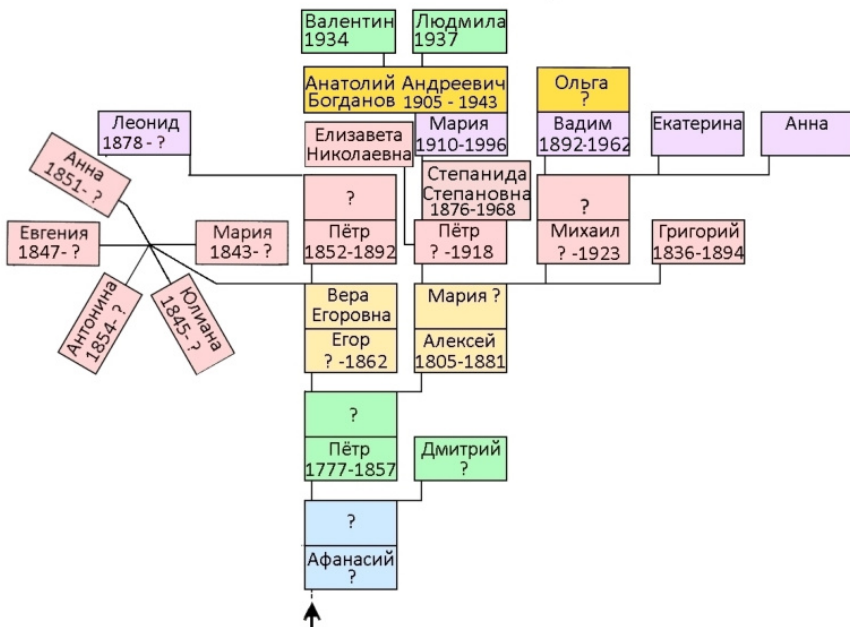
Приступить к нему настойчиво советовала родная сестра Людмила Анатольевна Хаспекова. И в дальнейшем помогала доброжелательными обсуждениями и продуманой критикой. За внимательное отношение я глубоко благодарен ей, моему шурину Виктору Георгиевичу и всей их большой семье. От всего сердца благодарю мою заботливую дорогую супругу Аллу Петровну Богданову (Лиманскую).

Долгие годы они дружески поддерживали мой труд и

сделали возможным выход в свет книг о Найтаки. Микро тиражом были изданы и выложены для доступа в интернете две книги: «Найтаки на Кавказе» и «Рестораторы Найтаки», Издательство «ОнтоПринт», Москва, 2018 г. и 2019 г.

В них содержится наброски этого историко-биографического романа, а также собраны сведения о Найтаки в виде летописи жизни и составлена родословная.

Родоначальник грек Афанасий был таганрогским купцом.

Его сыновья Петр и Дмитрий переехали на Кавказ. Дмитрий стал таможенником в Грузии, а Петр – купцом на Ставрополье. Торговал солью, а также вместе с другими купцами ходил с обозами, снабжавшими кавказскую армию оружием и всяким необходимым довольствием.

События жизни Петра и его сыновей Алексея и Егора на Ставрополье стали основой представленного романа.

Егор умер в 1862 году. Вскорости скончалась его жена Вера Егоровна. Шестеро осиротевших детей продали

ставропольскую усадьбу с родительским домом. Сиротский суд с согласия детей разделил вырученные деньги поровну. Есть основания полагать, что Мария старшая дочь Егора стала невесткой в семье купчихи Стасенковой, купившей дом, и дети Найтаки продолжали жить в прежнем доме.

Через много лет Петр сын Егора стал начальником Сахалинской почтово-телеграфной конторы. О нем неслестно отзывался А.П.Чехов в книге «Остров Сахалин». Леонид сын Петра учился в Первой Казанской гимназии. Вероятно, стал студентом Казанского университета. Сахалинские краеведы установили, что после революции 1905 года студент Леонид Найтаки агитировал на Сахалине среди ссыльных за установление в России республики.

У Алексея Петровича Найтаки было три сына. Были ли дети у первого сына Григория, узнать не удалось. Жизнь двух других сыновей Алексея Петровича, Михаила и Петра, драматически прервалась в начале двадцатого века.

Когда гражданская война закончилась, в России повсеместно проводилась экспроприация имущества богачей. Наступили годы разрухи и голода. В начале 20-х годов пятигорский дом и усадьбу Найтаки национализировали. Михаил сын Алексея Петровича Найтаки и, следовательно как и его отец, почетный гражданин России умер в 1923 году от голода.

Его сын Вадим закончил пятигорскую гимназию и ушел добровольцем в армию в Первую мировую войну. В гражданскую войну воевал на стороне белых. В конце войны сын и дочери Михаила Екатерина и Анна эмигрировали из России. После скитаний обосновались во Франции.

Поручик Вадим Михайлович Ноитаки умер в 1962 году и похоронен под Парижем на кладбище Сент Женевьев де Буа. В роду Найтаки он был последним потомственным почетным гражданином России.

Третьим сыном Алексея Петровича был наш дед Петр Найтаки. Он выучился на фельдшера. Имел собственную аптеку в Минеральных водах. Лишился её после революции 1917 года и переехал в Эссентуки, где стал лечить больных. В Эссентуках шла острая борьба за власть. Однажды вечером в

июне месяце 1918 года Петр Алексеевич возвращался после вызова к больному. На улице его застрелил из револьвера встречный казак, спутавший деда с бородатым председателем ессентукского Совета. Тяжело раненный в грудь дед дошел до дома. Местные медики в страхе отказали в помощи.

Вдова Петра Алексеевича и внебрачная дочь Мария испытали крайнюю нужду. Юная Мария оставила учебу и пошла работать санитаркой в санатории. Это была наша мама.

Наш отец Анатолий Андреевич Богданов вышел из купеческой семьи. Был творческим человеком. Занимался писательством, живописью и музыкой. Руководил комсомольским коллективом «Синяя блуза» в Ессентуках и рабочим клубом в Москве, куда он и Мария переехали в 1928 году. Трудился разнорабочим. Позднее маляром. Когда началась Великая Отечественная война его призвали в армию. Он был убит в 1943 году при освобождении Сталинской (теперь Донецкой) области Донбасса от немецких фашистов.

Наша мать Мария Петровна Найтаки прожила трудную жизнь вместе со всем СССР. Она была последней Найтаки, подолгу бывавшей на Кавказских водах. Умерла от старости в 1996 году в Москве.

В наше время о легендарных рестораторах и меценатах Найтаки помнят. В Ставрополе сохранился дом Егора Петровича (проспект Карла Маркса, 92). На здании бывшей ставропольской гостиницы (проспект Карла Маркса, 64) установлена мемориальная доска Петру Афанасьевичу. Еще одна доска в память Алексея Петровича украшает семейный дом (Пятигорск, проспект Кирова, 8).

В некрополе города Пятигорска приведены в порядок разоренные могилы семьи Найтаки и возвращен на место черный мраморный могильный крест П.А. и А.П. Найтаки.

В Кисловодске на Лермонтовской площадке возведен памятник в виде белого портала старинного здания. Он отмечает место, где прежде находился вход в найтаковскую ресторацию. В Пятигорске на здании Института курортологии памятная доска сообщает, что здесь была «Ресторация».

Вечная память предкам!

ОГЛАВЛЕНИЕ	стр.
Пролог.....	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	4
Посетители и работники.....	4
Встреча с ресторатором.....	16
Место, где исцелялись.....	22
Соглядатаи в городе.....	29
Нарзан и терренкур.....	35
Курсовой обед.....	42
Соглядатаи в горах.....	54
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	63
Курьер в крепости.....	63
Купеческая поездка.....	77
Дорожные размышления.....	85
Пятигорский госпиталь.....	97
Вечерние заботы.....	108
Конец первого дня.....	115
Схватка у водополя.....	120
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	129
Сборы на охоту.....	129
Конная охота.....	135
Раут у генеральши.....	147
Поездка на водопад.....	156
Кисловодский пикник.....	167
Возвращение кунака.....	181
Визит к коменданту.....	190
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	197
Успехи разведки.....	197
Совещание черкесов.....	207
Крестины внука.....	219
Набег на Кисловодск.....	226
После набега.....	239
В плену у горцев.....	247
Приезд императора.....	259
ЧАСТЬ ПЯТАЯ.....	263
Похвала наместника.....	263
Переезд из Пятигорска.....	274

Обновленная гостиница.....	286
Роковой калым.....	292
Перестрелка в Кисловодске.....	300
Последнее рождество.....	309
Ночной разговор.....	313
Благословение вод.....	320
Эпилог.....	326

Литературно-художественное издание

Богданов Валентин Анатольевич

Пятигорский голова Найтаки

Подписано в печать 22.12.20. Формат 60x90^{1/16}.

Усл. печ. л. 20,75. Тираж 40 экз.

Заказ № K07_1216_005

Издательство «ОнтоПринт»

105187, Москва, ул. Окружной проезд, д.16

Тел.: (495) 665-28-54

сайт: <https://ontoprint.ru>

Отпечатано на полиграфической базе

ИП Мархотина П. Ю.

СПб., Лермонтовский пр., д.27